

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

ВІСНИК **232** ВІПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 Г.

ПРОБЛЕМЫ
МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

3.3

KEELE MODELLEERIMISE
PROBLEEME

TARTU 1969

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 232 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 Г.

ПРОБЛЕМЫ
МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

3.3

KEELE MODELLEERIMISE
PROBLEEME

TARTU 1969

Toimetuskolleegium: H. Rätsep (toimetaja), O. Mutt,
S. Smirnov.

Редакционная коллегия: Х. Рятсеп (редактор), О.Мутт,
С. Смирнов.

Ümbrise kujundanud H. Pilter.

СИСТЕМА АБСТРАКТНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР

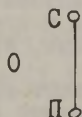
А. П. В о л о д и н, В. С. Х р а к о в с к и й

О. Выдвигается гипотеза о том, что синтаксические структуры конкретных предложений, описываемые в терминах членов предложений, являются речевыми корреспондентами ограниченного числа универсальных абстрактных синтаксических структур (АСС).

Задачу этой статьи авторы видят в том, чтобы: а) описать систему АСС в статике и в динамике, б) рассмотреть проблему соотношения структур конкретных предложений и АСС.

1.0. В рамках статического описания нами моделируется система, состоящая из четырех равноправных АСС, называемых структурами I, II, III IV ярусов (соответственно АССI, АССII, АССIII, АССIV).

1.1. АССI состоит из сказуемого и подлежащего, которые связаны между собой предикативным отношением.¹ Дерево АССI имеет вид:

¹ В схемах деревьев АСС применяется следующая нотация: С - сказуемое, П - подлежащее, Д₁ - первое дополнение, Д₂ - второе дополнение; О - предикативное отношение, 1, 2, 3 - соответственно первое, второе и третье объектное отношение.

Речевыми корреспондентами АССІ являются, напрмер, структуры следующих элементарных предложений²:

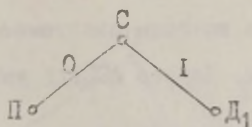
- (1) таджамалӯ (С) н-на̄су (П) (араб.) "Люди (П) замерзли (С)".
- (2) удтирра (С) 'ахмад (П) 'илā з=захаби (С) (араб.) "Ахмед (П) был (С) вынужден (С) уйти (С)".
- (3) saxli (П) daicva (С) (груз.) "Дом (П) сгорел (С)".
- (4) Das Haus (П) wird (С') gebaut (С") (нем.) "Дом (П) строится (С)".
- (5) Ich (П) freue (С) mich (нем.) "Я (П) радуюсь (С)".
- (6) Poika (П) ukkuu (С) (фин.) "Мальчик (П) спит (С)".
- (7) Tyttö (П) peseytyi (С) (фин.) "Девочка (П) умылась (С)".
- (8) Чул (П) ўкрё (С) (чуващ.) "Камень (П) упал (С)".
- (9) Адйг (П) хупанчё (С) "Дверь (П) закрылась (С)".
- (10) Кяат (П) малеквёт (С) (чук.) "Олени (П) выздоровели (С)".
- (11) Нэвыскёт (П) кэргынгъэ (С) (чук.) "Женщина (П) оделась (С)".
- (12) Ан'к'игналг'е (П) аг'алиг'аг'ук (С) (эск.) "Больной (П) лечится (С)".

1.2. В АССП на один элемент больше, чем в АССІ: это дополнение, с которым сказуемое связано первым объективным отношением. Дерево АССІІ имеет вид:

² Э л е м е н т а р н ы м мы называем предложение, включающее только те члены предложения, которые корреспондируют с элементами той или иной АСС.

Примеры взяты из следующих языков: арабский (араб.), грузинский (груз.), ительменский (ительм.), немецкий (нем.), нивхский (нивх.), финский (фин.), русский (русск.), чувашский (чуващ.), чукотский (чук.), эскимосский (эск.). Арабские, грузинские и ительменские примеры даны в фонетической транскрипции, примеры из остальных языков — в практической графике.

Выбор языков объясняется отчасти профессиональными занятиями авторов. Подчеркнем вместе с тем, что названные языки представляют индоевропейскую, иберийско-кавказскую, семитскую, тюркскую, финно-угорскую и палеоазиатскую языковые семьи. Заметим также, что иллюстративный материал в принципе мог быть почерпнут из любых других языков.

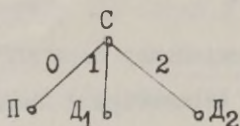

Речевыми корреспондентами этой АСС являются, например, структуры следующих элементарных предложений:

- (13) даххака (С) 'аби (П) л-хадирина (Д₁) (араб.) "Отец (П) рассмешил (С) присутствующих (Д₁)". (14) 'инна л=му'-аллима (П) самаха (С') ли (Д₁) би э=захаби (С") (араб.) "Учитель (П) разрешил (С) мне (Д₁) уйти (С)". (15) deda (П) bavšva (Д₁) azinebs (С) (груз.) "Мать (П) укладывает (С) ребёнка (Д₁) спать (С)". (16) пана (П) вахлс (Д₁) авенеbs (С) (груз.) "Отец (П) строит (С) дом (Д₁)". (17) Ich (П) habe (С') einen Brief (Д₁) geschrieben (С") (нем.) "Я (П) написал (С) письмо (Д₁)". (18) Ititi (П) käs-ki (С') minun (Д₁) pukeutua (С") (фин.) "Мать (П) велела (С') мне (Д₁) одеться (С)". (19) Мучи (П) пурт тәррине (Д₁) витнэ (С) (чуваш.) "Дядя (П) покрыл (С) крышу (Д₁)". (20) Эпэ (П) вутта (Д₁) сунтертем (С) (чуваш.) "Я (П) потушил (С) огонь (Д₁)". (21) Ыпыначга (П) чынаннен (С) вычготтоот (Д₁) (чук.) "Старик (П) расколол (С) доску (Д₁)". (22) Ытлыгэ (П) рымалевнинэт (С) ваат (Д₁) (чук.) "Отец (П) вылечил (С) оленей (Д₁)". (23) Ынан (П) мигчи-рэтыйгут (С') рытыркынин (С") энык (Д₁) (чук.) "Он (П) заставляет (С") сына (Д₁) работать (С')". (24) Аг'алих'-тым (П) ан'к'иг'налг'е (Д₁) аг'алиг'ак'а (С) (эск.) "Врач (П) лечит (С) больного (Д₁)". (25) Аг'алиг'илъты (П) ан'-к'иг'налг'енын' (Д₁) аг'алих'сисек'ук' (С) (эск.) "Врач (П) заставляет (С) больного (Д₁) лечиться (С)".

1.3. В АСС III на один элемент больше, чем в АСС II: это

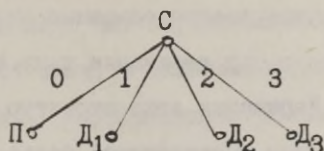
второе дополнение, с которым сказуемое связано вторым объектным отношением. Дерево АССIII имеет вид:

Речевыми корреспондентами этой АСС являются, например, структуры следующих элементарных предложений:

- (26) 'иннанй (П) 'атауассалу (С) 'илайки (Д₂)
'ан таф'ала (С") шай'ан (Д₁) (араб.) "Я (П) умоляю (С')
 тебя (Д₂) что-нибудь (Д₁) сделать (С")". (27) мама (П)
švils (Д₂) serils (Д₁) acerinebs (С) (груз.) "Отец (П)
 заставляет (С) сына (Д₂) писать (С") письмо (Д₁)".
- (28) эр (П) erlaubte (С') mir (Д₂) nicht, diesen Brief
 (Д₁) zu lesen (С") (нем.) "Он (П) не позволил (С') мне
 (Д₂) прочесть (С") это письмо (Д₁)". (29) Hän (П) järjes-
tytti (С) tämän asian (Д₁) asianajajalla (Д₂) (фин.) "Он
 (П) устроил (С) это дело (Д₁) через адвоката (Д₂)".
- (30) Вёрентекен (П) шкул ачине (Д₂) кёнеке (Д₁) вудат-
тарать (С) (чуваш.) "Учитель (П) заставляет (С) ученика
 (Д₂) читать (С) книгу (Д₁)". (31) Ытлыге (П) рымигчирэ-
вийгут (С') рытыркынин (С", Д₂) валы (Д₁) (чук.) "Отец
 (П) велит (С") (ему - Д₂) обрабатывать (С) нож (Д₁)".
- (32) Ом (П) канух'ситак'а (С) иламинун (Д₂) айвык' (Д₁)
 (эск.) "Человек (П) заставляет (С) товарища (Д₂) колоть
 (С) моржа (Д₁)".

1.4. В АСС на один элемент больше, чем в АССIV :
 это третье дополнение, с которым сказуемое связано тре-
 тьим объективным отношением. Дерево АССVV имеет вид:

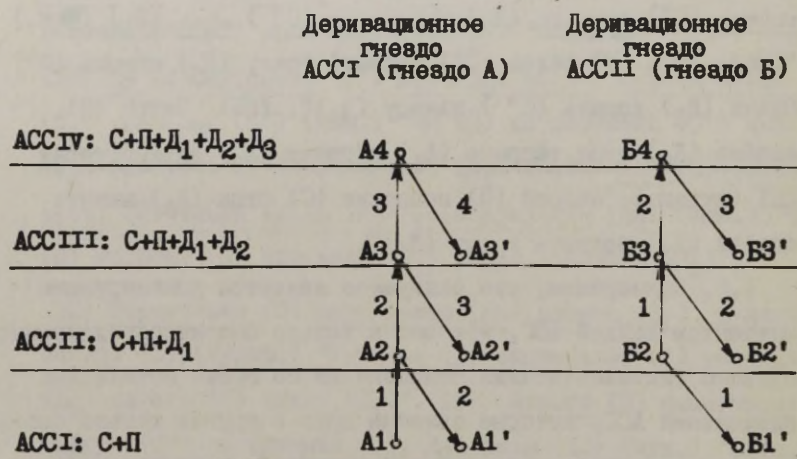
Речевыми корреспондентами АССIV являются, например, структуры следующих элементарных предложений:

(33) кэмма (П) тлакичен (С') бригадиранке (Д₃) хэй хнитэнэн² (С") сатос (С")) кэлхозника?нке (Д₂) карто-вел^ба?н^бч (Д₁) (ительм.) "Я (П) посоветовал (С) бригадиру (Д₃) запретить (С") колхозникам (Д₂) копать (С")) картошку (Д₁)". (34) Isäni (П) käski (С') veljeni (Д₃) auttaa (С") Juhania (Д₂) kaivamaan (С")) ojaa (Д₁) (фин.) "Мой отец (П) велел (С') (моему) брату (Д₃) помочь (С") Юхани (Д₂) копать (С")) канаву (Д₁)". (35) Энтри (П) ашшэне (Д₃) пүрт тәррине (Д₁) күршине (Д₂) виттертерне (С) (чуваш.) "Андрей (П) попросил (С) отца (Д₃) нанять соседа (Д₂) покрыть крышу (Д₁)".

1.5. Подчеркнем, что сказуемое является доминирующим элементом каждой АСС, ибо оно и только оно непосредственно связано синтаксическими отношениями со всеми остальными элементами АСС, которые связаны друг с другом только опосредованно, через сказуемое. Сказуемое и подлежащее суть элементы, представленные во всех АСС системы. Если по наличию этих элементов АСС не отличаются друг от друга, то "набор дополнений" есть как раз то, что характеризует каждую из них. В АССI дополнений нет, в АССII - одно дополнение, в АССIII - два, в АССIV - три дополнения. Таким образом, дополнения являются элементами, "ответственными" за оппозицию структур в системе.

2.0. В рамках динамического описания инвентарь АСС рассматривается как результат деривации двух исходных структур: АСС I и АСС II. Деривация этих структур осуществляется с помощью применяемых в определенной последовательности операций двух типов: операции первого типа служат для увеличения количества дополнений в АСС; операции второго типа служат для уменьшения количества дополнений в АСС. На каждом деривационном такте количество дополнений в АСС увеличивается (уменьшается) только на единицу.

2.1. Процесс деривации исходных АСС отражает схема 1³:

Гнездо А включает 7 АСС, гнездо Б - АСС. Деривация ис-

³ В левой части схемы показан элементный состав АСС каждого яруса; узлы схемы, каждому из которых соответствует одна АСС, маркированы буквами А и В (принадлежность к тому или иному деривационному гнезду) и цифровыми индексами (принадлежность к тому или иному ярусу). Стрелки показывают направление деривации, цифры на них - степень деривации.

Деривационное гнездо Б формально представляет собой фрагмент деривационного гнезда А.

ходных АСС (узлы А1 и Б2) осуществляется в рамках четырех ярусов, между которыми, в зависимости от наличия и количества дополнений, распределяются все АСС. АССIII и АССIV — только производные. На III ярусе четыре АСС (по две в каждом гнезде), на IV ярусе — две АСС (по одной в каждом гнезде). На I и II ярусах располагаются как исходные, так и производные АСС. На I ярусе — три АСС (в гнезде А — исходная и производная, в гнезде Б — производная). На II ярусе — четыре АСС (в гнезде А — две производных, в гнезде Б — исходная и производная). Не трудно, по-видимому, заметить, что принципиальное отличие динамического описания АСС от статического заключается в том, что АСС характеризуются не только составом элементов, но и своей деривационной историей.

2.2. Рассмотрим операции, посредством которых осуществляется деривация исходных АСС. Операции первого типа (см. § 2.0.) применяются для построения производных АСС высших ярусов относительно производящих АСС; операции второго типа — для построения АСС низших ярусов относительно производящих АСС.

Имеется две инструкции, в соответствии с которыми осуществляются операции обоих типов. Первая инструкция может быть применена на л ю б о м деривационном такте; вторая инструкция — только при деривации I → II ярус и обратно. Первая инструкция включает два синтаксических действия, вторая инструкция — одно синтаксическое действие.

2.3. Первая инструкция.

2.3.1. Операции первого типа состоят из следующих действий:

(1) преобразовать подлежащее в дополнение (в первое допол-

нение при переходе АСС I → АСС II, во второе дополнение при переходе АСС II → АСС III, в третье дополнение при переходе АСС III → АСС IV);

(2) ввести новое подлежащее.

Остальные элементы производящей АСС удерживаются в производной АСС.

2.3.2. Операции второго типа состоят из следующих действий:

(1) преобразовать дополнение (первое при переходе АСС II → АСС I, второе при переходе АСС III → АСС II, третье при переходе АСС IV → АСС III) в подлежащее;

(2) убрать прежнее подлежащее.

Остальные элементы производящей АСС удерживаются в производной АСС.

2.3.3. Действия, составляющие операции второго типа, являются зеркальными по отношению к действиям, составляющим операции первого типа. Сравните таблицы 1а и 1б:

Таблица 1а

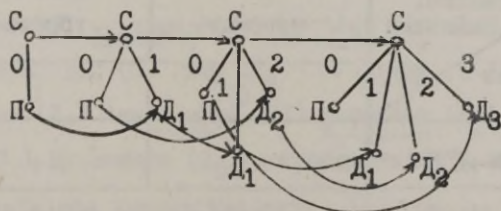
Направление / Синтаксич. действия	преобразовать			ввести	удержать	
	0 → 1	0 → 2	0 → 3	0	1	2
АСС I → АСС II	+			+		
АСС II → АСС III		+		+	+	
АСС III → АСС IV			+	+	+	+

Таблица 16

Синтаксич. На- правление деривации	преобразовать			убрать	удержать	
	3 → 0	2 → 0	1 → 0	0	2	1
ACC II → ACC I			+	+		
ACC III → ACC II		+		+		+
ACC IV → ACC III	+			+	+	+

Покажем деривационные операции на схемах деревьев ACC:

Операции первого типа

Операции второго типа

2.4. Вторая инструкция.

2.4.1. Операция первого типа:

- ввести новое дополнение. Остальные элементы производящей ACC удерживаются в производной ACC.

2.4.2. Операция второго типа:

- убрать дополнение. Остальные элементы производящей ACC

удерживаются в производной АСС.

Как видим, и во второй инструкции операции первого и второго типов являются зеркальными по отношению друг к другу. Сравните таблицы 2а и 2б:

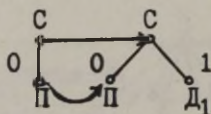
Таблица 2а

Синтаксич. На- правл. деривации	Синтаксич. действия	ввести	удержать
		1	0
АСС I → АСС II		+	+

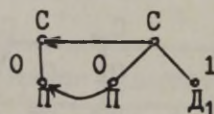
Таблица 2б

Синтаксич. На- правл. деривации	Синтаксич. действия	удержать	убрать
		0	1
АСС II → АСС I		+	+

Операции первого типа

Операции второго типа

2.5. Итак, переход АСС I → АСС II (и обратно) осуществляется по двум инструкциям, тогда как межъярусные переходы осуществляются только по первой инструкции.

2.6. Приведем несколько примеров деривации элементарных предложений.

2.6.1. Первая инструкция:

АСС I → АСС II

(36) уаџаџат (С) ис-саййџрату (П) (араб.) "Машина (П)

остановилась (С)" → 'аўкафа (С) 'абй (П) с=саййарата (Д₁)
 "Отец (П) остановил (С) машину (Д₁)". (37) vieraat (П)
oudostuivat (С) (фин.) "Гости (П) смутились (С)" →
Vastaanotto (П) oudostutti (С) vieraat (Д₁) "Прием (П)
 смутил (С) гостей (Д₁)". (38) хол^бл^ба?н (П) схэвиуе?н (С)
 (ител.м.) "Парни (П) уехали (С)" → кэмма (П) тёнсхэвиче?н
 (С) хол^бл^ба?н (Д₁) "Я (П) отправил (С) парней (Д₁)"
 (39) Микиск'ик' (П) ак'умак'ук' (С) (эск.) "Ребенок (П)
 садится (С)" → Аг'нам (П) микиск'ик' (Д₁) акумаситак'а (С)
 "Мать (П) усаживает (С) ребенка (Д₁)".

См. также чук., примеры 10 и 22, эск., примеры 12 и 25.

АССII → АССIII

(40) зѧқа (С) мухаммад (П) т=та'ѧма (Д₁) (араб.) "Мухам-
 мед (П) попробовал (С) пищу (Д₁)" → са'ала (С') т=таббѧху
 (П) мухаммад (Д₂) 'ан йазѧқа (С") т=та'ѧма (Д₁) "Повар (П)
 попросил (С) Мухаммеда (Д₂) попробовать (С") пищу (Д₁)".
 (41) Ulkomaalaisia luennoitsijoita (П) luennoi (С) luento-
kurssin (Д₁) (фин.) "Лекторы-иностранцы (П) прочли (С)
 курс лекций (Д₁)" → Yliopisto (П) luennoitki (С) luento-
kurssin (Д₁) ulkomaalaisilla luennoitsijoilla (Д₂) "Уни-
 верситет (П) организовал (С) чтение (С) курса лекций (Д₁)
 с помощью лекторов-иностранцев (Д₂)".

АССIII → АССIV

(42) ѧа д=далйлу (П) 'арѧ (С) с=суѧѧѧха (Д₂) ма'ѧлима
 (Д₁) 'ухра (араб.) "Гид (П) показал (С) туристам (Д₂) дру-
 гие памятники (Д₁)" → ал='илхѧху (П) ш=шадйду дѧ'ала (С')
д=далйла (Д₃) йурй (С") с=суѧѧѧха (Д₂) ма'ѧлима (Д₁) ухрѧ
 "Сильная настойчивость (П) заставила (С') гида (Д₃) пока-
 зать (С") туристам (Д₂) другие памятники (Д₁)".

ACCI → ACCII → ACCIII

(43) deda (П) icinis (С) (груз.) "Мать (П) смеется (С)" → bavšvi (П) dedas (Д₁) acinebs (С) "Ребенок (П) смежит (С) мать (Д₁)" → maма (П) bavšva (Д₂) dedas (Д₁) acinebinebs (С) "Отец (П) заставляет (С) ребенка (Д₂) сме- шить (С) мать (Д₁)". (44) Вут (П) сүнче (С) (чуваш.) "Огонь (П) погас (С)" → Эпё (П) вутта (Д₁) сүнтертем (С) "Я (П) погасил (С) огонь (Д₁)" → Anne (П) мана (Д₂) вутта (Д₁) сүнтерттерчё (С) "Мать (П) заставила (С) меня (Д₂) погасить (С) огонь (Д₁)".

ACCI → ACCII → ACCIII → ACCIV

(45) кҗаҗн (П) нуҗеҗн (С) (ителм.) "Собаки (П) поели (С)" → хол^бл^{ба} (П) л^беннунеҗн (С) кҗаҗн (Д₁) "Мальчик (П) накормил (С) собак (Д₁)" → җиаҗан (П) әнкләнен (С') хол^бл^{ба} (Д₂) л^бл^беннос (С") кҗаҗн (Д₁) "Феофан (П) послал (С') мальчика (Д₂) накормить (С") собак (Д₁)" → кәмманк (П) нлакичен (С') җиаҗананке (Д₃) әнклес (С") хол^бл^{ба} (Д₂) л^беннос (С") кҗаҗн (Д₁) "Я (П) велел (С') Феофану (Д₃) послать (С") мальчика (Д₂) накормить (С") собак (Д₁)".

(46) tukit (П) uivat (С) (фин.) "Бревна (П) плывут (С)" → Uittoyhtiö (П) uitti (С) tukit (Д₁) "Сплавная фирма (П) сплавила (С) бревна (Д₁)" → Johtaja (П) uitatti (С) tukkinea (Д₁) uittoyhtiöllä (Д₂) "Директор (П) сплавил (С) свои бревна (Д₁) с помощью сплавной фирмы (Д₂)" → Nän (П) neuvoi (С') johtajaa (Д₃) uitattaa (С") tukit (Д₁) uitto- yhtiöllä (Д₂) "Он (П) посоветовал (С) директору (Д₃) поручить (С") сплавной фирме (Д₂) сплавить (С") бревна (Д₁)".

ACCII → ACCI

(47) фатахту (С) л-баба (Д₁) (араб.) "(Я) (П) открыл (С)

дверь (Д₁)" → 'инфатаха (С) л=бāбу (П) "Дверь (П) открылась (С)". (48) Vilho (П) opetti (С') veljensä (Д₁) laskemaan (С") (фин.) "Вилхо (П) научил (С') (своего) брата (Д₁) считать (С")" → Vilhon veli (П) opettautui (С') laskemaan (С") "Брат Вилхо (П) научился (С') считать (С)". (49) Аннем (П) чей (Д₁) āшāтрē (С) (чуваш.) "Мать (П) согрела (С) чай (Д₁)" → Чей (П) āшāнчē (С) "Чай (П) согрелся (С)".

АССIII → АССII

(50) хāвā э=зарфу (П) дтаррани (С', Д₂) 'илā китāби (С") л=мактуби (Д₁) (араб.) "Это обстоятельство (П) вынудило (С') меня (Д₂) написать (С") письмо (Д₁)" → 'удтирарту (С') 'илā китāбати (С") л=мактуби (Д₁) "Я (П) был вынужден (С') написать (С") письмо (Д₁)".

АССIV → АССIII

(51) 'инна 'илхāха (П) с=сууўāхи ш=шадйда дтарра (С') д=далйла (Д₃) 'илā 'ан йурийахум (С", Д₂) ма'āлима'ухра "Сильная настойчивость (П) туристов вынудила (С') гида (Д₃) показать (С") туристам (Д₂) другие памятники (Д₁)" → 'удтирра д=далйлу (П) 'илā 'ан йурийахум (С, Д₂) ма'āлима (Д₁) 'ухра "Гид (П) был вынужден (С) показать (С) им (Д₂) другие памятники (Д₁)".

2.6.2. Вторая инструкция:

АССI → АССII

(52) ўа л=уммāлу (П) йадхулўна (С) 'илā л=анāбири (араб.) "Рабочие (П) входят (С) в склады" → ўа л=уммāлу (П) йудхилўна (С) т=туруда (Д₁) 'илā л=анāбири "Рабочие (П) вносят (С) тюки (Д₁) в склады". (53) леґес (П) ўтеанк ч'ирикзувен (С) (ительм.) "Россомахв (П) тут ворует (С)" →

Т'ин тхалтхал (Д₁) леқесенк (П) әнч'иричен (С) "Это мясо (Д₁) украла (С) россомаха (П)". (54) Suomalaiset (П) asuvat (С) täällä jo tuhat vuotta (фин.) "Финны (П) живут (С) здесь уже тысячу лет" → Suomalaiset (П) asuttivat (С) tämän seudun (Д₁) jo tuhat vuotta sitten "Финны (П) заселили (С) эту местность (Д₁) уже тысячу лет назад". (55) Ан арманё (П) авăрать (С) (чуваш.) "Мельница-жерновка (П) мелет (С)" → Ан арманё (П) шурă тулла (Д₁) авăратать (С) "Мельница-жерновка (П) мелет (С) белую муку (Д₁)".

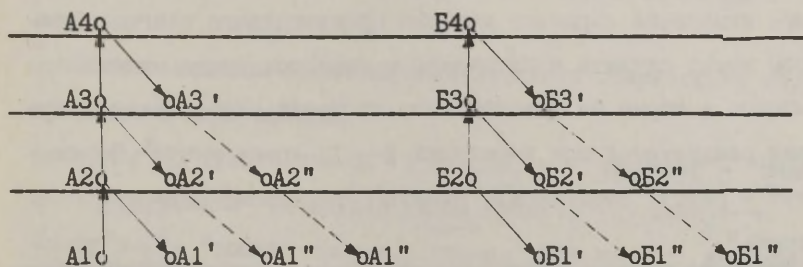
АССII → АССI

(56) гасала (С) 'аб̄и (П) ра'саху (Д₁) (араб.) "Отец (П) вымыл (С) голову (Д₁)" → 'иггасала (С) 'аб̄и (П) "Отец (П) вымылся (С)". (57) итх (П) нөнччамэҥк (С) муваҥн (Д₁) (ительм.) "Они (П) победили (С) нас (Д₁)" → итх (П) нəнад^bкзед^bкзууеҥн хенекит анəнчхад^bеҥн (С) "Они (П) много готовились, поэтому победили (С) ("одержали победу)". (58) Ачасем (П) Сетнере (Д₁) түпелерес (С) (чуваш.) "Ребята (П) отколотили (С) Сетнера (Д₁)" → Ачасем (П) түпелешрĕс (С) "Ребята (П) подрались (С)".

2.7. Следует подчеркнуть одно важное обстоятельство. Операции первого типа представляют собой единую цепочку последовательных преобразований (ср. примеры 43-46); в отличие от них, операции второго типа осуществляются с помощью трех отдельных преобразований, не связанных в единую цепочку (см. схему I, также примеры 47-51 и 56-58). Если от А1 образуется цепочка А1 → А2 → А3 → А4, то от А4 возможен только переход А4 → А3', так же как и от А3 - только А3 → А2', и от А2 - только А2 → А1'. (Сказанное справедливо и для гнезда Б). Как показывает схема I, от А3', А2',

БЗ', Б2' деривации нет. Если бы такая деривация была возможна, схему 1 следовало бы заменить схемой 2 (см.):

Схема 2

3.0. Обратимся к рассмотрению особенностей деривации таких исходных элементарных предложений, в которых в роли сказуемого выступает полнозначный глагол. Специфическая черта межърусной деривации этих предложений заключается в том, что на каждом деривационном такте глагольное сказуемое, как правило, оформляется оператором межърусной производности.⁴

3.1. Различаются операторы двух типов: а) морфологические, б) аналитические. Морфологическими операторами мы на-

⁴ Особо следует говорить о корреляции предложений I и II ярусов. В некоторых языках наблюдаются случаи, когда глаголы в соотносительных предложениях I и II ярусов либо а) формально абсолютно тождественны (ср. англ. Water is boiling "Вода кипит" ↔ I am boiling water "Я кипячу воду"), либо б) различаются только типом спряжения (ср. ительм. я́нна у? к=над^b='ан "он согнул дерево", субъектно-объектный тип спряжения ↔ у? к=над^b=кнан "дерево согнулось", субъектный тип спряжения). См. также эск. примеры 12 и 24, ительм. пример 53).

зываем все способы переформирования основы производящего глагола (т.е. осуществляемые в границах слова); аналитическими мы называем операторы, имеющие статус отдельных слов.

3.2.1. К морфологическим операторам относится прежде всего изменение корневой морфемы производящего глагола. Примером может служить наблюдаемая в нивхском языке начального смычного в корне на целевой того же места образования, которая реализуется при деривации I → II ярус: т=нуд' "привыкать" - р=нуд' "приучать", п=ыкэд' "теряться" - в=ыкэд' "терять".⁵

3.2.2. Морфологическими операторами служат также основообразующие аффиксы различных формальных типов. Аффикс, вводимый на первом деривационном такте, как правило, контактирует с основой исходного глагола. Аффиксы, вводимые на последующих деривационных тактах, контактируют с аффиксами межъярусной деривации, введенными на предыдущих тактах.

Приведем примеры.

В арабском языке морфологическими операторами служат трансфиксы:

к=а=т=а=л/а "убить" (II ярус) → к=у=т=и=л/а "быть убитым" (I ярус); д=а=х=а=л/а "входить" (I ярус) 'а=дх=а=л/а "вводить", "вносить" (II ярус); с=а=м=и=с'/а "слышать"

⁵ Подробнее об этом см.: В.П.Недялков, Г.А.Отаина, Описание глагольного словообразования методами порождающей грамматики (на материале нивхского языка), публикуется в этом же сборнике.

Предварительные наблюдения говорят о том, что изменение корневой морфемы служит оператором межъярусной производности только при деривации I → II ярус.

(II ярус) → 'a=cm=a /a "дать услышать" (III ярус).

Примечание. При введении в исходный глагол трансфикса межъярусной производности одновременно выводится из глагола прежний трансфикс. Двух трансфиксов в одном слове быть не может.

В ительменском языке морфологическими операторами служат префиксы и циркумфиксы.

ликад^b = "тушить что-л." (II ярус) → ан-ликад^b = "заниматься тушением" (I ярус); кд^ba = "тонуть" (I ярус) → ән-кд^ba=д^b = "топить кого-л., что-л." (II ярус); к'енези = "беспокоиться" (I ярус) → д^bән=к'енезиңа "беспокоить кого-л." (II ярус).

В финском, чувашском и эскимосском языках морфологическими операторами служат суффиксы.

фин. kulke = "идти" (I ярус) → kulje=тта = "вести" (II ярус) → kulje=t=утта = "вести, вести (чужими руками)" (III ярус).

чуваш. вит "покрыть" (II ярус) → вит=тер± "попросить покрыть" (III ярус) → вит=тер=тер= "заставить попросить покрыть" (IV ярус)
витен "покрываться" (I ярус)

эск. нскуг'а/к'ук' "учиться" (I ярус) → нскуг'=нйк'усах/к'а "уговорить учиться" (II ярус) → нскуг'=нйк'усах=тыфка/к'а "заставить уговорить учиться" (III ярус) → нскуг'=нйк'усах=тыфка=йк'а/к'а "просить заставить уговорить учиться" (IV ярус).

3.3. В роли аналитических операторов обычно выступают глаголы, которые мы будем называть операторными. Эти глаголы бывают двух видов.

3.3.1. Операторные глаголы, передающие только грамматическую информацию. К их числу относятся, например: араб. джа'ала, фин. rakottaa, saada, ительм. итэс, чук. рытык, имеющие значение "делать так, чтобы", "заставлять"; араб. тарака, нем. lassen, имеющие значение "давать", "оставлять", "позволять". См. примеры (23, (31), (42).

В грамматиках глаголы этого вида обычно причисляют к разряду служебных.

3.3.2. Операторные глаголы, которые, наряду с грамматической информацией, передают определенную лексическую информацию, напр.:

русский	<u>просить</u>	<u>советовать</u>	<u>запрещать</u>	<u>помогать</u>	и т.д.
араб.	<u>са'ала</u>	<u>насаха</u>	<u>харрана</u>	<u>са'ада</u>	
нем.	<u>bitten</u>	<u>raten</u>	<u>verboten</u>	<u>helfen</u>	
фин.	<u>pyytää</u>	<u>neuvoa</u>	<u>kieltää</u>	<u>auttaa</u>	
ительм.	<u>энтес</u>	<u>лакэс</u>	<u>кам итэс</u>	<u>энк'эс</u>	

См. примеры: (16), (18), (28), (33), (34), (40), (45), (46), (50), (51).

Глаголы этого вида обычно не служат предметом грамматических описаний, хотя, будучи операторами межъязычной деривации, они, как и глаголы, названные в § 3.3.1, относятся в первую очередь к сфере грамматики и лишь затем - к сфере лексики.

3.4. Введение в сказуемое операторного глагола отражается на статусе полнозначного глагола. В языках с развитым глагольным формобразованием спрягаемая форма изъявительного наклонения обычно заменяется либо спрягаемой формой сослагательного наклонения, либо одной из неспрягае-

мых форм.⁶ См. выше примеры 4, 14, 18, 23, 26, 28, 31, 33, 40, 42, 45, 46, 50, 51.

Последующее введение в сказуемое еще одного операторного глагола отражается на статусе ранее введенного операторного глагола, который изменяется так же, как полнозначный глагол на предыдущем деривационном такте (см. выше примеры 34, 45).

3.5. Конкретные языки демонстрируют различные комбинации морфологических и аналитических операторов, однако описание существующих комбинаций не входит в задачу данной работы.

4.0. Формальная деривация исходных элементарных предложений сопровождается определенной семантической деривацией. Следует заметить, что круг основных значений, приобретаемых производными элементарными предложениями в процессе деривации, довольно узок.

4.1. Производные элементарные предложения, полученные в ходе последовательной деривации I → II → III → IV ярус, осуществляемой по первой инструкции, являются к а у з а т и в н ы м и по отношению к производящим элементарным предложениям.

Соответственно являются к а у з а т и в н ы м и те операторы межъярусной деривации, с помощью которых строятся производные каузативные предложения (см. примеры 36-46).

⁶ Об этом см.: В.П.Недялков, Т.Н.Никитина, В.С.Храковский, О типологии побудительных конструкций. - Лингвистическая типология и восточные языки, М., 1965.

4.2. Производные элементарные предложения, полученные в ходе деривации I → II ярус, осуществляемой по второй инструкции, обычно имеют "п р и л о ж и т е л ь н о е" значение по отношению к исходным элементарным предложениям яруса.

Соответственно можно называть "п р и л о ж и т е л ь н ы м и" те операторы, с помощью которых строятся производные элементарные предложения этого типа (см. примеры 52-55).

4.3. Производные элементарные предложения, полученные в ходе деривации II → I ярус, III → II ярус, IV → III ярус, осуществляемой по первой инструкции, являются "а н т и - к а у з а т и в н ы м и" по отношению к производящим элементарным предложениям.

Соответственно "а н т и к а у з а т и в н ы м и" являются и операторы, с помощью которых строятся производные антикаузативные предложения (см. примеры 47-51).

4.4. Производные элементарные предложения, полученные в ходе деривации II → I ярус, осуществляемой по второй инструкции, обычно имеют "а н т и п р и л о ж и т е л ь н о е" значение по отношению к производящим элементарным предложениям II яруса.

Соответственно можно называть "а н т и п р и л о ж и т е л ь н ы м и" те операторы, с помощью которых строятся производные элементарные предложения этого типа (см. примеры 56-58).⁷

⁷ Проблема значений, рассматриваемых здесь (в частности, вопрос их дефиниции), детально, хотя и несколько в ином аспекте, рассматривается в работе: В.П.Недялков, Г.Г.Сильницкий, Типология морфологического и лексического каузатива, см. коллективную монографию: Типология каузатива. Морфологический каузатив. М., "Наука" (в печати).

5. Наряду с межърусской деривацией элементарных предложений существует внутрирусная деривация, в ходе которой сказуемое элементарного предложения оформляется операторами внутрирусской производности. При внутрирусской деривации структура предложения не меняется. Операторами внутрирусской производности являются, например, фазовые и модальные аффиксы и глаголы: (59) кэmma (П) тнускэчен (С) (ительм.) "Я (П) ем (С)" → кэmma (П) тну=а=скэчен (С) "Я (П) хочу (С) есть (С)". (60) Учитель читает книгу → Учитель должен прочесть книгу. (61) Мальчик одевается → Мальчик начал одеваться.

Проблема внутрирусской деривации элементарных предложений должна быть рассмотрена отдельно. Здесь мы хотим только подчеркнуть, что в одном и том же элементарном предложении могут быть представлены операторы как межърусской, так и внутрирусской производности. Например: (62) Я заставил Петра начать работать и (63) Я начал заставлять Петра работать. Оба эти предложения реализуют АССII и являются дериватами второй степени исходного элементарного предложения (64) Петр работает, реализующего АССI. Предложение (62) получено из исходного предложения путем введения на первом деривационном такте фазового глагола-оператора внутрирусской производности и на втором такте - каузативного глагола-оператора межърусской производности: Петр работал → Петр начал работать → Я заставил Петра начать работать. При построении предложения (63) каузативный оператор был введен на первом такте деривации, а фазовый - на втором: Петр работал → Я заставил Петра работать → Я начал заставлять Петра работать.

6.0. Вводя понятие элементарного предложения, мы стара-

лись подчеркнуть тот факт, что далеко не каждое предложение текста непосредственно корреспондирует с АСС. Сказанное относится не только к сложно-сочиненным и сложно-подчиненным, но и к простым предложениям.

6.1. В простом распространенном предложении выделяются члены предложения двух типов: с т р у к т у р н ы е и н е с т р у к т у р н ы е. Структурных членов предложения необходимо и достаточно для того, чтобы предложение было элементарным. Что касается неструктурных членов предложения, то, с точки зрения структурной завершенности элементарного предложения, они избыточны. Такие члены предложения образуют "поле" структуры элементарного предложения.⁸ Рассмотрим, например, русское предложение (65) Мальчик быстро убрал книги со стола. Структурными членами этого предложения являются: сказуемое (убрал), подлежащее (мальчик), дополнение (книги); неструктурными членами — косвенное дополнение (со стола) и обстоятельство (быстро). Структурные члены образуют элементарное предложение: (66) Мальчик убрал книги, реализующее АССII.

На эмпирическом уровне резкое различие между структурными и неструктурными членами предложения проявляется в том, что в ходе межърусной деривации исходного предложения неструктурные члены предложения удерживаются на всех деривационных тактах, не меняя своего синтаксического отношения со сказуемым, тогда как структурные члены предложения либо вводятся в структуру, либо выводятся из структуры, либо меняют синтаксическое отношение со сказуемым, либо удерживают синтаксическое отношение со сказуемым.

⁸ Ср. Е.Курилович, Проблема классификации падежей. — Очерки по лингвистике, М., 1962.

Предложение (65) имеет следующие дериваты:

(67) Книги были быстро убраны со стола, (68) Мать вынудила мальчика быстро убрать книги со стола, (69) Мальчик был вынужден быстро убрать книги со стола.

В производном предложении (67) отсутствует подлежащее исходного предложения, а дополнение исходного предложения стало подлежащим. В производном предложении (68) дополнение исходного предложения удерживается, подлежащее становится вторым дополнением; вводится новое подлежащее. В производном предложении (69) выводится подлежащее производящего предложения (68), второе дополнение становится подлежащим; первое дополнение удерживается. Что касается неструктурных членов предложения, то они удерживают одно и то же синтаксическое отношение со сказуемым как в исходном предложении, так и во всех дериватах исходного предложения.

6.2.1. Существуют и такие простые предложения, которые, не имея в своем составе неструктурных членов предложения, все же не являются элементарными в нашем понимании. Речь идет о предложениях типа (70) Отец вернулся усталый, (71) Трава выросла высокая, (72) Мужик любит жену здоровую, (73) Люди привели его пьяного. Традиционная грамматика предлагает несколько толкований структуры подобных предложений. Согласно точке зрения, восходящей к А.М.Пешковскому,⁹ в них имеется особый член предложения, т.наз. предикативное определение, выраженное прилагательным или причастием. Предикативное определение связано синтаксическими отноше-

⁹ А.М.Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, М., 1938, стр. 240-242.

ниями с глагольным сказуемым и с дополнением (примеры 72, 73), а при отсутствии последнего - с подлежащим (примеры 70, 71). Согласно точке зрения, восходящей к А.А.Шахматову,¹⁰ в этих предложениях имеется два сказуемых: первое, основное - глагольное, и второе, выраженное прилагательным или причастием. Второе сказуемое связано полупредикативным отношением с дополнением, а при его отсутствии - с подлежащим; кроме того, оно связано синтаксическим отношением также с первым сказуемым.

В рамках предлагаемой концепции возможна следующая трактовка предложений этого типа. Наличие в них члена предложения, связанного синтаксическими отношениями с двумя другими членами предложения, позволяет говорить об этих предложениях как возникших в результате с ц е п л е н и я двух элементарных предложений. Так, предложение (70) есть результат сцепления таких элементарных предложений: (70а) Отец вернулся, (70б) Отец усталый. Структура каждого из этих элементарных предложений корреспондирует с АСС₁; следовательно, неэлементарное предложение (70), возникшее в результате сцепления этих двух элементарных предложений, корреспондирует уже с двумя АСС₁. Таким же образом характеризуется предложение (71).

Предложение (72) есть результат сцепления таких элементарных предложений: (72а) Мужик любит жену, (72б) Жена здоровая. Предложение (72а) корреспондирует с АСС₁₁, предложение (72б) - с АСС₁. Следовательно, неэлементарное предложение (72), возникшее в результате сцепления этих

¹⁰ А.А.Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, Л., 1925, стр. 212-222.

двух элементарных предложений, корреспондирует с двумя АСС: АССII и АССI. Таким же образом характеризуется предложение (73).

6.2.2. Простые предложения с одиночными деепричастиями, равно как и с деепричастными и причастными оборотами, также представляют собой результат сцепления элементарных предложений. Таково, например, предложение: (74) Дети молча писали изложение. Обычно в нем усматривают четыре члена предложения: сказуемое (писали), подлежащее (дети), дополнение (изложение), второстепенное сказуемое или обстоятельство образа действия (молча). Это предложение возникло в результате сцепления таких элементарных предложений:

(74а) Дети писали изложение, (74б) Дети молчали. Предложение (74а) корреспондирует с АССII, предложение (74б) — с АССI; следовательно, неэлементарное предложение (74) корреспондирует с двумя АСС: АССII и АССI. Аналогичным образом элементарные предложения вычленяются из предложений: (75) Старуха шла, волоча мешок, (76) Военный, читавший газету, закашлялся, и т.п.

Что касается сложно-подчиненных и сложно-сочиненных предложений, то и там элементарные предложения вычленяются с помощью операций "расцепления" и элиминации неструктурных членов предложения.

6.3. Особо надо отметить случай, когда элементарное в нашем понимании предложение оказывается чересчур громоздким с позиции закономерностей организации речевой цепи в данном конкретном языке. Таково, например, элементарное предложение (77) Командир (II) мана (D₂) укšana (D₁) валестерчĕ (C) (чуваш.) "Командир (II) заставил (C') меня (D₂) раздать (C") деньги (D₁), корреспондирующее с АСС III. В

речи подобные простые элементарные предложения иногда заменяются предложениями с деепричастным оборотом. Так, вместо предложения (77) употребляются предложение (78): Командир (П) уксана (Д₁) мана (Д₂) парса (С') валестерчѐ (С") "Командир (П), отдав (С') деньги (Д₁) мне (Д₂), заставил (С") раздать (С")". В этом предложении уже два сказуемых: первое, основное – глагольное сказуемое из предложения (77), связанное синтаксическим отношением с подлежащим, которое также без изменений перешло из предложения (77); второе сказуемое, которого не было в предложении (77) – это глагол пар "раздать" в форме деепричастия на са. В предложении (78) уже это последнее связано синтаксическими отношениями с обоими дополнениями, тогда как в предложении (77) с дополнениями связано основное, глагольное сказуемое. Таким образом, в ходе преобразования предложения (77) в предложение (78) громоздкость преодолевается тем, что глагольное сказуемое "разгружается", "перепоручая" свои дополнения второму сказуемому.

Насколько мы можем судить, громоздкими в любых языках бывают только элементарные предложения, реализующие АССIII и АССIV.

6.4. Наблюдения показывают, что элементарные предложения различных языков более сходны между собой, чем неэлементарные, возникающие путем различных преобразований элементарных предложений. Вероятно, это происходит потому, что правила перестройки элементарных предложений в большей мере определяются формальным строем конкретных языков, нежели правила оформления элементарных предложений. Под таким углом зрения мы согласны с утверждением Й.Бар-Хилле-

ла ¹¹ о том, что в области простых конструкций языки довольно близки друг другу.

Для иллюстрации сравним два элементарных предложения русского языка с двумя эквивалентными элементарными предложениями арабского языка:

Русский язык		Арабский язык
(79) <u>Мальчик</u> (П) <u>сидел</u> (С)	←→	<u>к̄ана</u> (С') <u>с=сабиййу</u> (П)
		<u>йаджлису</u> (С")
(80) <u>Мальчик</u> (П) <u>читал</u> (С)	←→	<u>к̄ана</u> (С') <u>с=сабиййу</u> (П)
		<u>йакра'у</u> (С")

Подлежащим во всех этих предложениях является имя существительное ед. числа, м.рода, им. падежа; сказуемым - личный глагол, который в русских предложениях выступает в форме 3. л., ед. числа, прошед. времени, несоверш. вида, м. рода, а в арабских предложениях - в форме 3. л., прошед. длительного времени, м. рода.

Сходство русских и арабских предложений достаточно очевидно. Во-первых, одни и те же члены предложения выражаются одними и теми же частями речи; во-вторых, эти части речи имеют сходный набор грамматических категорий. Теперь сравним неэлементарные предложения, полученные в результате сцепления элементарных. В них при общей временной перспективе, состояние, обозначенное глаголом в предложениях (80), характеризуется как второстепенное, сопутствующее состоянию, обозначенному глаголом в предложениях (79):

¹¹ У. Bar-Hillel, Report on the State of MT in the USA and Great Britain. Jerusalem, 1959, p. 7.

(81) Мальчик сидел читая ↔ джаласа с=сабиййу йакра'у

В русском предложении подлежащее оформлено так же, как в обоих элементарных предложениях, основное сказуемое — так же, как в элементарном предложении (79). Зависимое сказуемое (обстоятельство образа действия) оформлено деепричастием настоящего времени. Таким образом, сцепление русских элементарных предложений (79) и (80) осуществляется путем элиминации одного подлежащего и переоформления сказуемого из элементарного предложения (80).

В арабском предложении (81) подлежащее оформлено так же, как в обоих элементарных предложениях. Основное сказуемое, которое в элементарном предложении (79) выступало в форме прошед. длительного времени, теперь выступает в форме простого прошед. времени. Зависимое сказуемое выступает в личной форме наст. времени, тогда как в элементарном предложении (80) оно выступало в форме прошед. длительного времени. Таким образом, сцепление арабских элементарных предложений (79) и (80) осуществляется путем элиминации одного подлежащего и переоформления сказуемых из обоих элементарных предложений.

Подчеркнем, что переоформление сказуемого из элементарного предложения (80), имеющее место в обоих языках, осуществляется в каждом языке по-своему: в русском на смену личной форме идет неличная (деепричастная), в арабском одна личная форма заменяется другой личной формой.

Различный формальный потенциал сопоставляемых языков (как, впрочем, и любых других) является причиной того, что неэлементарные предложения имеют больше различий в своем оформлении, чем элементарные.

6.5. Необходимо отметить, что понятие элементарного предложения и понятие конструктивно законченного предложения¹² суть понятия разных планов. В частном случае конструктивно законченное предложение может быть одновременно элементарным. Таково, например, предложение (82) Ребенок спит, которое является элементарным, реализующим АССI, поскольку в его состав входят только структурные члены предложения: сказуемое и подлежащее. См. также примеры 1-58.

Однако конструктивно законченное предложение может представлять собой своего рода эллипсис элементарного: это значит, что в его состав входят не все структурные члены, которые необходимы и достаточны для того, чтобы предложение было элементарным.

Таковы, например, предложения (83) Врачи (П) не советуют (С') курить (С"), (84) Minä (П) rakennutin (С) talon (Д₁) (фин.) "Я (П) (не сам) выстроил (С) дом (Д₁)" и т.п. Предложение (83) реализует АССII, но с пропущенным первым структурным дополнением, предложение (84) реализует АССIII но с пропущенным вторым структурным дополнением. Для того, чтобы эти предложения стали элементарными, указанные дополнения должны быть введены в их структуру, но для передачи минимума информации эти дополнения избыточны, потому что на наличие какого-то (не важно какого!) исполнителя действия, обозначаемого пропущенными дополнениями, в предложении (83) указывает полнозначный каузативный глагол

¹² Конструктивно законченным мы называем предложение, которое является информативным вне контекста и ситуации и перестает быть таковым, если из него элиминируется любое слово.

"советовать", а в предложении (84) - производный каузативный глагол takehnuttaa.

Пропуск структурных дополнений, избыточных с точки зрения передачи необходимого минимума информации, характерен главным образом для предложений, реализующих АССIII и АССIV. Таковы, например, предложения: (85) Энтри (П) пурт таррине (Д₁) виттернё (С) (чуваш.) "Андрей (П) (не сам) покрыл (С) крышу (Д₁)" и (86) Пичче (П) туяна (Д₁) автартарчё (С) (чуваш.) "Брат (П) (через кого-то) попросил (С) (кого-то) согнуть (С) клюку (Д₁)". Предложение (85) реализует АССIII, но в нем пропущено второе структурное дополнение. Тем не менее, на вхождение этого дополнения в структуру указывает каузативная форма глагола, выступающего в роли сказуемого. Предложение (86) реализует АССIV, но в нем пропущены второе и третье структурные дополнения. Тем не менее, на вхождение этих дополнений в структуру указывает вдвойне каузативная форма глагола, выступающего в роли сказуемого.

Пропущенные структурные дополнения могут быть введены в предложения (85) и (86); таким образом будет достигнута актуализация исполнителя действия, обозначаемого вторым структурным дополнением, и посредника, обозначаемого третьим структурным дополнением. В этом случае предложение (85) примет вид: (85а) Энтри (П) ашшёне (Д₂) пурт таррине (Д₁) виттернё (С) "Андрей (П) попросил (С') отца (Д₂) покрыть (С") крышу (Д₁)". Предложение (86) примет вид: (86а) Пичче (П) мана (Д₃) Микихвере (Д₂) туяна (Д₁) автартарчё (С) "Брат (П) через меня (Д₃) попросил (С') Никифора (Д₂) согнуть (С") клюку (Д₁)".

Предложения, в которых пропущено второе структурное дополнение, обозначающее исполнителя действия, довольно часто употребляются в тех случаях, когда глагол обозначает действие, обычно исполняемое профессионалами. Таково, например, предложение: (87) Sisäministeri (П) pidätytti (С) valtiorikollisen (Д₁) (фин.) "Министр внутренних дел (П) арестовал (С) (не сам!) государственного преступника (Д₁)". Хотя в предложении отсутствует второе структурное дополнение, обозначающее исполнителя, — зная лексическое значение глагола, можно наверняка сказать, о ком идет речь, т.к. всем известно, чьими руками осуществляются аресты.

6.6. Вместе с тем, имеются случаи, когда всех структурных членов предложения не достаточно для того, чтобы речевое предложение могло считаться законченным. Рассмотрим, например, два предложения: (88) Я проработал всю ночь, (89) Мальчик намазал хлеб маслом. Предложение (88) реализует АСС, но в его состав входит также неструктурное обстоятельство всю ночь. Предложение (89) реализует АССII, но в его состав входит также неструктурное косвенное дополнение маслом. Неструктурные члены предложения избыточны с точки зрения структурной завершенности предложений, но в данном случае они необходимы для конструктивной завершенности предложений. Элиминация неструктурных членов превращает эти предложения в конструктивно эллиптические, ср.: Я проработал ... Мальчик намазал хлеб

Лексическое значение глагола проработать для смысловой завершенности предложения, в котором этот глагол является сказуемым, требует заполнения двух "мест". Одно место заполняется подлежащим, обозначающим деятеля, другое — неструктурным обстоятельством, обозначающим тот временной

отрезок, в течение которого совершается действие. Лексическое значение глагола намазать для смысловой завершенности предложения, в котором этот глагол является сказуемым, требует заполнения трех "мест". Одно место заполняется подлежащим, обозначающим деятеля, второе, - дополнением, обозначающим объект действия, третье - неструктурным косвенным дополнением, обозначающим предмет, посредством которого осуществляется действие с объектом.

Эти и им подобные примеры позволяют сделать вывод о необходимости различать структурно-синтаксическую валентность глагола, выступающего в роли сказуемого, и семантическую валентность глагола как лексической единицы. Структурно-синтаксическая валентность глагола-сказуемого - это валентность на слова, являющиеся структурными членами предложения. Семантическая валентность - это валентность глагола на слова, которые занимают "места", требуемые лексическим значением глагола, и тем самым образуют конструкцию этого глагола.

6.7. Следует подчеркнуть, что имеются контекстуально законченные предложения, на базе которых нельзя выделить элементарных предложений, если не привлекать для анализа их соседей по контексту. Рассмотрим, например, диалог, состоящий из двух реплик, каждая из которых является законченным предложением": (90) Что ты стираешь? - (91) Плац. О структуре предложения (91) говорить бессмысленно, если не привлечь данных предложения (90). Выполнив последнее условие, мы можем утверждать, что законченное предложение (91) представлено структурным дополнением и генетически есть эллипсис предложения (92) Я (II) стираю (С) плац (D₁).

В диалоге законченным может быть и предложение, в котором нет структурных членов. Такова, например, вторая реплика в диалоге: (93) Когда ты едешь? - (94) Завтра. Соотнося вторую реплику с первой, мы делаем вывод о том, что в ней репрезентировано неструктурное обстоятельство времени и что она представляет собой эллипсис предложения (95) Я (П) еду (С) завтра.

Поставленная в общих чертах проблема соотношения элементарных, конструктивно законченных и контекстуально законченных предложений требует специального рассмотрения. Здесь нам было важно подчеркнуть особый статус элементарного предложения, его отличия от обычно изучающих типов предложений.¹³

7. Есть основания полагать, что динамическое деривационное описание системы АСС, данное в чисто синхронном плане, является одновременно "генетическим" в том смысле, что фиксируемая последовательность деривационных операций, применяемых к исходным структурам I и II ярусов, очевидно, отражает реальный исторический процесс формирования инвентаря структур, входящих в деривационные гнезда А и Б (см. схему 1).

Думается, что исторически первой возникла оппозиция исходной АСС_I и АСС_{II}. Начавшиеся деривационные процессы первоначально шли в рамках I и II ярусов: из исходной АСС_I по обеим инструкциям строились производные АСС_{II}, а из исходной АСС_{II} - производные АСС_I. На III и IV ярусы процесс

¹³ Ср. в этой связи: Z.S.Harris, *String Analysis of Sentence Structure*. The Hague, Mouton and Co. 1962; : Transformational Theory. "Language" 1964, v.41, № 3, p.1.

деривации распространился, по-видимому, позднее.

В пользу высказанного предположения прежде всего говорят спекулятивные аргументы того типа, что более сложно организованные структуры обычно не возникают прежде простых. Производные же АСС, как правило, сложнее производящих. Мы специально подчеркиваем тот факт, что элементарные предложения, реализующие производные АСС, оформляются операторами межъярусной производности при операциях как первого, так и второго типа.

Данная гипотеза безусловно нуждается в чисто лингвистической аргументации, которую следует искать в истории конкретных языков, однако это особый вопрос, который выходит за рамки данной работы и должен стать предметом специальных исследований.¹⁴ Мы хотели лишь обратить внимание на то, что синхронная модель, очевидно, обладает тем большей объяснительной силой, чем лучше она отображает генетический процесс.¹⁵

¹⁴ Имеющиеся наблюдения говорят как будто бы в пользу данной гипотезы. См., напр., С.Н.Соколов, Историческое развитие каузатива в западно-иранских языках. Автореферат канд. дисс., Л., 1958.

¹⁵ Ср. А.А.Зализняк, О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией. — Симпозиум по структурному изучению знаковых систем, М., 1962.

ПОРОЖДАЮЩАЯ ГРАММАТИКА И ПРОБЛЕМА
ВАРИАНТНОСТИ В ЯЗЫКЕ

С.И.К а л а б и н а

Проблема вариантности в языке широка и многогранна, она представляет собой совокупность широкого круга вопросов и частных проблем.

Постановка и поиски решения названной проблемы связаны с выполнением главной задачи исследования языка—задачи обнаружения языковых инвариантов как общелингвистического порядка, вытекающих из природы явления, так и принадлежащих отдельным языкам и, тем самым, определяющих их специфику.

Естественно, что вопросы вариантности в языке неразрывно связаны с рядом смежных проблем первостепенной важности, в первую очередь с проблемой разграничения языка и речи.

Известно, что если в общетеоретическом плане необходимость различения языка и речи в принципе считать общепризнанной, в конкретных лингвистических исследованиях эти два явления нередко смешиваются, а порой и подменяют друг друга.

Несмотря на то, что в работах общелингвистического плана упоминается обусловленность речевой вариантности

языком;¹ указанное неразличение особенно часто наблюдается в работах, так или иначе связанных с вопросами вариантности, описывающих, по существу, речевое варьирование.²

Мы считаем, что последовательное разграничение языка и речи и, как следствие этого, четкое различение вариантности в языке и вариантности речи есть необходимая предпосылка объективного рассмотрения проблемы вариантности.

В настоящей работе мы исходим из понимания языка как абстрактного порождающего устройства, обладающего конечным набором элементов, составляющих материал для порождения бесконечного множества эксплицитных структур, и работающего согласно существующей в нем схеме системных корреляций между этими элементами; указанная схема и алгоритм ее реализации составляют то, что мы называем порождающей грамматикой языка.

Языковой материал, т.е. конечный набор элементов, представляет собой структуру, понимаемую нами, в соответствии с основными концепциями современного языкознания, как "це-

¹ См. А.И.Смирницкий, К вопросу о слове. Труды ин-та языкознания, т. IV, АН СССР, 1954; Л.Ельмслев, Прологомены к теории языка. - Новое в лингвистике, I, М., 1960, стр. 331; А.Мартинэ, Структурные вариации в языке. - Новое в лингвистике, IV, М., 1965; Ю.С.Степанов, Основы языкознания, М., 1966, и др.

² См., напр., Г.Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, гл. X; Е.И.Шендельс, Синтаксические варианты. - ФН, I, 1962; Н.Н.Семенюк, Некоторые вопросы изучения вариантности. - ВН, I, 1965; G.G.Potcheptsov, Syntaktische Wortvarianten. - Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, No. I, 1967.

лое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от другого и может быть тем, чем он является, только благодаря отношениям с другими элементами".³

Как всякая абстракция, язык с обоими составляющими есть конструкт, идея которого либо выводится гипотетико-дедуктивным путем, либо есть результат обобщения эмпирических данных. В обоих случаях установления конструкта, он немислим вне сопоставления с неким явлением, имеющим физическую природу.

Такое физическое явление представляет собою речь, понимаемая нами как чувственно воспринимаемый /наблюдаемый/ процесс и результат актуализации языка, оказывающийся, тем самым, и арсеналом эмпирических данных и эталоном для проверки адекватности выводимой теории.

Поскольку язык как порождающий механизм служит целям осуществления коммуникации, элементы, составляющие его строительный материал, необходимо разноприродны: принадлежат или плану выражения, или плану содержания, - а их комбинации имеют знаковую природу и образуют иерархически организованные уровни языка.

Конечные множества обоих планов можно представить как состоящие из наборов классов взаимно противопоставленных абстрактных диакритических элементов, отвечающих одной и той же точке в схеме их корреляций и коммутирующих один и тот же инвариант в схеме корреляций элементов другого плана, т.е. коммутирующих определенный класс элементов друго-

³ См. Л. Ельмслев, Можно ли считать, что значения слов образуют структуру. - Новое в лингвистике, II, М., 1962, стр. 122-123.

го плана, поскольку класс есть инвариант по отношению к своим составляющим.

В плане выражения такими классами элементов являются фонемы, представляющие собой наборы /пучки/ фонологически релевантных звуковых признаков /точнее, идеи звуковых признаков/.

Фонологическая релевантность абстрактных звуковых признаков как диакритических элементов языка релятивна и детерминирована актуальной в данном языке схемой системных корреляций его структурных элементов. Ср., напр., твёрдость-мягкость согласных в разных языках.

В плане содержания такими классами являются семемы, представляющие собой наборы /пучки/ сем-мельчайших элементов смысла.

Если факт существования указанных классов элементов обоих планов есть явление общеязыковое, в отборе элементов, составляющих эти классы, уже заложена специфика отдельных языков. Так факт существования фонем действителен для любого языка, однако, сочетание, например, дифтонгичности с длительностью принадлежит английскому языку, но не русскому или французскому.

В процессе порождения знаков разной степени сложности фонемы воплощаются в виде звуков речи /аллофонов/, обладающих одной и той же совокупностью фонологических признаков и вступающих друг с другом в сочетания для коммутации заданных условиями коммуникации семем и их сочетаний.

Подобно тому как реализация фонемы в речи зависит от материальных условий реализации, что находит свое внешнее выражение в возможности воплощения ее в разных звуках, являю-

щихся по отношению друг к другу вариантами, так и реализация семемы зависит от коммуникативных /в силу специфики ее природы/ условий реализации, что находит свое внешнее выражение в возможности соотношения одного и того же звукового комплекса с разными денотатами и наоборот, т.е. в явлениях полисемии /и омонимии/ и синонимии.

Одним из существенных материальных факторов, вызывающих варьирование аллофонов является, как известно, дистрибуция фонемы, ср., напр., дентальность или альвеолярность некоторых согласных в английском языке в зависимости от окружения, и т.п.

Не менее существенным фактором является дистрибуция семем, определяемая условиями коммуникации. Ср., напр., *he went home, he went away, he went quickly, he went on, he went wrong* и т.д., где один и тот же звуковой комплекс соотносится с разными денотатами и *he went home, he walked home, he marched home*, где разные звуковые комплексы соотносятся с одним денотатом. Различные в отдельных семах в первом примере обусловлено различием в семах окружения и наоборот—тождество семантического окружения разных единиц во втором случае обусловило общность их активных сем.

Процесс порождения можно представить как алгоритм реализации схемы языковых корреляций. Этапы этого алгоритма составляют **ф о р м а ц и о н н ы й** и **т р а н с ф о р м а ц и о н н ы й** уровни порождения.

Формационный уровень есть собственно процесс порождения абстрактных двусторонних языковых знаков разной степени сложности, включая и элементарные /стержневые/ синтаксические построения. Эти знаки, имеющие характер глобальных символов, постоянно противопоставлены друг другу

как в плане выражения, так и в плане содержания, составляя базу для использования их в речи, и представляя основы специфики данного языка. Например, системы категориальных форм, словообразовательные и синтаксические модели и т.д. Ср. шестипадежную систему в русском языке и двухпадежную в английском, отсутствие регулярно выраженного противопоставления предшествования одновременности в русском языке и наличие такового в английском языке и т.п.

Трансформационный уровень представляет собою процесс перераспределения и соединения знаков формационного уровня с целью использования их в процессе коммуникации в соответствии с материальными и социальными условиями этой коммуникации, что ведет к возникновению языковой вариантности.

Поскольку трансформационный процесс есть, по существу, процесс расщепления глобальных символов формационного уровня, превращения их в дискретные парадигматические ряды трансформов, мы под языковой вариантностью понимаем наличие в языке рядов или классов знаков разных структурных уровней, в которых диакритические элементы одного из планов частично повторяются, так что общность их соответствия одной и той же точке в схеме корреляций элементов другого плана сохраняется. Указанная общность есть инвариант данного плана знаков, объединяющий их в класс, по отношению к которому каждый отдельный знак является, тем самым, вариантом, в полном соответствии с пониманием инварианта как общего и варианта как отдельного.

Вместе с тем, вариантность одного плана предполагает инвариантность другого плана структуры языкового знака каждого уровня — это важнейшее условие манифестации ва-

риантности, имеющее общелингвистическую значимость.

На обоих уровнях процесс порождения осуществляется на основе схемы языковых корреляций, существующей в данном конкретном языке и специфичной именно для него.

Языковая вариантность, возникающая на трансформационном уровне порождения, необходимо имплицитна. Она представляет собой свойство языковой структуры /в предложеном выше понимании/, определяющееся условиями порождения и реализуемое через речь. Процесс реализации вариантности через речь есть в а р ь и р о в а н и е .

В рассматриваемом плане исключительный интерес представляет явление синонимии, как один из важнейших случаев манифестации вариантности, и прежде всего - с и н о н и м и и г р а м м а т и ч е с к о й . Проблема грамматической синонимии по праву считается одной из центральных проблем современной лингвистики, являясь, в сущности, проблемой грамматических инвариантов-знаков формационного уровня.

Традиционное понимание грамматических синонимов как неких единиц, обладающих лексическим тождеством и грамматическими различиями /тождеством лексических морфем и различием грамматических свойств/ мало удовлетворительно вследствие неопределенности терминов "лексический" и "грамматический".

В свете теории порождающих грамматик проблема синонимии вообще и грамматической синонимии, в частности, естественно должна быть связана с трансформационным уровнем порождения, ибо сама идея трансформаций связана с идеей инварианта.

Существующие попытки формализации понятия синонимии

на основе трансформационного критерия снимают отмеченную выше неопределенность.⁴ В то же время понимание грамматических синонимов только как структур, имеющих общий трансформационный потенциал, нельзя считать вполне адекватным.

Под синонимией мы понимаем общность отдельных сем /одной или нескольких/ у некоторых языковых единиц при различии остальных сем.⁵ Эта общность может сопровождаться как полным различием элементов плана выражения, так и их частичным совпадением.

Т.о., следует различать разные виды варьирования в случае синонимии: варьирование только в плане содержания при различии плана выражения или варьирование в обоих планах. Возможно также и тождество всех сем при полном или частичном различии составляющих плана выражения.

В последнем и только в последнем случае можно говорить о полном тождестве трансформационного потенциала сравниваемых единиц, а сами варианты единиц рассматривать как дублеты - морфологические или синтаксические. Исходные трансформы для таких единиц тождественны, эксплицитное различие возникает при фономорфологическом воплощении, т.е. в речи.

Первые два вида варьирования связаны или с различием стержневых структур, к которым восходят варианты едини-

⁴ См. С.К.Шаумян, П.А.Соболева, *Апplikативная модель и формализация грамматической синонимии*. - ВЯ, 5, 1965; С.К.Шаумян, *Структурная лингвистика*, М., 1965, стр. 314.

⁵ Отсюда отмечаемая некоторыми исследователями связь синонимии с полисемией. См. напр., Е.И.Шендельс, *Многозначность и синонимия в грамматике*. - Ин.яз.в школе, 4, 1967.

цы, или с перераспределением отдельных сем при тождестве исходных трансформов /последнее часто называют семантическим сдвигом/.

Обратимся к иллюстрациям выдвинутых положений.

В предыдущих работах нами были рассмотрены условия и причины эксплицитной вариантности синонимичных синтаксических структур английского языка, построенных по моделям V + A и V + Adv: spoke quick - spoke quickly; the sun shone bright - the sun shone brightly⁶.

Несмотря на видимую идентичность внешнего выражения, данные построения неидентичны по существу: конструкции spoke quick - spoke quickly оказываются дублетами, их трансформационный потенциал тождественен - spoke quick ↔ quick speech /the speech is quick; spoke quickly ↔ quick speech/the speech is quick. Вариантность плана выражения обусловлена прежде всего экстралингвистическим фактором - функционально-стилистическими различиями коммуникации, при одном и том же содержании её.

Различие конструкций the sun shone bright - the sun shone brightly обусловлено разным содержанием коммуникации, как экстралингвистическим фактором, детерминирующим разную группировку тождественных сем, коммутирующую различие мор-

⁶ См. С.И.Калабина, Использование метода трансформационного анализа при исследовании семантических свойств словосочетаний. - Фил. Науки, 3, 1962; её же, К вопросу об использовании аппликативной порождающей модели в связи с проблемой классификации слов /принято к печати/; её же, К вопросу о структурной вариантности английского языка. - Тезисы доклада на межвузовской научной конференции, Пятигорск, июнь, 1967.

фонологического состава.

Интралингвистическим фактором, обуславливающим такое двойное варьирование является /как отмечалось выше/ восхождение вариантных конструкций к разным стержневым структурам: the sun shone bright ↔ the sun shone, the sun is bright; the sun shone brightly ↔ the sun shone, the shining is bright.

В случае грамматических дублетов интралингвистическим фактором, обуславливающим варьирование, является наличие в данном языке определенных моделей морфологических построений и закономерностей их соотношения друг с другом, т.е. фактор широкого плана, действенный для всякого морфосинтаксического построения.

Т.о., отличая грамматические дублеты от собственно синонимов, следует рассматривать их как частный случай синоними, представляющей собой одно из важнейших проявлений вариантности.

Детальное рассмотрение вопросов грамматической синонимии, естественно выходит за рамки настоящей работы.

Из изложенного видно, вариантность речи есть явление вторичное, результат совместного воздействия интралингвистических и экстралингвистических факторов.

Интралингвистический фактор, обеспечивающий вариантность речи - наличие в языке элементов, из которых возможен выбор.

Воздействие экстралингвистических факторов проявляется в двух основных направлениях:

1. функциональной дифференциации языковых манифестаций, что, в частности, связано с понятием стилей речи /ср. упо-

минавшееся выше spoke quickly - литературное, spoke quick - сниженного стиля, [wind] - нейтральное, [waind] - поэт., компас - лит., компас - професс. и т.д./;

2. региональной дифференциации речи, известной под названием диалектных различий /ср., напр., г- взрывной и г - фрикативный в русском языке и т.д./.

Указанная вариантность связана как с планом выражения /фонетические и грамматические дублиеты/, так и с планом содержания /напр., полисемия на разных уровнях/. Возможно также и варьирование в обоих планах /синонимия/.

Итак, вариантность речи есть реализация возможности выбора между элементами языка, вызванная условиями коммуникации.

Отсюда - установление закономерностей вариантности в том или ином языке детерминирует раскрытие специфики его порождающей грамматики в предложенном понимании.

Манифестация вариантности через речь требует также учета экстралингвистических факторов - материальных или социальных - в зависимости от исследуемого языкового плана.

Весьма аффективным в отношении установления общезыковых закономерностей варьирования представляется интерлингвистическое исследование, привлечение которого предполагается при продолжении работы в указанном направлении.

ОБ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СМЫСЛА
СВЯЗНОГО ТЕКСТА^I

А. Е. К и б р и к

"Я разговаривал с нею, не понимая, куда падают мои слова, что с ними делается, совершенно так же, как если бы бросал камни в бездонную пропасть. Что слова эти наполняются содержанием, которое влагает в них наш собеседник, черпая его в самом себе, и которое сильно отличается от смысла, вложенного нами в те же самые слова, — это факт, постоянно находящийся подтверждение в нашей жизни. Но если к тому же мы разговариваем с человеком, о воспитании которого нам ничего не известно..., чьи вкусы и правила нам не ясны, также как и книги, прочитанные им, мы не можем сказать, находят ли в нем наши слова отклик более отчетливый, чем в животном, которому ведь можно втолковать кое-какие вещи."

М а р с е л ь П р у о т , В поисках за утраченным временем, т. 2. Под сенью девушек в цвету. Л., 1935, стр. 467.

§ I. В последние годы значительное развитие получила синтаксическая теория: разработаны способы представления синтаксической структуры — грамматика непосредственных со-

I Настоящая работа является развитием идеи о применимости дерева непосредственных составляющих к несинтаксическим уровням, высказанной С.В. Кодзасовым в беседе с автором, хотя, разумеется, ответственность за развитие этих идей полностью ложится на автора.

ставляющих [1,2], грамматика зависимостей [3], грамматика цепочечных составляющих [4], конфигурационная грамматика [5,6], исследованы формальные свойства грамматик, например, важные свойства проективности [7,8,9], глубины [9,10] и т.д., а также проведено сравнение различных грамматик [11, 12], их предпочтительной применимости к различным языкам [13].

Интересно выяснить, являются ли предложенные грамматики объяснительными теориями только на уровне синтаксиса в его узком понимании, или они могут быть плодотворной основой для изучения других языковых явлений, которые можно считать "синтаксическими" в более широком смысле: в смысле иерархической организации линейно-расположенных единиц. В указанном смысле можно говорить о синтаксисе слога² или морфемы, синтаксисе слова³, синтаксисе абзаца, синтаксисе текста и синтаксиса совокупности текстов, причем синтаксис словосочетания, фразы, предложения будут являться при этом частным случаем синтаксиса вообще.

§ 2. Можно пойти и с другого конца, генерализуя понятие "текст", (ср. [16]) так, что под текстом будет пониматься отрезок речи, начиная с фонемы или слога и кончая совокупностью как всех реальных, так и потенциально возможных произнесений (в любой форме репрезентации). Под текстом целесообразно также понимать всё линейно-организованное интеллектуальное поведение человека (ср. [17,18,19]).

При таком широком понимании текста широко понимаемый

2 О гомоморфизме слога и предложения см. [14].

3 О порождающей грамматике слова с применением графа, сводимого к дереву непосредственных составляющих, говорилось по существу в докладе К.И. Бабицкого на конференции по автоматизированной обработке научно-технической информации [15].

синтаксис и есть способ иерархической организации структуры текста, способ связи его единиц.

В работах по семантике, не ограничивающихся изучением фрагментарных элементов природы значения, указывается на тот фундаментальный факт, что значения слов реализуются в контексте,⁴ т.е. в зависимости от того, в окружении каких слов находится данное слово, и от того, как оно с ними синтактико-семантически связано.

Однако этим влияние контекста на значение не ограничено. Не является новым и тот факт, что значение целого предложения, а иногда и ансамбля предложений зависит от их контекста.⁵ Показательными в этом отношении являются постоянные в публицистике протесты авторов, что их критики, вырывая ту или иную цитату из контекста и приводя ее точно в соответствии с подлинником, тем не менее искажают смысл написанного, так как в изолированном виде она приобретает совсем не тот смысл, который ей принадлежит, а совсем другой, причем, как правило, противоположный.

Однако осознание такого могущественного влияния контекста на значение единиц текста также недостаточно. Весьма часто нельзя понять смысла законченного, замкнутого, казалось бы, в себе текста, не будучи осведомленным о некото-

4 В этом тезисе состоит пафос статьи Э. Бенвениста [19] (контекстуальное определение значения слова см. [19-21]).

5 То, что традиционный синтаксис неправомерно ограничен рамками предложения, не является удивительным, т.к. этому способствуют формальные предпосылки (ср. § 6). Но поистине удивительно ограничение семантики (в том числе в работах по порождающим грамматикам) уровнем предложения. Ср., например, такое определение семантического компонента порождающей грамматики и Д. Катца: "Семантический компонент есть система правил, с помощью которых он (слушающий - А.К.) интерпретирует предложения как осмысленные сообщения" (22 : III). У Н. Хомского рассуждения о семантике тоже не выходят за пределы предложения [23].

ром ансамбле текстов, в который данный текст содержательно входит. В этот ансамбль могут быть включены: совокупность текстов данного автора, текстов других авторов по данной области знания, текстов данного исторического периода, эпохи, т.е. совокупность социальных, исторических, культурных, религиозных, эстетических, профессиональных, житейских и прочих знаний, содержащихся в других текстах и предопределяющих смысл нашего текста. Особенно ярко это явление иллюстрируется текстами жанра научно-технической литературы, которые, как правило, не могут быть поняты не специалистами, даже в том случае, если авторы пытаются писать максимально просто, доходчиво, нетерминологично, т.к. невозможно "оговорить все",⁶ всегда за пределами текста остается "предшествующий опыт" автора, который должен быть адекватен предшествующему опыту адресата, чтобы текст был правильно понят.⁷ Поучительным в этом отношении является изучение письменных памятников мертвых цивилизаций, например, античности: представление о тексте как о замкнутой в себе единице, которой можно сопоставить однозначный смысл, пользуясь формальными процедурами перевода, разбивается о стену непреодолимых трудностей, заставляющих изучать, например, латинский или греческий язык в контексте культурно-исторического опыта соответствующих цивилизаций.⁸ То же явление ярко проявляется при общении с представителями незнакомых нам цивилизаций. Даже говоря с ними на одном и том же языке и

6 По этому поводу см. вступление к [24].

7 Средством частичного восстановления предшествующего опыта является, например, библиографический аппарат в научных текстах.

8 Ср. с этим заявление К. Найка, что изучение индейского языка микстек методом монолингвистического подхода привело его к необходимости включить в серию своих наблюдений также неформальное повеление ([17], Р.1 : 6).

ю очень простых, с нашей точки зрения, вещах, мы не можем добиться тождества смысла на обоих концах коммуникативной цепи, хотя используем одни и те же отрезки текста. Об этом же, по существу говорит М. Пруст в отрывке, приведенном в эпиграфе.

Все эти соображения заставляют нас принять то расширительное значение термина "текст", которое было введено в начале параграфа.

§ 3. Встает вопрос: как структурно организуется смысл текстов, позволяя говорящему связать отдельные слова, предложения, последовательности предложений в единицу более высокого уровня, значение которой не составляется из суммы ее частей? Или, с другой стороны, каковы процедуры слушающего, производимые им над текстами, и позволяющие ему восстанавливать их смысл?

Мы не претендуем даже на попытку полного освещения этого сложного феномена и попытаемся поставить более частный вопрос, отсмысливаясь на данной стадии от говорящего и слушающего. Дело в том, что включая говорящего и слушающего в сферу рассмотрения, мы должны, кроме всего прочего, учитывать механизмы перекодирования информации, осуществляемого ими при передаче от текста к смыслу и обратно, а тем самым и механизмы хранения информации, то есть и всего предшествующего опыта. Весьма перспективные идеи для данного аспекта проблемы содержатся в теории тезауруса [25,26] как некоторого оператора над текстом, зависящего от введенных ранее текстов и изменяющегося, перестраивающегося вслед за текстами. Однако в настоящем исследовании проблему тезауруса мы не рассматриваем и ограничиваемся рассмотрением только вербальных текстов.

Мы сосредоточим свое внимание на тексте как объективной данности и поставим следующий вопрос: каким образом организуется текст так, что из него зачастую нельзя вырвать фрагмент без смыслового ущерба последнего? Или, что одно и то же, каким образом связываются между собой фрагменты текста так, что вне этой связи не может быть декодировано их истинное значение?

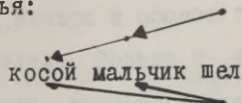
Однако ответ и на этот вопрос в полной мере в настоящее время вряд ли возможен. В данной статье мы ограничимся только объяснительными возможностями, предоставляемыми нам концепцией расширенного понимания синтаксиса.

§ 4. Высказывается гипотеза, что природа механизма установления контекстных связей на уровне предложения и уровне текста (в указанном выше смысле) общая. Известно, что на уровне предложения важным (хотя и не единственным) средством установления контекстных связей является синтаксис, и часто способ расстановки стрелок помогает правильно декодировать истинное значение потенциально многозначной семантической единицы текста (хотя также сразу оговоримся, что соотносением предложения с его деревом синтаксическая роль определения влияния контекста на семантическую единицу не ограничивается: большое значение имеет также трансформационный компонент, о котором см. ниже). Проиллюстрируем это на элементарном примере. Возьмем слово "косой", которое может быть 1) прилагательным м.р. или 2) существительным тв. пад. от слова "коса", имеющего три основных значения: а) узкая полоса земли, полуостров; б) вид женской прически; в) сельскохозяйственное орудие. Конкретное значение слова определяется в тексте через контекст.

Возьмем предложение

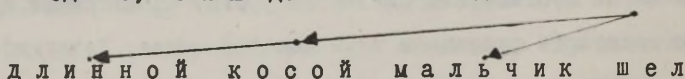
к о с о й м а л ь ч и к ш е л

Из 4-х допустимых значений слова "косой" в данном контексте значение (2б) и (2в) отбрасываются по семантическим причинам (в предложении "косой мальчик играл", напротив, отбрасывалось бы значение (2а), а (2б) и (2в) сохранялось), но значение (1) и (2а) допустимы, причем им соответствуют различные деревья:

(ср. синтаксически однозначные предложения "маленький мальчик шел" и "лесом мальчик шел").

Однако, если мы добавим слово "длинной":

то допустимый синтаксический анализ единственен, (т.к. при другом дереве к слову "длинной", нельзя было бы провести никакой стрелки), и ему соответствует значение (2а) слова "косой".

Таким образом, установление того или иного способа расстановки стрелок манифестирует те или иные контекстные связи данного слова с контекстом.

Естественно предположить, что контекстные связи в пределах текста могут устанавливаться аналогичным образом.

§ 5. Однако трудность восприятия этой аналогии наталкивается, на наш взгляд, на вполне обоснованное сомнение, состоящее в том, что на уровне предложения есть достаточно четкие формальные показатели, облегчающие формальную процедуру приписывания дерева предложению, как бы не вникая в его смысл (оперируя, во всяком случае, довольно абстракт-

ными понятиями классов слов), в то время как такие показатели для уровня текста если и существуют, то не очевидны. Действительно, установление синтаксической структуры смысла текста не может опираться в такой же мере на формальные таксономические показатели, как это имеет место в синтаксисе предложения, что, видимо, и явилось причиной широко распространенного узкого понимания синтаксиса. Однако полностью отрицать наличие в языке формальных показателей, облегчающих обнаружение иерархической структуры смысла, было бы неправомерно (о них см. в § 6).

Предлагались различные способы практического нахождения дерева предложения (метод вопросов в школьной грамматике, подстановок в концепции И.И. Ревзина⁹, конфигураций в автоматическом синтаксическом анализе [27] и т.д.). Мы предлагаем определить процедуру присвоения дерева через процесс, обратный его порождению, т.е. через его свертывание. Процесс свертывания является пошаговым и проявляет иерархическую структуру предложения, указывая последовательность расположения узлов в дереве: на каждом шаге свертыванию с сохранением отмеченности подлежат только слова, находящиеся в терминальных узлах дерева. Так из предложения

д е в о ч к а и г р а л а к р а с н ы м м я ч о м

нельзя изъять без сохранения отмеченности предложения слово "мячом" до того, как будет изъято слово "красным", в то время как обратное возможно. Это является указанием на тот

⁹ Эта концепция была изложена ее автором весной 1967 г. в докладе перед участниками III Всесоюзной научной студенческой конференции по структурной и прикладной лингвистике.

факт, что синтаксическая связь между этими словами следующая: к р а [√] с н ы м м я ч о м . После того как изъято слово "красным", полученная свертка исходного предложения ("девочка играла мячом") может свертываться дальше, и слово "мячом", находящееся теперь в терминальном узле, может быть изъято (останется отмеченное предложение "девочка играла").

Процедура обнаружения дерева, основанная на свертывании, опирается в первую очередь на смысл высказывания (через его отмеченность) и может быть применена также к уровню текста. ^Ю

Следует отметить, что практика реферирования текстов фактически и является процедурой их свертывания и поэтому, если бы мы умели автоматически строить дерево текста, то мы тем самым умели бы его и автоматически реферировать с любой заданной степенью точности, т.к. дерево порождает множество подмножеств предложения (текста), которые могут быть свертками данного предложения (текста).

§ 6. Вопрос, возникающий при таком подходе, состоит в следующем: какие первичные элементы являются звеньями той терминальной цепочки, к которой применимы правила синтаксического анализа и синтеза текста?

В настоящее время мы не можем предложить операционных определений тех крупных семантических единиц, которые могут войти в терминальный алфавит синтаксиса смысла и в принципе можем допустить, что они некоторым образом предварительно заданы.

^Ю Вообще говоря, строгое обоснование понятия свертывания поднимает ряд вопросов традиционного синтаксиса, т.к. условность и спорность некоторых его соглашений становятся особенно очевидными, но мы эти вопросы здесь не рассматриваем.

Тем не менее, мы можем указать на некоторые средства, применяемые для выделения подобных единиц, называемых нами макросемами.^{II} (Понятие макросемы близко к употребляемому Вяч. Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым [29] понятию крупного семантического блока).

І. Грамматико-лексические средства.

а) Широко применяемые средства членения текста на макросемы — это специальные лексические пограничные сигналы, указывающие на начало или на конец макросемы (например: "однако", "с другой стороны", "тем не менее", "кроме того", "итак", "обратимся теперь к ..." и т.д.). Исследование естественных текстов показывает, что фактически предложение как замкнутая и изолируемая единица, которая может быть выделена и употреблена отдельно (так определяет предложение Блумфильд [30], стр. 170), почти не встречается не только в диалогах, но и в описательном жанре текстов. Особенно это характерно для научных текстов, где отделение мыслей друг от друга и их смысловое сцепление особенно важны (ср. тексты математических доказательств, как правило, насыщенные лексическими показателями типа "пусть", "возьмем", "из этого следует", "значит" и т.д.).

б) Пограничным сигналом макросемы может быть система субститутов. В интересном анализе структуры абзаца [31] пограничным сигналом уровня абзаца (уровня более высокого, чем уровень предложения) является обрыв в цепочке доминированных имен; схожим понятием является нанизывание [32].

в) В специальных текстах со сложной иерархической структурой смысла, не поддающейся линейному упорядочиванию, средством, помогающим устанавливать непосредственные смыс-

II. Этот термин введен в работе [28].

ловые связи между дистантными макросемами, являются перекрестные ссылки (ср. богатый аппарат перекрестных ссылок у Н. Хомского [23]).

2. Средства, специфические для устной речи.

В устной речи средством выделения иерархической структуры смысла текста является интонация, логическое ударение, темп, паузы и громкость речи, а также жесты. Особенно это проявляется в монологической речи. Всем хорошо известна тесная корреляция между легкостью понимания, усвоения сообщения и умением говорящего "говорить", произносить текст. ¹²

3. Средства, специфические для письменной речи.

Письменная речь также обладает рядом средств, хотя и менее богатых, для эксплицитного выражения иерархической структуры смысла текста.

а) Видимо, наиболее естественно выделяемыми пограничными сигналами в письменной речи являются точка, вопросительный и восклицательный знаки, а иногда и запятая, разделяющие текст на предложения.

б) Деление текста на более крупные единицы (абзацы) достигается красной строкой.

в) В специальных текстах, где правильности разделения текста на смысловые части, а зачастую и аранжировке этих частей придается особое значение, могут применяться различные системы подзаголовков, разбиение текстов на пункты,

¹² Характерно, что в античном мире, где устная монологическая речь занимала большое место в политической жизни общества, ораторскому искусству политического деятеля, почетное место в котором занимало искусство произнесения речи как такового, придавалось первостепенное значение.

параграфы, разделы, главы, части, тома. Ср. также систему библейской нумерации, систему американской научной нумерации и т.д. Текст может сопровождаться также более или менее развернутым оглавлением, в котором дается наиболее общая смысловая иерархия.

г) Специальными средствами иерархического упорядочивания единиц текста являются скобки, сноски, чередования шрифтов: так часто мелкий шрифт (так же как и скобки, сноски) служит для выделения отрезка текста, который может быть опущен без ущерба для понимания всего остального, т.е. отрезка текста, за счет которого в первую очередь может быть при прочтении произведено свертывание. Иногда имеют место двойные скобки, т.е. записи типа (...(...)). Заключение отрезков текста в скобки как раз и есть редуцированный способ обычного представления синтаксической структуры, который применяется в скобочной нотации.

В текстах часто встречаются все три типа показателей свертываемости,¹³ в таких случаях обычно устанавливается порядок свертывания текста в зависимости от вида показателя.

Разрядка, полужирный шрифт (как и подчеркивание) часто, наоборот, служат средством выделения наиболее базисных макросем (или их частей), расположенных в самых верхних узлах дерева, которые должны свертываться в последнюю очередь.

4. Косвенным способом членения текста на макросемы является его реферирование.

§ 7. Специфическое место среди письменных текстов в рассматриваемом отношении занимает жанр реклам и объявле-

¹³ См., например, монографию Б.А. Успенского [33].

нии, который вполне заслуженно уже привлекал к себе внимание лингвистов (см. [34]). Представляется целесообразным специально остановиться на этом жанре, т.к. в нем особенно четко проявляются тенденции эксплицитного выражения синтаксической структуры смысла текста.

Рекламы и объявления по самой своей сути организуются таким образом, чтобы последовательность их прочтения отражала не линейную текстовую последовательность текста, детерминированную языком, а скорее отражала, минуя линейный характер текста, последовательность развертывания иерархической структуры смысла текста, направляясь от наиболее важных, существенных, несвертываемых элементов к более второстепенным, свертываемым. Составители реклам и объявлений исходят из реальной ситуации, что далеко не каждый человек читает их от начала до конца, и поэтому стремятся довести основное содержание текста до наибольшего числа людей, из которых только те, кого эта реклама или объявление в каком-то отношении непосредственно касается, прочтут ее до конца.

Поэтому в практике рекламного дела выработаны определенные средства эксплицитного представления синтаксиса смысла текста, а именно размер шрифта, цвет и компоновка текста. Эти средства работают так, чтобы при зрительном восприятии текст развертывался в соответствии с иерархией его смысловой структуры, двигаясь от более важного (с точки зрения информативности для максимального числа читающих) к менее важному.

Изучение семиотической структуры языка оформления реклам и объявлений, на наш взгляд, будет способствовать вскрытию природы синтаксической структуры смысла текста.

§ 8. Как мы видим, членение текста на макросемы не связано жестко с их длиной, линейной протяженностью.¹⁴

Однако это не является существенным противоречием практике синтаксического анализа. Грамматика непосредственных составляющих построена как раз таким образом, чтобы строить из более крупных блоков, начиная из исходного символа S (предложение), более мелкие, до тех пор, пока не будет получена терминальная цепочка, которая в свою очередь может состоять из единиц разных уровней – слов, словосочетаний или морфем (хотя статистически наиболее вероятным является слово).

Представители цепочечного анализа составляющих [35, 36], которым также по существу свойственно расширенное понимание синтаксиса, идут еще дальше и исходят из такого представления об иерархии уровней в языке, при котором единица *i*-го уровня не должна состоять только и исключительно из единиц *i*–*I*-го уровня (т.е. слова из морфем, словосочетания из слов и т.д., в зависимости от выделяемых уровней), а допускают, чтобы элементы *i*-го уровня состояли из элементов того же уровня и даже *i*+*I*-го уровня (т.е. основы из основ или даже из слов, словосочетания из словосочетаний и даже из простых предложений и т.д.). Нам кажется, что такое понимание взаимодействия уровней особенно плодотворно для создания процедуры идентификации макросем, т.к. их, грубо говоря, протяженность, не должна быть

¹⁴ В связи с этим следует указать, что в работе [23] авторы сопоставляют уровню крупных семантических блоков пиктографическое письмо, при котором каждому семантическому блоку соответствует графический сигнал-рисунок. Этот рисунок может соответствовать и таким единицам, как слово, и таким, как целый текст.

Можно считать, что для грека вазовая роспись, для христианина роспись церковная являются своеобразным пиктографическим письмом, при котором каждому изображению сопоставляется целый миф, сказание или некоторая его часть, т.е. некоторый текст или его фрагмент.

взаимно соизмеримой (например, текст может состоять из двух макросем, одна из которых является целым текстом, например, текстом "Войны и мира", а другая – одним предложением или даже словом).

Если считать разбиение текста на макросемы данным, мы получим их линейную последовательность, которая еще не определяет структуры текста. Мы выдвигаем гипотезу, что макросемы организуются в новую единицу-текст по грамматике, аналогичной грамматикам для уровня предложения, т.е. что порождается по грамматике, аналогичной грамматике непосредственных составляющих, терминальными символами которой являются макросемы¹⁵. Процесс порождения текста носит, таким образом, многоступенчатый характер, хотя со структурной точки зрения каждая ступень порождается с помощью одного и того же абстрактного набора операций, так что сам процесс может быть представлен в виде дерева составляющих, дерева зависимостей или в скобочной записи.

Можно указать, что американская система нумерации научных текстов и есть по существу эксплицитное древовидное представление смысла текста, связанное ограничением, не допускающим прерывных смысловых единиц текста и непроективных деревьев (это ограничение в случае необходимости может преодолеваться аппаратом перекрестных ссылок).¹⁶

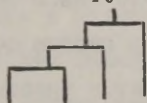
§ 9. На наш взгляд, хорошую объяснительную силу данной

¹⁵ В интересной работе Д.М.Сегала [37], посвященной сравнительному анализу 3-х индийских мифов, по существу вводится понятие макросемы (у него предикаты) и синтаксиса текста (у него синтагматическая схема мифа), хотя отсутствует фундаментальное понятие дерева подчинения.

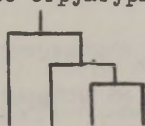
¹⁶ В традиционном литературоведении, основной целью которого должно являться изучение смысловой структуры текстов, понятие синтаксической структуры смысла соответствует понятие "композиции" и связанной с ней "фабулы", которая отличается от понятия "сюжета" ("фабула" это смысл в процессе, "сюжет" – в системе: глубинная структура смысла, по терминологии Н.Хомского [38, 23]), хотя отсутствует типология композиций. Основой для построения типологии композиций может стать синтаксис смысла

гипотезы можно продемонстрировать на таком свойстве синтаксической структуры как глубина [39].

Гипотеза глубины, по Ингве, относится к процессу порождения с точки зрения говорящего, для которого глубинными являются только регрессные структуры вида:

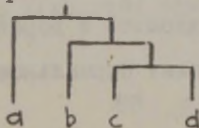

его гипотезу следует дополнить рассмотрением текста с точки зрения слушающего; для слушающего глубинными являются, напротив, прогрессивные структуры вида (ср. [40]):

Поэтому, может быть, целесообразнее говорить не о глубине вообще, а о регрессивной и прогрессивной глубине. Если содержательно, с точки зрения смысла высказывания рассматривать понятие глубины, то глубина – это текстуальное расстояние, на котором устанавливаются семантические связи между элементами, минимальное расстояние, в пределах которого действуют контекстные смысловые связи. Синтаксическая структура открывает характер этой связи. Приняв расширенное толкование синтаксиса, мы можем объяснить закон установления окончательного смысла языковых элементов в контексте, а грамматика поможет нам выяснить формальную сторону этого явления.

Понятие глубины в синтаксисе смысла тесным образом связано с понятием семантической рекурсии, введенного в работе В.В. Раскина [41]. Семантическая рекурсия – это как правило прогрессивная глубина: для того, чтобы понять смысл единицы *d* в дереве:

надо вернуться по дереву и восстановить единицы *b*, *c* и *a*. Содержательно это значит, что смысл фрагмента текста во многом определяется предшествующим контекстом.

Существуют жанры литературы, требующие применения прогрессивных деревьев (в тексте смысл последующего определяется смыслом предыдущего): в первую очередь, учебная, научная литература (это диктуется требованием последовательности изложения); прогрессивные деревья широко применяются, хотя и не всегда, в жанре очерка, исторических повествований и т.д.

Предложенное понимание синтаксиса смысла показывает, что семантической рекурсией не исчерпываются контекстуальные смысловые связи. Возможны случаи, когда значение фрагмента предопределяется не предшествующим, а последующим контекстом (регрессивная глубина). Регрессивная глубина применяется в литературе весьма широко, особенно в самом начале текста, как жанровый прием используется в детективной, приключенческой литературе (регрессивная глубина создает динамичность, увлекательность сюжета: "что будет дальше?"), в анекдоте. Истинный смысл единиц текста устанавливается при этом не сразу, а после появления тех единиц, с которыми они связаны регрессивным деревом.

§ 10. В связи с введением понятия синтаксиса смысла текста следует указать, что на уровне текста изменяется смысл синтаксической отмеченности. Отмеченным текстом является не всякий реально встретившийся текст, а такой, где все макросемы могут быть свернуты в начальной символ *T*, (текст) иными словами, понятие отмеченности не совпадает с встречаемостью (текст может реально существовать, но отдельные его макросемы не входят в дерево), а скорее со связностью по дереву. Находит формальное обоснование чехов-

ский тезис о том, что в пьесе (в художественном тексте) каждое ружье должно выстрелить.¹⁷

Можно говорить, что понятие отмеченности изменяется применительно к разным уровням: полная однозначность для фонологического уровня и полная конвенциональность (определяемая контекстом) для семантического уровня.¹⁸

Тому факту, что разным классам языков в разной степени подходят грамматика зависимостей и грамматика НС [13], может соответствовать аналогичный факт для разных классов текстов.

§ 11. Результаты работы по синтаксической омонимии на уровне предложения могут также быть применены к синтаксису смысла. Явление допустимости нескольких анализов предложения, описанное, в статьях [46-47], присутствует и на уровне текста. Действительно, один и тот же текст может быть понят, трактован по-разному, в зависимости от того, как между макросемами будут расстановлены стрелки и какие будут им приписаны типы связи (омонимичность может, как и на уровне предложения, возрастать благодаря окказиональной омонимии макросем и моносем).

Требующим теоретического объяснения фактом является тот парадоксальный (с точки зрения омонимии на уровне предложения) феномен, что достаточно сложно организованные тек-

17 Обнаружение синтаксической структуры смысла текста может способствовать, таким образом, формализации одного из понятий художественности текста: композиционной целостности. Разлагая синтаксические структуры смысла текста на фигуры, предложенные Е.В. Падучевой [11] для грамматики зависимостей, можно проводить сравнительно-стилистическое изучение композиций текстов.

Видимо не менее перспективным является для стилистики связного текста изучение свойства проективности применительно к синтаксису смысла.

18 О степенях и о критериях отмеченности см. [42-45].

сты таковы, что синтаксическую структуру их смысла невозможно описать однозначным деревом.¹⁹

Эта омонимия является положительным качеством художественного произведения, и, как правило, отрицательным для научного текста.

Кроме полной омонимии текста, может встречаться также, как и на уровне предложения, и омонимия фрагментов текста, когда неоднозначность расстановки стрелок при анализе возникает на некотором отрезке текста, а при анализе всего текста устраняется. Это тоже часто применяемый художественный прием, когда смысл макросем является в какой-то момент омонимичным.

В научной литературе наблюдается стремление избегать омонимии фрагментов, т.к. это затрудняет понимание текста.

§ 12. Настаивая на существовании древовидной структуры смысла текста,²⁰ мы не хотим утверждать, что с ее помощью можно дать полное описание организации смысла текста. Действительно, не все может быть описано предложенным способом, так же как синтаксическое дерево не дает полного описания структуры на уровне предложения,²¹ но это не умаляет значения синтаксического дерева для тех явлений, которые оно способно описывать.²² Вместе с тем необходимо вве-

19 Ср., например, бесконечное разнообразие сценических прочтений, драм Софокла, Эврипида, Шекспира и т.д. С другой стороны, частичным подтверждением этого является факт невозможности получения двух адекватных рефератов одного и того текста (это может быть иногда связано также с выделением различных поддеревьев одного и того же дерева).

20 Пожалуй, наиболее убедительным примером изоморфизма синтаксиса на уровне предложения и на уровне текста является творчество Марселя Пруста. Сложность синтаксических деревьев его предложений, повышенный процент регрессивных структур четко коррелируют со структурой построения смысла текста, причем формальная сторона одного помогает понять формальную сторону другого и наоборот.

21 Ср. критику модели непосредственных составляющих Н. Хомским [48].

дение в теорию структуры смысла текста трансформационной части.²³ Не имея возможности останавливаться на ней подробно, отметим, что трансформационный анализ, по существу имплицитно применяется в литературоведении в жанре критического разбора.

Заключение.

Итак, мы останавливались на применимости некоторых понятий "узкого синтаксиса" к изучению структуры смысла текста. Разумеется, данная работа носит самый предварительный характер. Мы попытались содержательно проинтерпретировать следствия, вытекающие из принятия гипотезы о древовидной структуре смысла текста, и соотнести их с некоторыми понятиями, которые существуют в традиционных областях знания, изучающих смысл связного текста.

Можно думать, что направление внимания в сторону формализации наших представлений о смысле связного текста поможет в дальнейшем по-новому осветить и обобщить некоторые положения семантики, а также и синтаксиса, связь между которыми, вполне возможно, простирается дальше, чем это иногда мы привыкли считать.

Изложенный взгляд на структуру связного текста, как нам кажется, может также содействовать развитию формального литературоведения и, что наиболее важно, осмыслению проблемы автоматического реферирования.²⁴

22 Поэтому мы не согласны с общим положением Н.Н.Леонтьевой о неудобности структуры дерева для представления смысла, предложенным в работе [49].

23 Насколько можно судить, на построение трансформационной части грамматики смысла текста направлена деятельность И.А.Мельчука и А.К.Жолковского (см. [50]).

24 Автор пользуется случаем поблагодарить Б.Ю.Городецкого, Н.И.Динкина, В.А.Звегинцева и С.В.Кодзасова, прочитавших рукопись и сделавших полезные критические замечания.

Л и т е р а т у р а

1. R. Wells. Immediate Constituents. "Language" 23, N2, 1947, p. 81-117.
2. Н. Хомский. Три модели описания языка. - Кибернетический сборник, № 2, М., 1961.
3. С. Я. Фитиалов. О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике. - Проблемы структурной лингвистики, М., 1962.
4. R. E. Longacre. String Constituent Analysis. "Language" 36, 1960.
5. Т. Н. Моложная. О понятии грамматической конфигурации. - Структурно-типологические исследования, М., 1962.
6. Е. В. Падучева. О понятии конфигурации. -- ВЯ, № 1, 1965.
7. И. Лесерф. Применение программы и модели конфликтной ситуации к автоматическому синтаксическому анализу естественных языков. - НТИ, № 10, 1963.
8. Л. Н. Иорданская. О некоторых свойствах правильной синтаксической структуры. - ВЯ, № 4, 1963.
9. Ю. А. Шрейдер. Свойства проективности языка. - НТИ, № 8, 1964.
10. В. Ингве. Гипотеза глубины. - Новое в лингвистике, вып. 4, М., 1965.
11. Е. В. Падучева. О связях глубины по Ингве со структурой дерева подчинений. - НТИ, № 6, 1966.
12. С. Я. Фитиалов. О двух типах исчислений. - НТИ, № 7, 1964.
13. А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. О связи языка лингвистических описаний с родным языком лингвиста. - Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам, Тарту, 1964.
14. Ю. К. Лекомцев. К вопросу об аналогиях в строении слога и простого предложения. - Проблемы структурной лингвистики, М., 1962.
15. К. И. Бабицкий. Доклады в пользу одного подхода к описанию морфологии. - Семиотические проблемы автоматизированной обработки информации (в печати).
16. М. В. Арапов, Ю. А. Шрейдер. Семантика и машинный перевод. - НТИ, № 1, 1965.

17. К. Pike. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior, Glendale, Summer Institute of Linguistics, part I-III, 1954-60.
18. Д. Миллер, Е. Галантер, и К. Прибам. Планы и структура поведения, М., 1965.
19. Е. Benveniste. Language and Human Experience. "Diogenes", 1965.
20. В. А. Звегинцев. Семасиология, М., 1957, стр. 123-124.
21. N. S. Sørensen. Meaning (доклад на Конгрессе по семиотике в Варшаве, 1966).
22. Ж. Katz. The Philosophy of Language. N-Y. 1966.
23. Н. Chomsky. Aspects of the Theory of Syntax, Cambridge (Mass.), 1965.
24. А. Е. Кибрик. Об одном способе записи алгоритмов. - Теоретические проблемы прикладной лингвистики, № 2 (в печати).
25. М. В. Арапов. Некоторые принципы построения словаря типа "тезаурус". - НТИ, 1964, № 4.
26. Ю. А. Шрейдер. О количественных характеристиках семантической информации. - НТИ, 1963, № 10.
27. И. А. Мельчук. Автоматический синтаксический анализ, том 1, Н-ск, 1964.
28. А. Е. Кибрик. Семантическая проблематика гетерологического кодирования. - Теоретические проблемы прикладной лингвистики, М., 1965, стр. 82.
29. Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы. - Структурная типология языков, М., 1966, стр. 5.
30. L. Bloomfield. Language, N.Y., Holt, 1933.
31. Е. В. Падучева. О структуре абзаца. - Труды по знаковым системам, II, Тарту, 1965.
32. И. П. Севбо. Об изучении структуры связанного текста. - Лингвистические исследования по общей и славянской типологии, М., 1966.
33. Б. А. Успенский. Структурная типология языков, М., 1965.
34. Е. В. Падучева. Логическое ударение в текстах реклам и объявлений. - НТИ, 1963, № 5.
35. R. E. Longacre. Grammar Discovery Procedures, a Field Manual, Mouton & Co, London - The HAGUE - Paris, 1964.
36. В. Elson and V. Pickett. Introduction to Morphology and Syntax. Summer Institute of Linguistics, Santa Ana, California, 1965.

37. Д.М.Сегал. О связи семантики текста с его формальной структурой. "Poetics", II, Mouton & Co, Polish Scientific Publishers, 1966.
38. N.Chomsky. Persistent Topics in Linguistic Theory. "Diogenes" 1965, p. 17.
39. А.Е.Кибрик. О синтаксической глубине структуры смысла в связанном тексте. - Актуальные проблемы лексикологии (тезисы докладов лингвистической конференции), Н-ск, 1967.
40. И.М.Лущикина. Использование гипотезы Ингве о структуре фразы при изучении восприятия речи. - Вопросы психологии, 1965, № 2.
41. В.В.Раскин. Проблема семантического описания слова и семантическая рекурсия, - Актуальные проблемы лексикологии (тезисы докладов лингвистической конференции), Н-ск, 1967.
42. Н.Хомский, Д.Миллер. Введение в формальное изучение естественных языков, - Кибернетический сборник, № 1, М., 1965.
43. С.К.Шаумян. Структурная лингвистика, М., 1965, стр. 109-119.
44. А.Е.Кибрик. Опыт экспериментального определения степени отмеченности слов. - Теоретические проблемы прикладной лингвистики, № 3, М. (в печати).
45. А.Е.Кибрик, С.В.Кодзасов. рец. (в печати) на книгу R. Scholes, Phonotactic Gramaticality, Mouton & Co, The Hague, Paris, 1966.
46. Ф.Дрейзин. Частота появления основных видов синтаксической омонимии в русском тексте. - НТИ, 1966, № 12.
47. Л.Н.Иорданская. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза). - НТИ, серия 2, 1967, № 5.
48. Н.Хомский. Синтаксические структуры. - Новое в лингвистике, вып. 2, М., 1962.
49. Н.Н.Леонтьева. О формальном представлении смысловой структуры текста. - Третья всесоюзная конференция по информационно-поисковым системам и автоматизированной обработке научно-технической информации. Тезисы докладов, М., 1966, стр. 42.

50. А.К.Жолковский, И.А.Мельчук. О возможных методах и инструментах семантического синтеза. - НТИ, 1965, № 6.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ПОРОЖДАЮЩЕЙ ГРАММАТИКИ И ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ

С. В. К о д з а с о в

1. Н.Хомский неоднократно указывал, что целью лингвистического описания является моделирование способности носителя языка производить и понимать бесконечное число новых предложений на данном языке. Саму эту способность следует, по его мнению, отличать от ее конкретных проявлений, т.е. от реальных процессов производства и восприятия речи.

Соответственно, нельзя отождествлять модель этой способности (порождающую грамматику языка) с моделями речевого поведения.

Н.Хомский и Дж. Миллер, однако, указывают на тесную связь этих двух моделей: с одной стороны, в основе любой модели деля речевого поведения должна лежать порождающая грамматика языка, с другой стороны, адекватность порождающей грамматики должна оцениваться с точки зрения ее соответствия фактам восприятия и производства речи.¹ Заметим, что вопрос о приписывании высказыванию его фонологической характеристики рассматривается ими вообще лишь в связи с моделью восприятия.

2. Мы попробовали оценить некоторые существенные свойства предлагаемой Н.Хомским и М.Халле фонологической тео

1 См. Н.Хомский, Дж.Миллер, Введение в формальный анализ естественных языков. - Кибернетический сборник, Новая серия, вып. 1, М., 1965; Н.Хомский, Дж.Миллер. Конечные модели использования языка. - Кибернетический сборник, Новая серия, вып. 4, М., 1967.

рии¹ с точки зрения восприятия речи. Под восприятием нами понимается процесс приписывания слушателем структурной характеристики речевому сигналу, в нашем случае - отождествление слушателем акустического сигнала как некоторой последовательности фонологических единиц.

Рассмотрим сначала вопрос о том, адекватны ли фонологические единицы, используемые в рассматриваемой грамматике, с точки зрения восприятия, соответствуют ли они той форме описания, которая хранится в памяти носителя языка и сопоставляется им речевому сигналу при восприятии. В фонологической части порождающей грамматики Н.Хомского и М.Халле мы находим два уровня представления высказывания: уровень "системной фонологии" и уровень "системной фонетики".

Уровень "системной фонологии" (морфемная запись) достигается после замены цепочки формативов, поступающей на вход фонологической части из синтаксической, классификационной матрицей различительных признаков (столбцы матрицы сокращенно обозначаются единичными символами). На этом уровне элиминированы случаи нерегулярного фонологического выражения грамматических значений (например, вместо { #ид-ти + прош.вр., ед.ч., м.р.#} имеется /# šo1 #/, в других случаях сохраняется стандартная форма записи морфемы (например, { # вод + им.пад., ед.ч.#} записывается как /# vod+a #/, а { # вод + род.пад., мн.ч.#} как /# vod #/.

Уровень "системной фонетики" (узкая фонетическая транскрипция) является дискретным отображением непрерывного фи-

1 См. М.Халле, Фонологическая система русского языка. - Новое в лингвистике, вып. 2, М., 1962; Н.Хомский, Логические основы лингвистической теории. - Новое в лингвистике, вып. 4, М., 1965; М. Halle, Phonology in Generative Grammar. "Word", v. 18, 1962, No. 1-2, p. 54-72; N. Chomsky, M. Halle, Some Controversial Questions in Phonologic Theo-

зического сигнала с помощью критериев точности, характерных для носителей данного языка. Соответствие между уровнем "системной фонологии" и уровнем "системной фонетики" устанавливается с помощью упорядоченного набора правил. Те представления высказывания в виде последовательности символов, которые получаются после применения тех или иных групп фонологических правил, образуют промежуточные уровни; самостоятельный лингвистический статус какого-либо из промежуточных уровней решительно отрицается Н.Хомским и М.Халле, таким образом, ими отвергается прежде всего фонемный (слово-фонематический) уровень.³ При этом Н.Хомский считает, что важным доводом в пользу этой точки зрения является то, что фонемный уровень не обладает никакой психологической реальностью: слушатель воспринимает речь не в терминах фонем, а в терминах морфем. Для подтверждения этого Н.Хомский ссылается на работы Э.Сэпира, особенно на его статью "Психологическая реальность фонем"⁴. Действительно, среди примеров, показывающих, что слушатель воспринимает звуковые различия лишь постольку, поскольку они релевантны в системе данного языка, есть один пример в пользу утверждения Н.Хомского: носитель языка осознает "звуковую" разницу двух омофонов, поскольку в других фонетических условиях обнаруживается различие составляющих их морфем. Адекватным явлением для русского языка было бы, например, восприятие слов "пруд" и "прут" как

ру. "Journal of Linguistics", v. I, 1965, No. 2, p. 97-138.

3 См. Н.Хомский, 1965, ук.соц.; N. Chomsky, M. Halle, 1965, op. cit. В самое последнее время Халле, повидимому, стал

отходить от столь категорического отрицания "промежуточного" уровня в фонологии, об этом свидетельствуют тезисы его несостоявшегося доклада на XIII Международном психологическом конгрессе (Москва, 1966).

4 E. Sapir, The Psychological Reality of Phonemes. In "Selected

звучащих различно, поскольку отличаются слова "прута" и "пруда", или восприятие морфемы /о/ в слове "вода", поскольку имеется слово "воды".

Этот пример представляется нам неубедительным. Для носителя русского языка, по крайней мере, существует явное различие между тем, что он говорит и слышит и что он пишет. Неграмотного носителя русского языка необходимо учить морфематическим принципам правописания, поскольку он воспринимает речь прежде всего в терминах фонем, что прекрасно проявляется в его орфографических ошибках.⁵ Очевидно, что такая особенность восприятия не может быть характерна лишь для носителей русского языка. Таким образом, отрицание Н.Хомским психологической реальности, и, соответственно, лингвистической значимости фонемного уровня представления высказывания нам кажется неверным. Нужно заметить, что вначале морфемный уровень представления высказывания в порождающей грамматике появился как результат стремления Н.Хомского и М.Халле к большей общности описания и наиболее удобной "стыковке" синтаксического и фонологического компонентов грамматики, а не как результат стремления отразить факты речевого поведения,⁶ и лишь позднее был поставлен вопрос о психологической адекватности этого уровня.

Из наших рассуждений не следует, однако, что мы считаем морфемный уровень лишь конструктором, необходимым для простоты описания языка, и отрицаем его психологическую

writings of Edward Sapir", ed. by D.G. Mandelbaum, University of California Press, 1958.

- 5 Интересно было бы исследовать вопрос о том, накладываются ли правила восприятия письменной речи на правила восприятия устной речи, формирующиеся гораздо раньше.
- 6 См. М.ХАЛЛЕ, 1962, ук.соч., где прямо говорится, что морфемный уровень представляет собой конструктор, необходимый для простоты описания.

реальность. Хотя наличие этого уровня не обнаруживается в поведении носителя языка так явно, как наличие фонемного уровня, тем не менее некоторые соображения и факты говорят в пользу его психологической адекватности. Во-первых, из отрицания психологической реальности морфемного уровня следует, что словарь в памяти носителя языка состоит не из стандартных морфем, а из гнезд, включающих разные алломорфы одной морфемы; такой словарь был бы очень громоздким. Во-вторых, в пользу того, что морфемный уровень может обладать психологической реальностью, свидетельствуют факты, подтверждающие правильность предлагаемой Н.Хомским и Дж.Миллером модели восприятия "анализ через синтез".⁷ Эта модель опирается на предположение об участии синтаксического уровня в идентификации фонологических единиц: на основе частичного решения о фонологических признаках принимается предварительное синтаксическое описание; далее генерируется фонетическое представление этого описания; если оно в достаточной степени соответствует имеющимся фонетическим данным, то в качестве структурного описания (фонологического и синтаксического) воспринимаемого сигнала принимается структурная характеристика генерируемого сигнала. Описанная модель восприятия хорошо соответствует строению фонологической части порождающей грамматики Н.Хомского и М.Халле: в этой грамматике однозначный переход от фонетического к морфемному уровню на основе лишь фонологических правил также невозможен, необходимо обращение к синтаксической информации.

3. Приведем результаты проделанного нами эксперимента, хорошо соответствующие модели "анализ через синтез". Результаты эти были получены при исследовании восприятия словесно-

⁷ См. Н.Хомский, Дж. Миллер, 1965, 1967, ук.соч.

го ударения. Заметим, что ударение мы считаем не сегментным признаком гласного, как Н.Хомский и М.Халле, а признаком слова (ритмической характеристикой слова); это различие, однако, в данном случае не существенно.

Задачей эксперимента было выяснить, может ли синтаксическая структура предложения оказывать влияние на восприятие ударения (т.е. на то, какую фонологическую характеристику приписывает слушающий фонетическому сегменту), или фонологические правила действуют независимо от более высоких уровней грамматики при определении структурной характеристики акустического сегмента. Для ответа на этот вопрос исследовалось восприятие ударения, в словах, отличающихся лишь местом ударения, например, "пи́ли" - "пили́", "су́шу" - "сущу́" и т.д. Были записаны на магнитную пленку пары естественных предложений, содержащие такие пары слов. Эти слова были вырезаны с помощью сегментатора и взаимно пересажены. Например, "ру́ки" и "руки́" поменялись местами во фразах "Почти все руки поднялись за" и "Без правой руки трудно работать". В полученный набор предложений были добавлены фразы, где те же слова находились в правильном контексте. Все экспериментальные слова не несли фразового ударения и находились в приблизительно одинаковом интонационном положении. 7 нетренированных аудиторов должны были определить, имеется ли в каком-либо слове предъявляемого предложения ошибка в ударении. Предложения воспринимались как естественные, а не склеенные, что свидетельствует о хорошем качестве монтажа.

Перед пересадкой в "чужие" контексты вырезанные слова также предъявлялись аудиторам. В ряде случаев ударение этих слов было воспринято "неправильно" частью аудиторов. Например, акустический сегмент, соответствующий слову "пи́ли" из фразы "Мы ели воблу, пили пиво и болтали о жизни" был вос-

принят как "пили" 6 аудиторами. Такие случаи могут быть объяснены, во-первых, модификацией отношения гласных слова по длительности, с которым прежде всего связано выражение словесного ударения,⁸ в разных положениях во фразе, и, во-вторых, различиями в мелодическом оформлении слова в разных интонационных положениях. Оба фонетических параметра (отношение по длительности и мелодика) участвуют в определении ударения слова при восприятии,⁹ для изолированного положения слова правила интерпретации этих параметров (особенно мелодики) должны отличаться от правил для положения внутри фразы. Таким образом, в разных фонетических контекстах действуют несколько разные приписывания ударения фонетическому сегменту, соответствующему слову, что и привело к "ошибкам" наших аудиторов. Этот факт подтверждает правильность критики Н.Хомским условий линейности и инвариантности при отождествлении фонологических признаков.¹⁰ В дальнейшем эксперименте использовались лишь те слова, которые "правильно" воспринимались в изоляции всеми аудиторами. В значительном числе случаев все или большинство аудиторов не заметили "ошибок" в ударении слов, пересаженных в чужие контексты. Например, в слове "тушу́" пересаженном из предложения "Перед сном я обязательно тушу свет в коридоре" в предложение "На берег выбросило тушу старого кита" ни один из аудиторов не заметил ошибки, т.е. все аудиторы восприняли его как "тушу".

⁸ См. Л.Златоустова, *Фонетическая структура слова о потоке речи*, Казань, 1962.

⁹ См. С.Кодзасов, К.Отряшенков, *Экспериментально-фонетические исследования ударения*. - Труды отделения структурной и прикладной лингвистики филологического ф-та МГУ" (в печати).

¹⁰ См. Н.Хомский, 1965, ук.соч.

Заметим, однако, что в большинстве случаев "ошибки" (они воспринимались именно как ошибки диктора) были зафиксированы, что соответствует тому эмпирическому факту, что мы обычно слышим ошибки в ударении. Как же объяснить те парадоксальные случаи, когда этого не случилось?

Может быть, это связано с изменением чисто фонологических правил восприятия для равных контекстов, а более высокие лингвистические уровни в этом не участвуют? Однако мы пересаживали слова, находившиеся в сходных фонетических контекстах. Кроме того, слова из обоих предложений при изолированном предъявлении воспринимались аудиторами правильно, т.е. в обоих предложениях контекст не способствовал "нейтрализации" противопоставления пары слов по ударению.

Можно ли в таком случае заключить, что информация более высоких уровней иногда "подавляет" фонетическую, что если однозначно идентифицированная на фонологическом уровне фонетическая информация дает возможность приписать предложению синтаксическую и смысловую характеристику, то неидентифицированная фонетическая информация автоматически получает фонологическую характеристику, соответствующую уже принятой смысловой и синтаксической характеристике?

Это явно не верно, поскольку слушающий замечает фонологические ошибки, от которых решающим образом не зависит восприятие смысла предложения, что и произошло в большинстве случаев в нашем эксперименте.

Наше объяснение тех случаев, когда аудиторы не заметили "ошибок" в ударении, таково: фонетический сегмент, соответствующий слову, интерпретируется с точки зрения как чисто фонетической информации, так и с точки зрения синтаксического описания предложения. В процессе восприятия акустического сигнала происходит однозначная идентификация некоторых фо-

нологических элементов; на основе этого (неполного) фонологического описания предложению приписывается синтаксическая и смысловая характеристика в соответствии с синтаксическим описанием исследуются альтернативные интонационные характеристики (мы считаем, что может быть несколько незначительно отличающихся интонационных характеристик для предложения данной синтаксической структуры). Принимается та интонационная характеристика, которая допускает значительное изменение слова в сторону его фонетического сближения с минимальной парой по ударению и которая отличается от первоначальной характеристики.

Таким образом, влияние синтаксического уровня заключается в изменении фонологического правила приписывания слову ритмической характеристики посредством изменения первоначальной характеристики интонационного контекста слова, а не в "подавлении" фонетической информации. Если фраза данной синтаксической структуры не может иметь такой интонационной характеристики, которая допускает данную фонетическую реализацию подходящего по смыслу слова, то фиксируется ошибка.

Результаты нашего эксперимента подтверждают предположение о том, что акустический сегмент интерпретируется с точки зрения возможных фонологических описаний с привлечением более высоких лингвистических уровней, а не просто отождествляется с помощью лишь фонологических правил на основе процедур сегментации и классификации.

Эти результаты хорошо согласуются с моделью восприятия "анализ через синтез" и с рядом существенных свойств фонологического компонента порождающей грамматики Н.Хомского и М.Халле.

ДИСТРИБУТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК СПОСОБ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
БЕЗЛИЧНО - ПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОВ И ФОРМ ДРУГИХ
ЧАСТЕЙ РЕЧИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

Т.Г.К о з ы р е в а

Вопрос о безлично-предикативных словах продолжает оставаться спорным. Частично это вызывается явлением грамматической омонимии форм этих слов с формами других частей речи: существительных, прилагательных, наречий. Поэтому изучение данного явления совершенно необходимо. Не претендуя на полное и исчерпывающее решение данного вопроса, покажем, как дистрибутивный анализ помогает уяснить грамматическую природу слова.

Дистрибутивный анализ - это, как известно, анализ окружений (или совокупности окружений), состоящих из элементов, в сочетании с которыми может встретиться в речи исследуемая форма.

Метод дистрибутивного анализа дает нам возможность выяснить грамматическую природу слов и вывести формулы для бесспорных случаев, что является необходимым для установления грамматической природы слова в словосочетаниях, где последняя не может быть уяснена с помощью других методов. Но с лексической точки зрения "свобода встречаемости", т.е. количество окружений может быть бесконечно. Поэтому экспериментально к исследуемой языковой единице подстав-

няем иное окружение или помещаем испытуемое слово в нужное нам окружение и проверяем, может ли данная языковая единица встречаться в сочетаниях, конструктивных для другой грамматической единицы - её омонима.

Говоря об омонимии безлично - предикативных слов с формами других частей речи, нужно иметь в виду два случая. Первый - когда омонимия грамматических форм проявляется четко, когда по значению слов, по конструкции предложения легко определить часть речи, например, "началась охота на пушного зверя" и "мне охота читать", "наступила унылая пора" и "мне пора идти". Приведем примеры из языка 17 века.

1. Как намъ себя не соромь? (Аввакум. Книга бесед.)
2. Пора покаянца, государь! (Аввакум. Житие.)
3. Намъ-де дома недосугъ! (Аввакум. Послание.)

Это бесспорные случаи. Здесь легко производится замена другим безлично - предикативным словом. Это действительная омонимия. В отличие от неё, другой случай представляется не действительной или сомнительной омонимией. Это такой случай, когда омонимию распознать затруднительно, когда самый вопрос о том, имеет ли в данном случае место омонимия, представляется спорным. При таком положении грамматическая форма может быть признана и той и другой частью речи, так как имеются признаки обеих частей речи. Здесь мы имеем дело с явлением переходного порядка, когда существительное или прилагательное не полностью перешло в безлично - предикативное слово, сохраняя старые и приобретая новые признаки.

1. Разве тебе охота не была? (Лудольф. Грамматика русского языка.)
2. Радуйся, кабаче веселый, ... приедем гостем досада великая! (Служба кабаку. Сатирические повести 17 века.)
3. Какая тебе неволя вмешиваться в дела посторонних? (Словарь Академии наук 1789 г.)

Распознаванию безлично - предикативного слова помогает наличие связки, инфинитива и дательного субъекта, т.е. конструктивных элементов для структуры предложения с безлично-предикативными словами. Но и наличие этих моментов не всегда устраняет двойственность в понимании грамматической природы слова. Так, наличие дательного лица, испытывающего состояние, предполагает безлично-предикативное слово. Но если рядом с этим словом находится определение-прилагательное или местоимение, то решить вопрос трудно (см. примеры 2, 3). На переходность слов "досада" и "неволя" указывают определения: "великая" и "какая". Такие определения возможны лишь у существительных. Но слова: досада, неволя в данном случае не имеют значения предметности. В другом предложении (см. пример 1) отсутствие дательного субъекта в корне изменило бы фразу (разве охота не была?). Тогда рассматриваемое слово не вызвало бы сомнений, являясь существительным. В нашем примере слово "охота" может быть понято как безлично-предикативное. Но форма "не была", согласованная со словом "охота", указывает на переходность, на то, что существительное ещё недостаточно обезличено. При безлично-предикативном слове возможна лишь форма - "не было". Исходя из всего сказанного, оба случая предположительно относим

к явлениям переходного порядка. Такие же явления наблюдаются и при разграничении безлично-предикативных слов и прилагательных, о чем будет сказано ниже.

Все вышеизложенное более убедительно и с большей точностью может быть доказано, если мы обратимся к выведению формул конструктивных моделей для существительных и безлично-предикативных слов, с одной стороны, и для переходных случаев - с другой. Берем бесспорные случаи:

мне охота читать

мне пора ехать

мне охота было читать

мне пора было ехать

Для безлично-предикативных слов формулы конструктивных моделей будут таковы:

1) DVI_S

2) $DVNI_S$

Формулы моделей для бесспорных случаев с существительными (Наступила осенняя пора . Началась охота на пушного зверя) получают следующий вид:

1) VAS

2) $VSpS$.

Мы видим, что структурные модели для этих частей речи совершенно различны.

В работе используются следующие символы: D - дательный субъекта, B - безлично-предикативное слово, I_S - зависимый инфинитив, I_n - независимый инфинитив, H - связка, V - спрягаемый глагол, A - прилагательное, S - существительное, pS - существительное с предлогом, A_c - краткое прилагательное, P - для обозначения слов "это", "то" и т.п.

Теперь обратимся к спорным случаям, о которых говорилось выше (см. примеры на стр.). Учитывая лишь конструктивные элементы, выводим формулы для этих случаев. Так как природа испытываемого слова может восприниматься двояко, даем формулы в двух видах:

1) DBV или DSV

(разве тебе охота не была?)

2) DBA или DSA

(гостем досада великая)

3) ADBI_g или ADSI_g

(какая тебе неволя вмешиваться?)

Нетрудно заметить, что некоторые элементы этих формул совпадают с моделями существительных (VS, SA), а другие - с моделями безлично-предикативных слов (DB, DBI_g), но полностью не совпадают ни с одной моделью, установленной для этих частей речи. Соединение элементов из формул той и другой части речи свидетельствует о переходности этих грамматических форм и конструкций в языке 17-18 вв.

При разграничении безлично-предикативных слов и прилагательных решение вопроса осложняется наличием слов "это", "сие", "то" и т.п. Нужно в каждом отдельном случае определять, чем является данное слово, похожее на местоимение.

1) Не стыдно ли это тебе, что ты мне предпочтен?

(Сумароков.)

2) Смешно другим, а им гораздо это больно (Сумароков.)

3) ... срамно то будет царю вашему турецкому (Азовские повести 17 в.)

4) Чудно это, что о ево лихоимстве по сие время при Дворь не знают (Сумароков.)

5) Мне это не обидно ... (Сумароков.)

Если слова на О являются прилагательными, то формы "это", "то" должны быть местоимениями. Оба слова согласуются, и должна быть возможна трансформация в согласовании, как это наблюдается в конструкциях с бесспорными прилагательными. Так, "оно красиво", "это узко" трансформируются: она красива, он красив, этот узок, эта узка. Но "это обидно", "это стыдно", "это больно" не трансформируются (ср. она больна, оно больно — с другим ударением). Выводим формулы для этих моделей.

- 1) VPD или $A_C PD$ (см. пример 1).
- 2) DPB или DPA_C (см. пример 2, 5).
- 3) VRH или $A_C RH$ (см. пример 3).

Для бесспорных случаев с формами кратких прилагательных (оно узко, это широко купание полезно) формулы имеют следующий вид: PA_C или SA_C . Сравнение формул показывает, что рассматриваемые конструкции с неясными формами обнаруживают в своих моделях соединение элементов двух различных моделей. Следовательно, можно считать, что в приведенных примерах из языка 17 вв. прилагательное находится на пути перехода в безлично-предикативное слово. Слова "это", "то" имеют здесь лишь формальное значение. Не являясь конструктивным элементом, они могут быть без ущерба удалены из предложения, что невозможно было бы сделать при наличии прилагательного. Следовательно, здесь возможна другая трансформация: "не стыдно ли тебе", "а им больно", "срамно будет царю", т.е. без слов "это" и "то" или "не стыдно ли тебе, что..." Можно предположить, что когда-то "это" было местоимением и согласовалось с кратким прилагательным. С потерей согласо-

ния, что связано с судьбой связки, слова "больно", "чудно" и др. превращались в безлично-предикативные, а "это" становилось частицей. Таким образом, у конструкций "мне это больно" и "мне это узко" внешне дистрибуция одинаковая, но трансформация различная, а это доказывает, что перед нами разные части речи.

В спорных случаях со словами с модальным значением необходимо обратить внимание на наличие инфинитива. Если в предложении есть инфинитив, то большей частью перед нами безлично-предикативное слово, так как в этом случае местоимения "что", "сие", "то" и др. могут стоять только в винительном падеже, управляемом инфинитивом.

Сие же должно рассуждать и о наклонении, которое также в иных риториках за особое место признается (Ломоносов. Краткое руководство к красноречию)

В современном русском языке прилагательное должно и безлично-предикативное слово должно имеют различные ударения. Мы не знаем, каково было ударение в слове "должно" в этом примере. Но можно предположить, что оно не могло быть на последнем о, так как "сие" рассуждать не может, т.е. получилось бы: "сие должно́ рассуждать". Глагол "рассуждать" в 18 веке был прямопереходным, т.е. требовал винительного падежа. Все сказанное убеждает нас в том, что "сие" в разбираемом предложении является дополнением, а "должно" - безлично-предикативным словом. Материал показывает, что там, где имеем безлично-предикативное слово, употребляются следующие инфинитивы: видеть, усмотреть, сделать, разделить, показать, учинить и т.п. В тех же предложениях, где использовано прилагательное, наблюдаются инфинитивы: быть, иметь.

1. Между краем и дном должно положить кольцо из теста или из мокрой лесины сделанное.

(Ломоносов. Вольф. экспериментальная физика).

("должно" - безлично-предикативное слово).

2. В пространном Российском государстве коль великое множество должно быть разных минералов, легко понять можно.

(Ломоносов. Низайшее донесение сенату.)

("должно" - прилагательное)

Спорным является решение вопроса о грамматической природе слов на О в конструкциях типа "кататься - весело". Указанные построения представляют собой не обычные двусоставные предложения. Не случайно поэтому акад. Шахматов выделял их в особую главу "несогласованные двусоставные предложения".¹ Думается, что между двусоставными "согласованными" предложениями (катание весело, курение вредно), с одной стороны, и односоставными (весело кататься, вредно курить), с другой, должны существовать переходного типа конструкции. Предложения с инфинитивом-подлежащим, как нам кажется, относятся к случаям переходным от безличной односоставной конструкции к двусоставной с личным сказуемым при подлежащем. В безличном предложении "вредно курить" мог быть изменен порядок слов: инфинитив оказывался в позиции "курить вредно", а в дальнейшем, при сильном интонационном членении возникла конструкция: курить - вредно.

Конструкции с независимым инфинитивом - подлежащим получили широкое развитие уже в современном языке. Это под-

¹ А.А.Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 133.

тверждает высказывание Шахматова о том, что "несогласованные двусоставные предложения" "нового" происхождения.

Подлежащее в этих предложениях тоже не обычное. К.А.Тимофеев отмечает,² что при подлежащем-существительном род сказуемого проявляется четко, а при инфинитиве род не выступает (ср. курение вредно и курить - вредно). Находясь на первом месте в предложении, инфинитив, как указывает К.А.Тимофеев, утрачивает зависимость от сказуемого, и этим создается членение предложения на два состава. Если при этом интонация недостаточно ясно выражена, то вся конструкция воспринимается как односоставное безличное предложение. Вот почему возможны колебания при отнесении данных предложений к односоставным или двусоставным. И эти колебания естественны, если мы имеем дело с конструкциями, переходными между двусоставными и односоставными.

Какова же грамматическая природа слова, употребленного в сказуемом, когда подлежащее выражается инфинитивом? В рассматриваемых конструкциях сказуемые безличны, а выражение безличности, как известно, не свойственно грамматической природе прилагательного. Безличность сказуемого доказывается следующими примерами из современного русского языка:

1. Сидеть у дороги и просить милостыню - стыдно.

(А.Толстой. Хождение по мукам.)

Слово стыдно следует признать безлично-предикативным. Ведь формы прилагательного в современном языке не употребляются

² См. К.А.Тимофеев, К вопросу об употреблении инфинитива в функции подлежащего. - Труды Благовещенского педагогического института, 1955.

от этого слова. Данный пример допускает замену слова "стыдно" другими словами на 0 (печально, тяжело, грустно и т.п.) Нет оснований считать безлично-предикативной только форму "стыдно".

2. А на что богу эти люди? Понять - нельзя, - подумал

Артамонов

(Горький. Дело Артамоновых.)

3. Плохо тут жить - вот о чем думай. Верно ведь Сима-то сочинил: "Жить нам - неохота".

(Горький. Городок Окуров.)

Сказуемые "нельзя" и "неохота" невозможно не признать безличными. Итак, если в рассматриваемых конструкциях сказуемые безличны, значит, это формы не прилагательных, а безлично-предикативных слов.

Бесспорные случаи указывают на то, что модель I_{Π} - В характерна для безлично-предикативных слов. Она не типична для прилагательных, где употребляется согласующееся отглагольное существительное: чтение полезно, курение вредно (модель SA_c). Выясняем, подходит ли модель I_{Π} - В для спорных случаев (курить - вредно, купаться - полезно, кататься - весело). Применяем метод трансформации. Оказывается, что один тип конструкций трансформируется в модель типа: катание весело, купание полезно, курение вредно, а другой тип (просить - стыдно, понять - нельзя, жить - неохота) не трансформируется в указанную модель.

Следовательно, в конструкциях переходных инфинитив как бы сохраняет ещё способность определяться словом на 0. На первый взгляд, дистрибуция в рассматриваемых моделях (I_{Π} - В) одинаковая. Проверяем подстановкой местоимения в дательном падеже, поскольку для безлично-предикативного

слова это конструктивный элемент предложения. Оказывается, что в предложениях: "просить - мне стыдно", "жить - мне неохота" местоимение выражает субъект в форме дательного падежа, т.е. лицо, испытывающее состояние (ср. просить я стыдусь, жить я не хочу) и т.д. А в конструкциях: "курить - мне вредно", "купаться - мне полезно" форма местоимения "мне" имеет значение "для меня", выражает косвенный объект (ср. невозможность трансформации типа: купаться - я ... или курить - я ...) Значит, дистрибуция такая же, модели совпадают во внешних чертах, но трансформируется по разному. Это свидетельствует о различном характере слов, составляющих эти модели. Итак, при одинаковой дистрибуции может быть разная трансформация, и получаются не совсем одинаковые конструкции. И только в предложении "кататься - мне весело" местоимение имеет значение субъекта. Возможно, эта модель среди переходных случаев ближе всего стоит к модели с безлично-предикативными словами.

Различна трансформация у наречий и безлично-предикативных слов. Например, "трудно влюбиться", "грешно обманывать", "безрассудно верить" и т.п. допускают изменения типа: влюбиться было трудно, обманывать было грешно и др. Но сравним конструкции с наречиями сердечно относиться, легкомысленно относиться и др., не допускающие трансформации в модель: "относиться было легкомысленно", "относиться было сердечно". Ещё В.В.Виноградов обратил внимание на "невозможность понимать безлично-предикативные слова на О как наречия, так как наречия, сочетаясь с инфинитивом, лишены свойства "обратимости" (т.е. способности иметь при

Примеры взяты из книги В.В.Виноградова "Русский язык".

себе инфинитив в качестве определяющего слова).³

Итак, анализ окружения важен, но часто внешне одинаковая дистрибуция содержит разные грамматические формы, что проверяется с помощью метода трансформации. Дистрибутивный анализ и трансформация конструкций позволили более точно определить, что интересующие нас формы являются переходными от прилагательных и существительных к безлично-предикативным словам и отметить различную степень переходности.

³ В.В.Виноградов , Русский язык, М-Л., 1947 г., стр. 415-416.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ВАЛЕНТНОСТИ
ПРИ ПОРОЖДЕНИИ ПРЕДЛОЖНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Н.В.Коссек

1.1. Одним из малоизученных вопросов сложной проблемы лексической (точнее - семантической) сочетаемости является вопрос о соотношении "внешней" и "внутренней" валентности.

Под валентностью понимается сочетаемость одного языкового элемента (фонемы, морфемы, слова) с другими языковыми элементами.¹ В данной работе рассматривается семантическая валентность, т.е. сочетаемость языковых единиц на уровне смысла. Мы разграничиваем внешнюю валентность и внутреннюю валентность (семантическую² сочетаемость морфем в пределах одного слова).

Естественно предполагать, что между внешней и внутренней валентностью существуют определенные соотношения. Попробуем рассмотреть характер этих соотношений на материале предложных словосочетаний пространственного значения с префиксальными глаголами движения.

¹ См., например, Л.Н.Засорина, В.П.Верков, Понятие валентности в языке, Вестник ЛГУ, № 8, 1961; Б.М.Лейкина, Некоторые аспекты характеристики валентностей, М., 1961; М.Д.Степанова, Словообразование, ориентированное на содержание. Вл, № 6, 1965 и др.

² Мы считаем, что предлоги и префиксы обладают сигнификативным и структурным значением, а денотативного значения ("денотат" понимается в смысле Фреге-Чёрча) не имеют.

1.2. Для анализа отобрано 29 наиболее употребительных основ глаголов движения русского языка. Поскольку многоместные валентности не рассматриваются, мы ограничиваем круг глаголов только непереходными. Под внутренней валентностью здесь мы понимаем сочетаемость "префикс + глагол движения", под внешней валентностью — сочетаемость префиксального глагола с предложно-именными группами локального значения (типа "на берег", "в Москве", "над озером" и др.).

При определении осмысленности конструкции не учитываются варианты словосочетаний, представляющие собой эллиптические конструкции. Так, конструкция "выскочить возле леса", принципиально возможная, предполагает имплицитное присутствие ещё одной предложно-именной группы со значением направленности:

((выскочить из лодки) воале леса) или

((выскочить на берег) возле леса).

Существование таких словосочетаний мы не принимаем во внимание, так как их рассмотрение связано с описанием многоместных валентностей, что не входит в задачи данной статьи.

Случаи сильного управления и конструкции с переносным значением не рассматриваются.

Не рассматриваются также такие глаголы, которые при прибавлении префикса изменяют своё значение настолько, что выходят за пределы рассматриваемого семантического поля глаголов движения (ср. на + йти).

Формально такие глаголы можно отграничить от осталь-

ных, если сопоставить их возможные окружения ³ с окружением большинства глаголов движения, имеющих тот же префикс. Глагол, не входящий в состав рассматриваемого семантического поля, не имеет окружений, типичных для остальных глаголов с тем же префиксом. Ср., например:

отбежать	}	от, но *отгулять от невозможно
отойти		
отскочить		

набрести	}	на, но *найти на невозможно
наехать		

Такое разграничение практически помогает отобрать только тот круг глаголов, который принадлежит к избранному семантическому полю.

2.1. Омонимия префиксальных глаголов связана с хорошо известным фактом омонимии некоторых префиксов, которые, соединяясь с основами глаголов движения, передают то чисто пространственные оттенки значений, сопоставимые со значением предлога, то временные оттенки. Так, префиксы про-, по-, за-, кроме обычных пространственных значений, могут выражать следующие временные оттенки:

про- "заполнение действием определенного промежутка времени" (проблуждать, проездить);

по- "значение ограниченной длительности действия" (походить, поездить);

за- "значение начала действия" (заскакать, забегать).

³ Здесь и дальше под окружением глагола будем понимать только предложно-именную группу локального значения (типа "в дом", "у ворот" и др.).

Поэтому глаголы с префиксами по-, про-, за- могут рассматриваться как омонимы (ср., например, "Он заходил к товарищу" и "Он заходил по комнате").

Отметим, что валентность глаголов, префиксы которых лишены собственно пространственного значения (походить, проскакать, запрыгать), совпадает с валентностью соответствующих бесприставочных глаголов. Это, по-видимому, является отражением семантической "пустоты" префиксов (по отношению к семантическому полю пространства), что и сказывается на особенностях их окружения.

Здесь не произошло, как в остальных случаях, взаимодействия "префикс - глагольная основа", и поэтому сочетательные способности полностью определяются семантикой самого глагола.

Префиксы по-, за-, про- способны выступать во временном значении только в тех случаях, когда они сочетаются с основами моторно-кратных глаголов, причем глаголы эти в ряде случаев превращаются в ненаправленные, ср.:

залететь (в клетку)	{ залетать ₁ (в клетку) залетать ₂ (по клетке)
пойти (к другу)	{ походить ₁ (к другу) походить ₂ (по деревне)
проползти (в овраг)	проползть (до утра) в овраге

Если какой-либо из префиксов не сочетается с моторно-кратной основой, то единственное префиксальное образование обычно включает оба значения. Так, глагол "поскакать" ("поскочить" отсутствует) может быть как однонаправленным, так и ненаправленным:

поскакать ₁	(в лес)
поскакать ₂	(по подоконнику).

2.2. Эти и подобные случаи омонимии находят эксплицитное выражение в особенностях построения словосочетаний с данными глаголами.

Так, глаголы движения с префиксами по-, за- и про- обладают валентностью как направленных, так и ненаправленных глаголов:

{ проходить в кабинет
{ проходить в кабинете (до утра)

{ запрыгать к болоту
{ запрыгать по болоту

{ поездить в город
{ поездить по городу

Тот факт, что временной оттенок этих префиксов выступает только в сочетании с основами моторно-кратных глаголов, видимо, связан с наличием в их значении признака дискретности.

Целостность, нерасчленённость движения, выражаемого моторно-некратными глаголами, препятствует возникновению сочетаний, включающих временной оттенок (в случаях по-йти, про-бежать, за-ехать может реализоваться только признак однонаправленности движения).

3.1. В лингвистической литературе не является новым вопрос о соответствии глагольных префиксов определенным предлогам, в частности, в современном русском языке.⁴

Но установление факта тавтологичности префикса-предлога или выделение более или менее константных групп соответствий (напр. при-: к) далеко не охватывают всех осо-

⁴ Грамматика русского языка. Изд-во АН СССР, т. 1, 1960, стр. 659-660.

бенностей этих соответствий.

На самом деле сложный вопрос сочетаемости префиксальных глаголов с определенным, ограниченным кругом предлогов не может, с нашей точки зрения, исчерпываться такими описаниями, так как валентность префиксального глагола определяется не только (и, может быть, не столько) соотношением: (префикс-предлог), сколько соотношением: ((префикс-глагольная основа) - предлог).

Известно, что соединение префикса с глагольной основой есть не механический акт, а процесс, дающий живое новообразование (префиксальный глагол), который ни функционально, ни семантически не может быть представлен в виде простой суммы своих НС.

С точки зрения современного состояния языка связь между префиксом и глагольной основой (результат проявления внутренней валентности) носит в большинстве случаев чисто языковой, условный характер, и только изредка мы можем отметить наличие денотативной связи.

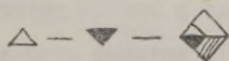
Так, рассматривая значение префикса вы-, находим, что ему присущ признак направленности при полном отсутствии признака протяженности. Среди глагольных образований с этим префиксом выступают в большинстве случаев односторонние глаголы: вы-скочить (*выскакать), вы-прыгнуть (*выпрыгать) и др.

Рассмотрим окружения этих глаголов. Оказывается, что в кругу описываемых конструкций принципиально невозможны не только словосочетания с ненаправленными предлогами типа в + предл. п., на + предл. п. (*выскакать в комнате, на поляне), но даже и с теми предлогами, которые включают значение направленности, но только совместно со значением

протяженности (*выплыть по реке, *выпрыгнуть по поляне, *выскочить по оврагу).

Таким образом, в данном случае наблюдается прямая зависимость между особенностями скружения и законами внутренней валентности.

Символически можно изобразить эту связь следующим образом. Обозначим условно значение (точнее, семему) глагольного префикса значком \triangle , глагола - \blacktriangledown , предлога - \diamond , тогда получим следующее соотношение:

(значение предлога должно включать в качестве своих элементов смысловые отрезки, полученные в результате сочетаемости префикса с глагольной основой, но этим оно не исчерпывается, так как здесь мы не учитываем отношения к зависимому имени).

Таким образом, чтобы описать законы сочетаемости префиксального глагола и предлога (в рамках исследуемого семантического поля), нужно выделить их общие смысловые элементы (отношения), которые реализуются в каждом конкретном случае.

3.2. Чтобы проверить справедливость высказанного предположения, попытаемся представить элементарную порождающую модель, которая учитывала бы особенности соотношения внешней и внутренней валентности. Если в результате мы получим осмысленные ⁵ конструкции, реально существующие в русском языке, значит предположение о взаимовлиянии внеш-

⁵ В данной работе не ставится задача классификации и порождения классов зависимых имен, поэтому они выбираются произвольно.

ней и внутренней валентности соответствует языковой действительности.

Для построения модели задаем два достаточно общих элементарных смысловых признака:

1) направленность (а) и 2) протяжённость (б), каждый из которых может принимать два значения (а и \bar{a} , б и \bar{b}).

Признак "а" приписывается тем языковым элементам, которые или сами отвечают на вопрос "куда?" (например, глаголы "бежать", "ходить") или входят в состав других языковых единиц (слов, словосочетаний), которые отвечают на этот вопрос (например, префикс при-: "прибежать", "прилетать" и др.; предлог к: "идти к дому", "мчаться к друзьям" и др.).

Признак "б" приписывается тем языковым элементам, значение которых включает идею дискретности или повторяемости движения, т.е. не исчерпывается однократным действием (ср. "ходить" в отличие от "идти", предлог "по" в отличие от "через" и др.).

В зависимости от наличия разных комбинаций этих признаков глаголы, префиксы и предлоги разбиваются на следующие непересекающиеся классы:

Глаголы:

идти	} а \bar{b}	ходить	} а · b $\bar{v}\bar{a}$ · б ⁶	бродить	} $\bar{a}b\bar{v}\bar{a}\bar{b}$
ехать		ездить		блуждать	
лететь		летать		скитаться	
бежать		бегать		гулять	
брести		шагать			
скокить		скакать			
лечь		прыгать			
ползти		лазить			
мчаться		ползать			
нестись					

⁶ В целях наглядности построения конструкций мы намеренно не производим возможных упрощений в формулах.

Префиксы:

вы-	} $\bar{a}\bar{b}v\bar{a}b$	про-	} $\bar{a}\bar{b}v\bar{a}b\bar{v}\bar{a}\bar{b}v\bar{a}\bar{b}$
в-		по-	
с-			
при-			
пере-			
за-			
у-			

Предлоги:

в+вин. П.	} $\bar{a}\bar{b}v\bar{a}b$	в+предл. П.	} $\bar{a}\bar{b}$	по	} $\bar{a}\bar{b}v\bar{a}b$
на+вин. П.		на+предл. П.			
за+вин. П.		за+тв. П.			
под+вин. П.		под+тв. П.			
к		над			
через		перед			
от		около			
из		у			
с	возле				

На основе произведенного разбиения рассматриваем сочетаемость произвольно выбранного префиксального глагола движения с предложно-именными группами и устанавливаем наличие возможной связи между значением префикса, глагольной основы и предлога.

Тогда получаем, например, для глагола "выскочить":

вы-: $\bar{a}\bar{b}v\bar{a}b$		Общий член: $\bar{a}\bar{b}$
-скочить: $\bar{a}\bar{b}$		

Следовательно, глагол "выскочить" должен сочетаться с теми и только теми предлогами, которые включают в свой состав формулу $\bar{a}\bar{b}$ (так как при образовании глагола "выскочить", видимо, были реализованы именно эти отношения).

Таким образом, получаем следующие окружения для глагола "выскочить":

выскочить в (комнату), на (улицу), за (дом), под (каштан), к (брату), через (окно), из (окна), от (подруги), с (опушки).

Наша модель показывает, что в русском языке были бы невозможны конструкции типа:

*"выскочить по улице", *"выскочить в избе".

Для глагола "побродить" получаем совершенно иные окружения:

по-: $\bar{a}\bar{b}vabv\bar{a}b\bar{v}\bar{a}\bar{b}$

бродить: $\bar{a}b\bar{v}\bar{a}\bar{b}$

Общие члены: $\bar{a}\cdot b$ $\bar{a}\cdot\bar{b}$

Значит, с данным глаголом должны сочетаться те и только те предлоги, значения которых включают формулы: $\bar{a}b$ и $\bar{a}\bar{b}$

Интерпретируя, получаем последовательности:

побродить в (лесу), на (площади), по (поляне), за (домом), под (деревьями), около (реки) и др.

Невозможным оказываются конструкции типа:

*"побродить к (реке), через (окно), в (комнату)" и др.

Таким образом, если порождение осмысленных конструкций (префиксальный глагол+предлог) обусловлено наличием в значении предлога семантических признаков, реализованных в словоформе конкретного префиксального глагола, то наличие взаимосвязи и взаимозависимости между внутренней и внешней валентностью префиксальных глаголов движения не вызывает сомнений.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ЯЗЫКА И ПОРОЖДАЮЩИЕ
ГРАММАТИКИ

В.В.Мартынов

Революционизирующее значение теории порождающих грамматик (Н.Хомский), как известно, заключается в том, что в ней впервые в явном виде определяются принципы речевого творчества. Иными словами, данная теория исходит из того, что носитель языка производит, а не воспроизводит единицы речи (фразы). Язык, таким образом, рассматривается как генерирующее устройство, способное на основе ограниченного числа трансформационных правил, производить практически бесконечное число фраз.

Исчисление трансформаций (С.К.Шаумян) определило новый этап в развитии теории порождающих грамматик. Возникла возможность дедуктивного получения множества всех элементов языка, несущих коммуникативную функцию.

Мы не можем предложить никакой конструктивной критики теории порождающих грамматик¹ и полагаем, что эта теория в том виде, в каком она сейчас развивается Шаумяном, весь-

¹ Конструктивной критике Хомский, насколько известно, не подвергался. Была лишь критика частных, либо полное отрицание с каких-то субъективных позиций типа недавнего выступления Хердана (см. G.Herdan, *The crisis in modern general linguistics*, *La linguistique*, 1, 1967, стр. 27-37.

ма перспективна, однако мы не думаем, что порождающая грамматика адекватна языку как целому. В дальнейшем именно под этим углом зрения мы и будем рассматривать трансформационное моделирование.

Прежде всего, позволим себе заметить, что модель Хомского не отражает парадигматического плана языка в смысле де Соссюра и Пражской школы. Факт этот весьма знаменателен и в то же время легко объясним. Создатель теории порождающих грамматик гораздо традиционнее, чем это принято думать, и в данном случае он, следуя традициям дососсюровского языкознания, как и дескриптивисты, предпочитает описывать то, что дано нам непосредственно в речи. Это было воплощено не только в его работах, но и в его прямых высказываниях, среди которых следует упомянуть критику де Соссюра в докладе на IX конгрессе лингвистов. В нем, в частности, говорится: "Соссюр ... считает, что язык /langue/ - это прежде всего инвентарь знаков с их грамматическими свойствами, то есть инвентарь, содержащий словоподобные элементы, устойчивые словосочетания и, возможно, небольшое число типов словосочетаний ... По всей видимости, он считал, что образование предложений - это область речи /parole/, а не языка /langue/ и что этот процесс представляет собой свободное и произвольное творчество, а не процесс, подчиняющийся определенной системе правил (однако, может быть, что Соссюр относил образование предложений к какому-то неопре-

деленному участку, лежащему между *langue* и *parole*)"²

В этом высказывании немало неточности, что признает и сам Хомский. Для него главным у де Соссюра оказывается "инвентарь элементов", который в дальнейшем не противопоставляется "системе элементов". Ср. далее: "На современную лингвистику значительное влияние оказала соссюровская трактовка языка /*langue*/, его стремление находить в языке систему элементов, а не системы правил".³ Таким образом, для хомского "ассоциативные ряды" де Соссюра, принявшие вид "парадигматического плана" в трудах пражских фонологов, оказались за пределами модели. Эта глубокая традиционность Хомского опять же, на этот раз в виде положительной программы, нашла свое прямое выражение в тексте доклада на Конгрессе лингвистов. Вот что мы читаем: "Не будет ошибки, если мы рассмотрим трансформационную модель как формализацию принципов, неявно используемых в традиционных грамматиках, а эти последние как неявные трансформационные порождающие грамматики ... традиционная грамматика ставит перед собой такие же (по крайней мере) широкие цели, что

² Н.Хомский, Логические основы лингвистической теории. - Новое в лингвистике IV, М., 1965, стр. 478-479. Характерно, что на IX Конгрессе лингвистов Э.Бенвенист, продолжающий традиции де Соссюра и пражан, сформулировал противоположную Хомскому концепцию: "Предложение принадлежит речи. Именно так его и можно определить: предложение есть единица речи. Подтверждение этому состоит в том, что предложению присущи определенные модальности." (Э.Бенвенист, Уровни лингвистического анализа, там же, стр. 448).

³ Н.Хомский, там же, стр. 479.

описанная выше порождающая грамматика".⁴

Итак, согласно самому Хомскому, его методы новы, а его цели глубоко традиционны. Новизна методов заключена в принципах трансформационной модели, традиционность целей — в ограничении описания синтагматическим планом языка.

Мы этим отнюдь не хотим сказать, что у де Соссюра и лингвистов пражской школы (прежде всего Якобсона и Трубецкого) парадигматический план языка был установлен для всех его уровней. Но он определенно был установлен для уровня фонем и это явилось первым важнейшим шагом от старой исключительно синтагматической лингвистики к новой — синтагматической и парадагматической. Старая лингвистика в фонетике видела только бесконечную вариативность, новая — увидела за ней некоторую систему элементов, комбинаторика которых создает эту вариативность. Старая лингвистика в грамматике видела также только бесконечную вариативность, новая — пока еще не увидела за ней некоторой системы элементов, комбинаторика которых создает эту вариативность, но предельно близко подошла к идее о наличии такой системы.⁵ Состояние, доминирующее в современном языкознании, схематически можно представить следующим образом:

	Парадигматический план (система элементов)	Синтагматический план (комбинаторика элементов)
1 ^{ый} уровень	фонология	фонетика
2 ^{ой} уровень	?	грамматика

⁴ Н. Хомский, там же, стр. 472.

⁵ Ближе других к этой идее подходят Мартине и его последователи. См. особенно предисловие Мартине к: L. J. Prieto, *Principes de noologie*, s'Gravenhage 1964; ср. L. J. Prieto, *Messages et signaux*, Paris 1966, стр. 41-42.

Видимо, не имеет смысла дискуссия о том, следует ли относить к языку парадигматический и синтагматический планы или только парадигматический. Это было бы терминологическим спором. В случае, если мы будем относить к языку только парадигматический план, пара понятий "парадигматика - синтагматика" окажется абсолютно синонимичной паре "язык - речь". А это нецелесообразно, не столько потому, что одну из пар терминов пришлось бы исключить (при чисто терминологическом решении спора), а прежде всего потому, что синтагматика содержит ряд элементов, служащих только для организации других элементов (предлоги, союзы, местоимения). Таким образом, "язык" представлен в единстве парадигматики и синтагматики, а к "речи" относится только реализация элементов парадигматики и синтагматики.

Итак, теперь мы можем сказать, что трансформационная модель Хомского является адекватной синтагматическому плану языка. Каковы последствия этого вывода? Попробуем проанализировать трансформационную модель с точки зрения соотношенности парадигматического и синтагматического планов языка.

Прежде чем это сделать, мы должны изложить наше понимание анализа языка относительно двух его основных функций (коммуникативной и номинативной). Существует известная традиция объяснять членораздельность речи, т.е. ее реализацию в виде цепочек повторяющихся элементов, невозможностью коммуникации в случае, если бы каждое сообщение имело свой кодовый носитель. Ограниченные возможности памяти, генератора речи и рецепторов не справились бы с подобной задачей. Однако, существо вопроса состоит в том, что коммуникация (при условии, что каждое сообщение имеет

свой кодовый носитель) невозможна и в том случае, если бы все ограничения, связанные с памятью, генератором речи и рецептором, были сняты.

Нам уже приходилось говорить, что коммуникация обязательно предполагает априорное знание кодовых носителей сообщения. "Если это требование не соблюдается, наступает непонимание, т.е. нарушение коммуникативной функции языка".⁶ Выделение заданных априорно кодовых носителей сообщения осуществляется при помощи процедур сегментации и субституции. Но, при помощи данных процедур, как единицы одного порядка, выделяется то, что Бенвенист называл свободной и связанной формой знака (resp. лексемой и морфемой). Кроме того, при данном ограничении процедурной части, приходится, что также отметил Бенвенист, оперировать неопределенным понятием "слово". Процедура сегментации и субституции определяется теорией двойного членения и уровней языка (А.Мартине, Э.Бенвенист), коммуникативностью языка.

Интуитивное различие единиц типа лексем и типа морфем может получить формальное выражение, если ввести еще одну процедуру - процедуру модификации.⁷ Применение этой процедуры приведет не только к разделению лексем и морфем, но и причислению к "морфемам" синтагматических единиц, служащих для организации элементов системы (предлогов,

⁶ В.В.Мартынов, Дедуктивная семиотика и типологическая лингвистика - Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. Москва 1967, стр. 219.

⁷ В.В.Мартынов, Там же, стр. 220. См. также: В.В.Мартынов, Кибернетика.Семиотика.Лингвистика,Минск 1966,стр. 80-94.

слов, местоимений). Таким образом, окажется, что немодифицируемые повторяющиеся элементы речевых цепочек останутся за пределами парадигматического плана, системы элементов. Эта процедура основана на теории Розвадовского, заключающейся, как известно, в том, что каждая номинативная единица или элемент с номинативной функцией двухкомпонентен⁸ и состоит из идентифицирующей и дифференцирующей частей. Естественно, что лишь элементы такого рода могут составить систему, если под системой понимать множество элементов, противопоставленных друг другу при помощи набора дифференциальных признаков, количество которых меньше числа элементов.

⁸ В теории номинации Розвадовского наблюдается непоследовательность двойкого рода. Во-первых, он утверждает, что все "слова" двухкомпонентны (сомнения у него вызывают лишь указательные местоимения), во-вторых, он видит в вычленении группы субъекта и группы предиката доказательство двухкомпонентности предложения (см. J. Rozwadowski, *Slowotworstwo; znaczenie wyrazow*, *Wybor pism*, t. III, Warszawa 1960, стр. 59-71). Первое снимается процедурой модификации. Что касается второго, то "двухкомпонентность предложения" существенно иная, что может быть легко доказано путем введения на второй уровень понятия корреляция. В самом деле, номинативные единицы, двухкомпонентность которых не вызывает сомнений, образуют парные корреляции, причем дифференциальный признак выступает в одной из таких единиц в виде модификатора. Подобные коррелятивные пары для предложений невозможны. Предложения характеризуются актуализацией центральной позиции: см. В.В. Мартьянов, *Кибернетика. Семиотика. Лингвистика*, стр. 84.

Чем же является трансформационная модель с точки зрения представленной здесь концепции?

Каждая номинативная единица (номема) может выступать в виде различных частей речи, падежных и предложных форм. Все эти словоформы являются ее комбинаторными вариантами. В этом легко убедиться на примере языков без морфологии, где позиция номемы в предложении функционально адекватна ее оформлению в виде некоторой морфологической категории. Если это так, то трансформ – это комбинация позиционных вариантов номем, а следовательно трансформационная модель порождает цепочки комбинаторных вариантов номем, т.е. соотносится только с синтагматическим планом.

То, что трансформационная модель порождает только единицы синтагматического плана, не означает принципиальной невозможности построения модели, способной порождать единицы парадигматического плана (номемы). Порождение номем является особым рода, однако осуществляется оно вместе с процессом порождения семиотического предложения, в недрах последнего.

Структура семиотического предложения характеризуется различием трех позиций: позиции субъекта действия – S, позиции действия – A, позиции объекта действия – O.⁹ Синтагматическим единицам, выступающим во всех трех позициях, может быть приписана характеристика актуализатора (временного признака), синтагматическим единицам, вы-

⁹ Впервые об этом см. В.В.Мартынов, П.П.Щуба, М.И.Дрмош, Опыт за семантична класификация на руския глагол. – Език и литература, 1965, № 3.

ступающим в маргинальных позициях, может быть приписана характеристика модификатора (постоянного признака).

Трансформация семиотического предложения приводит к тому, что синтагматические единицы вместе со своими характеристиками меняют позиции. Актуализатор, сместившийся из центральной позиции в маргинальную становится потенциальным модификатором и, следовательно, здесь в маргинальных позициях могут возникнуть новые номемы.

Один пример:

S	A	O	>
1. Он работает	подённю	—	
S	A	O	
2. Он	—	подённный работник.	

Это преобразование является типичной трансформацией. С точки зрения развиваемой здесь концепции синтагматическая единица работает с приданной ей характеристикой - актуализатором сменила центральную позицию (A) на маргинальную - (O), в результате чего актуализатор стал потенциальным модификатором. Потенциальная модификация создает предпосылки для следующего преобразования, которое уже является не трансформацией, а семантической конденсацией (А.В. Исаченко).¹⁰

S	A	O	
3. Он —	подённный	работник.	
S	A	O	
4. Он —	подёнщик.		

При данном преобразовании не произошло смены позиций, что само по себе свидетельствует об отсутствии синтагматического порождения. Реализовалось качественно иное преоб-

¹⁰ А.В. Исаченко, К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков, *Slavia* XXVII 3 (1958).

разование - парадигматическое порождение, порождение несмысла.

Таким образом, новые номинативные единицы возникают в процессе порождения цепочек, их комбинаторных вариантов, и, следовательно, можно говорить не только о синтагматическом, но и о парадигматическом построении.¹¹

В настоящее время, как нам представляется, существует необходимость соотнесения теории порождения элементов языка, несущих коммуникативную функцию, с теорией порождения элементов языка, несущих номинативную функцию (Я.Розвадовский).

¹¹ В.В.Мартынов, Кибернетика. Семиотика. Лингвистика., стр. 98-99.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ПОРОЖДЕНИЯ
СЛОВ В ЕСТЕСТВЕННЫХ И ИСКУССТВЕННЫХ
ЯЗЫКАХ

Б. А. Московиц

В рамках теории порождающих грамматик существует раздел, привлекающий внимание все большего числа исследователей. Это раздел порождения слов из более мелких его компонентов. Хотя сама идея такого подхода к описанию словообразования была давно известна,¹ она получила подлинно широкое развитие только в аппликативной порождающей грамматике С.К.Шаумяна и П.А.Соболевой, где порождение слов осуществляется в специальном генераторе.² В генераторе слов слова конкретного языка порождаются путем аппликации ряда постоянных операторов (регуляторов) к корню. На первом такте работы генератора слов порождаются слова первой степени производности, на втором - второй степени, на n -ном - n -ной степени.

Существуют ли ограничения на количество тактов порождения слов в естественных и искусственных языках? Материала для ответа на этот вопрос собрано все еще мало.

К настоящему времени известно только то, что по всей вероятности в русском языке предельное число тактов порождения не превышает семи-восьми.³ Для других языков - естественных и искусственных - точные сведения будут получены только после их планомерного описания методом порождения, что потребует еще нескольких десятков лет работы.

Однако еделаем попытку заглянуть в будущее и выяснить,
1 См., напр., Г.О.Винокур. Заметки по русскому словообразованию. - Избранные работы по русскому языку, М., 1959,

исходя из совокупности различных известных фактов об естественных и искусственных языках, каково максимальное количество тактов порождения слов в этих языках.

Большинство естественных и искусственных языков, используемых в человеческом обществе, является неравномерными кодами. Это коды, состоящие из нескольких иерархических уровней, причем единица каждого высшего уровня состоит из ряда единиц низшего уровня. Одним из основных уровней языка является уровень слов, надстроенной над уровнем морфем и фонем. Как писал Э.Сепир, "слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка."⁴ Если рассматривать уровни слов и морфем как субкоды, то основанием субкода слов является несколько тысяч морфем, способы комбинирования морфем в словах ограничены четырьмя - изоляцией, агглютинацией, фузией и внутренней флексией, а разрядность - (длина) - слова (единицы субкода слов) - это временная величина, изменяющаяся от единицы до n .

Определим разрядность слова как количество морфем в слове. Разрядность слова в таком понимании представляет собой проекцию всех актов его образования на линейную ось. Это не совсем то, что мы собираемся обнаружить - т.е. не число тактов порождения слова, однако достаточно близкая к искомой нами величина. В ряде случаев, при использовании таких способов.

стр. 440 - 441.

2 С.К.Шаумян. Структурная лингвистика, М., 1965.

3 П.А.Соболева. Исследование словообразовательной системы на основе аппликативной порождающей модели. - Межвузовская конференция по порождающим грамматикам. Тезисы докладов, Тарту, 1967, стр. 96.

4 Э.Сепир. Язык, М., Соцэкгиз, 1934, стр. 111.

собою образования слов, как конверсия, отсечение аффиксов, чередование звуков и изменение места ударения, количество тактов порождения не равно количеству морфем в слове. Однако во всех этих случаях расхождение между этими величинами редко поднимается выше единицы. Поэтому, несмотря на потенциальную разницу этих величин, их можно рассматривать как достаточно близкие друг к другу.

Максимальная разрядность слова в разных языках различна. В естественных языках разрядность в большой мере определяется техникой соединения морфем в том или ином языке. В изолирующих языках максимальная разрядность слов — дериватов по определению не превышает одной морфемы на слово. Максимальное число тактов порождения слов — дериватов, вследствие распространенности в этих языках конверсии и чередования звуков, оказывается равным трем. В тех же языках разрядность слов — композит достигает шести морфем на слово.

В агглютинирующих языках максимальная разрядность слов как правило совпадает с числом тактов их порождения. В этих языках лишь в очень редких случаях отсутствует параллелизм между числом тактов порождения слова и количеством морфем в слове. Максимум разрядности в этих языках приблизительно равен 9–10 морфемам. Эта максимальная разрядность отличается и во всех инкорпорирующих языках, где также используется агглютинация.

В фузионных языках наблюдаются расхождения между числом тактов порождения слов и их разрядностью. Максимальная разрядность слов в этих языках равна 7–9 морфемам на слово.

В языках, где основным способом образования слов является внутренняя флексия, разрядность слов и число тактов порождения совпадают, если принять допущение о том, что вершиной графа порождения слова является корень слова, состо-

ящий из одних согласных. В этих языках максимум разрядности равен 5-6 морфемам на слово.

Интересен тот факт, что наибольшая разрядность отмечается в агглютинирующих языках, где границы между морфемами четко определены. Это создает ясный внутрисловный контекст, способствующий порождению и восприятию усложненных последовательностей морфем. В фузионных языках границы между морфемами определены менее четко, вследствие чего максимальная разрядность слов в этих языках ниже, чем в агглютинирующих. Стертость, размытость границ между морфемами в фузионных языках затрудняет их идентификацию, что заставляет носителей языка избегать чрезмерно усложненных последовательностей морфем.

В языках, использующих для соединения морфем способ внутренней флексии, границы между морфемами практически отсутствуют. Это затрудняет опознавание морфем в длинных последовательностях. Поэтому наибольшая разрядность слов, образованных с использованием внутренней флексии, равна трем морфемам и только за счет использования наряду со способом внутренней флексии способа агглютинации эта разрядность повышается еще на две-три морфемы — в общей сложности до шести морфем.

Искусственные языки, использующиеся для общения между людьми, в своих основных чертах повторяют естественные языки. Однако при их построении отбираются те свойства языков, которые в наибольшей степени обеспечивают простоту и надежность коммуникации. Так, например, техника соединения морфем в искусственных языках — это обычно агглютинация, а не фузия и не внутренняя флексия. Вследствие этого в искусственных языках наблюдается полный параллелизм между числом тактов порождения слова и его разрядностью.

Наряду с выбором наиболее легкой для порождения и восприятия речи техникой соединения морфем в слова - агглютинацией - в искусственных языках устанавливается относительно низкий предел усложненности слова - не более шести морфем на слово. Если учесть, что в естественных агглютинирующих языках максимальная разрядность равна 9-10 морфемам, то можно увидеть, что потенциальный "потолок" разрядности для искусственных языков в них явно не достигается. Установление низкого предела максимальной разрядности способствует простоте и легкости общения на этих языках и обучения им. Механизм регулирования предела усложненности слов в искусственных языках удивительно прост - это эксплицитно или имплицитно выраженный принцип необходимости и достаточности выражения в слове только тех понятий, которые требуется передать в сообщении. Другой характерной чертой искусственных языков является унификация моделей построения слов. Если на уровне транспортационных преобразований (т.е. на K -уровне аппликативной порождающей грамматики) модели слов в искусственных языках столь же разнообразны, сколь и в естественных языках, то на уровне конкретной реализации этих моделей (т.е. на L -уровне аппликативной порождающей грамматики) разнообразие морфемных последовательностей является ограниченным.

Факты относительно максимальной разрядности слов в различных естественных и искусственных языках можно интерпретировать по-разному. Нельзя не обратить внимания на то, что интервал, в котором заключены величины максимальной разрядности слов в разных языках, соответствует интервалу объема оперативной памяти человека и объема восприятия человека в 7 ± 2 символов, обнаруженному в результате многих серий психологических опытов. Установлено, что человек не в состоянии

одновременно удерживать в своей непосредственной памяти более, чем 9 двоичных цифр, 8 десятичных, 7 букв алфавита, 5 одно-
сложных слов.⁵ Объем оперативной памяти человека ограничен и его пределом является интервал от 5 до 9 значащих единиц сообщения. Поскольку морфема - это элементарная значащая единица, то можно предполагать, что при превышении 7 ± 2 морфем в слове носитель языка будет испытывать затруднения в порождении и восприятии слов. Такое объяснение кажется нам правдоподобным, но не освещающим всех аспектов наблюдаемого явления. Вероятно, вопрос о максимальной усложненности слов естественных и искусственных языков следует рассматривать в широком контексте общей теории порождения и восприятия речи и, в частности, теории оптимального кодирования. Эффективное общение между людьми достигается при всех прочих равных условиях тогда, когда средство общения - язык отличается простотой строения. Можно вспомнить по этому поводу известный "принцип наименьшего усилия" Ципфа, объясняющий, как выполняемая языком функция коммуникации обуславливает наиболее рациональное построение речи.⁶ Не случайно, что средняя разрядность слов в разных языках равна 1 - 4 морфемам на слово. По-видимому, этот материал наиболее благоприятен для порождения и восприятия слов. Выше этого интервала начинается область критическая - интервал от 5 до 9 морфем, где порождение и восприятие речи уже становится затруднительным то ли в силу ограниченности оперативной памяти человека, то ли в силу ограниченности каких-то свойств человеческого восприятия. К этому стоит добавить еще то,

5 П.Б.Невельский. Объем памяти и количество информации. - Проблемы инженерной психологии, Ленинград, 1965, вып. 3.

6 G.K. Zipf, Human Behavior and the Principle of Least Effort, Cambridge (Mass.), 1949.

что слова разрядностью от 1 до 4 морфем — это наиболее употребляемые в речи слова, покрывающие до 99% любого текста, а слова большей разрядности крайне малоупотребительны и встречаются в речи в виде одиночных вкраплений.

Для теории порождающих грамматик рассматриваемые нами факты имеют первостепенную важность. "Хотя в математическом плане генератор слов имеет бесконечное число тактов, а генератор фраз может порождать фразы бесконечной длины, в реальных языках количество тактов ограничено несколькими тактами, а длина фраз конечна. Эти ограничения следует относить к лингвистическим универсалиям. Задача состоит в планомерном поиске этих универсалий."⁷ Следует ожидать, что в соответствии с наблюдаемой разрядностью слов в различных языках (средняя разрядность — от 1 до 4 морфем, а максимальная — от 5 до 9 морфем) среднее количество тактов порождения в различных естественных языках равно 1 — 4 тактам, а максимальная — 5 — 9 тактам. Впрочем, эти цифры следует принимать лишь как ориентировочные, так как не во всех языках и не во всех случаях существует параллелизм между числом морфем в слове и числом тактов процесса, приведшего к его порождению. Кроме того, методика подсчета количества тактов порождения слов может быть различной.

При порождении слов таких искусственных языков, как асперанто, идо, интерлингва, оксиденталь среднее количество тактов порождения, в отличие от естественных языков, равно 1-2 тактов, а максимальное 5-6 тактам. Искусственные языки, предназначенные для автоматического поиска текстовой информации, характеризуются постоянной разрядностью слов. Слова этих языков состоят из корневой части — дескриптора и неко-

7 С.К.Шаумян, указ. соч., стр. 360-361.

торого постоянного числа аффиксальных морфем-указателей роли и связи. Такая структура слова - его фиксированная рядность - обуславливается удобством оперирования данными, организованными таким образом, в памяти электронных машин. Количество тактов порождения слов информационно-поисковых языков чаще всего равно 1-3.

Всего нами проанализирован материал около 40 естественных языков различных типов и более 10 искусственных языков. Расширение круга рассматриваемых языков может способствовать уточнению сделанных нами выводов и выявлению общих универсалий в области порождения слов. При этом целесообразно разграничить две степени типологической близости языков в среде генеративного словообразования: их близость на уровне транспозиционных преобразований и их близость на уровне конкретной реализации этих преобразований (т.е. близость на генотипическом и на фенотипическом уровнях).

В заключение отметим три факта, замеченные нами при анализе разных языков: 1) количественное преобладание терминальных моделей имени над терминальными моделями глагола; 2) связь между длиной исходного корня и потенциальной рядностью результирующих производных слов; 3) возможность выделения в каждом языке списка аффиксов, присоединение которых к словам всегда завершает процесс словообразования, и семантическая общность таких списков в разных языках.

ТИПЫ ДЕРИВАЦИОННЫХ ГНЕЗД НИВХСКИХ ГЛАГОЛОВ

В. П. Недляков,
Г. А. Отаина

1. Настоящая статья представляет собой фрагмент порождающей грамматики нивхского языка, отражающий связи между валентностными характеристиками глаголов и их деривационными отношениями. Рассматривается механизм порождения нивхских каузативных и рефлексивных глаголов и структур, ими образуемых.¹

II. Исходным является заданный список глаголов, который включает почти все глаголы, содержащиеся в русско-нивхском словаре,² специальных работах и опубликованных текстах.

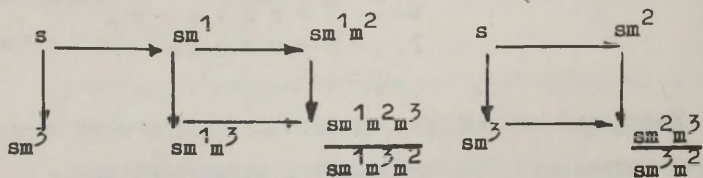
III. Исследуются типы и наполнение деривационных гнезд глаголов, обладающих общностью денотативного значения.

Возможность или невозможность образования дериватов определялась информантом.

1 В статье использованы следующие работы по нивхскому языку: Л.Я.Штернберг. Образцы материалов по изучению гилацкого языка и фольклора. Изв.импер.Акад.наук, XIII, 1900, стр. 422; Е.А.Крейнович. Нивхский (гилацкий) язык. - Языки и письменность народов Севера, ч. III, М.-Л., 1934, стр.181-222; В.З.Панфилов. О залоге глагола в нивхском языке. - Вопросы грамматики, М.-Л., 1960, стр. 113-121; R. Jakobson. Notes on Gilyak.- The Bulletin of the Institute of History and Philology. Academia Senica, V. XXIX, 1958, pp. 255-281.

2 См. В.Н.Савельева, Ч.М.Таксами. Русско-нивхский словарь, М., 1965.

1У. Глагольное словообразование, связанное с изменением валентности глаголов, можно, несколько огрубляя картину, описать с помощью следующих двух порождающих механизмов (второй механизм представляет собой повторение части первого механизма).³

На входной узел первого механизма подаются производные (в пределах класса глаголов) непереходные глаголы (330 единиц)⁴, а на входной узел второго - переходные (285 единиц).

Первый механизм порождает максимальное гнездо в три такта, а второй - в два такта.

В качестве операторов изменения валентности выступают три серии морфем. Оператор m^1 , превращающий непереходные глаголы (72 единицы) в переходные (с каузативным значением "непосредственно вызывать действие, обозначенное исходным глаголом"⁵, выступает в трех разновидностях (все они утратили активность):

а) замена начального смчного в корне на щелевой того

³ Символ s обозначает исходную основу, а символ m (с разными индексами) - операторы основообразования.

При абстрактном изображении процесса основообразования в отвлечении от линейной структуры речи оператор всегда занимает крайнее правое положение.

⁴ Здесь и далее цифра в скобках указывает на число исходных глаголов, охватываемых называемым типом.

⁵ Подробнее о типах каузативных значений см.: В.П.Недьяков, Г.Г.Сильнишкин. Типология морфологического и лексического каузатива. - Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., Наука, 1963.

же места образования (18 глаголов):⁶ т=чу=д' 'привыкать' → р=чу=д' ' [при=] учить';⁷ т=ата=д' 'быть целым' → р=ата=д' 'сохранять'; т'=о=д' 'согнуться' → в=о=д' 'согнуть'; т'=оск=т' 'сломаться' → в=оск=т' 'сломать'; т'=а=д' 'жариться' → рш=а=д' 'жарить'; к=ез=д' 'стекать' → ъ=ез=д' 'щедить'; п=чкз=д' 'теряться' → в=чкз=д' 'терять'.⁸

б) присоединение суффикса =у= (18 глаголов): лер=д' 'играть' → лер=у=д' 'забавлять'; лырк=т' 'плыть' → 'сплавлять'; вырк=т' 'портиться' → вырк=у=д' 'портить'; нок=т' 'быть узким' → нок=у=д' 'сужать'.

в) сочетание а) и б) (36 глаголов): п=ол=д' 'упасть' → в=ол=у=д' 'повалить'; т=ымз=д' 'падать' → р=ымз=у=д' 'ронять'; п=рырк=т' 'лопнуть' → ф=рырк=у=д' 'раздавить'; п=нт=т' 'расколоться' → ф=нт=у=д' 'расколоть'.

⁶ Подчеркнем, что анлаутные фонемы, для наглядности отделенные здесь и далее дефисом, не являются особыми морфемами, но принадлежат корню.

⁷ Элементы =д' и - после глухих согласных - =т' являются показателями финитной формы глагола, которая в перечислениях условно переводится на русский язык формой инфинитива.

⁸ Точнее говоря, здесь и ниже - см. пункт в) - происходит чередование одного анлаутного взрывного у интранзитива с двумя-тремя (в зависимости от конкретного согласного) щелевыми и взрывными у транзитива. Выбор того или иного анлаутного согласного у транзитива определяется ауслатом существительного в функции прямого дополнения занимающего, как правило, контактно-препозитивную позицию относительно глагола (кстати, аналогичным образом может изменяться анлаут и у транзитивов, не имеющих однокоренных интранзитивов). Таким образом, точнее приведенное выше соотношение согласных имеет такой вид: т - р/л/т, например, т=чу=д' 'привыкать' - р=чу=д' /д=чу=д' / т=чу=д' 'учить'; п - в/п, например: п=чкз=д' 'теряться' - в=чкз=д' /п=чкз=д' 'терять'. Приводимые формы со щелевыми согласными (р=чу=д' и в=чкз=д') характерны для транзитивов, во-первых, при опущенном прямом допол-

Оператор \mathfrak{M}^2 : а) префикс \mathfrak{P}' образует от переходных глаголов возвратно-переходные (марк= \mathfrak{T}' 'облить кого-либо', \mathfrak{P}' марк= \mathfrak{T}' 'облиться', 'облить себя') или непереходные (\mathfrak{P} - $\mathfrak{H}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'учить' \longrightarrow \mathfrak{P}' = $\mathfrak{P}\mathfrak{H}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D} 'учиться').

б) префикс \mathfrak{B} образует от немногих переходных глаголов взаимно-переходные: [\mathfrak{H}]= $\mathfrak{H}\mathfrak{B}$ = \mathfrak{D}' 'жить с кем-либо' \longrightarrow \mathfrak{B} = $\mathfrak{H}\mathfrak{B}$ = \mathfrak{D}' 'жить друг с другом', 'пожениться'.

Оператор \mathfrak{M}^3 : суффикс = $\mathfrak{G}\mathfrak{U}$ (после глухих согласных - $\mathfrak{K}\mathfrak{U}$) образует, как правило, от всех типов глаголов каузативы с фактитивным (заставление) или пермиссивным (позволение, попустительство и т.п.) значениями: $\mathfrak{P}\mathfrak{H}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'учить' \longrightarrow $\mathfrak{P}\mathfrak{H}\mathfrak{U}$ = $\mathfrak{G}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'велеть / позволить учить'; $\mathfrak{V}\mathfrak{I}$ = \mathfrak{D}' 'пойти' \longrightarrow $\mathfrak{V}\mathfrak{I}$ = $\mathfrak{G}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'послать', 'велеть / позволить пойти'; $\mathfrak{K}\mathfrak{Y}\mathfrak{P}$ = \mathfrak{D}' 'стоять' \longrightarrow $\mathfrak{K}\mathfrak{Y}\mathfrak{P}$ = $\mathfrak{G}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'поставить'; 'велеть / позволить стоять'; \mathfrak{P}' марк= \mathfrak{T}' 'облить себя' \longrightarrow \mathfrak{P}' марк= $\mathfrak{K}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'позволить/велеть кому-либо (а) облиться, (б) облить субъект каузации'.

Двусмысленность возвратного каузатива объясняется здесь как и в некоторых других языках, двумя способами его порождения: при $(\mathfrak{M}^1)\mathfrak{M}^2$ — $(\mathfrak{M}^1)\mathfrak{M}^2\mathfrak{M}^3$ имеем (а), при $(\mathfrak{M}^1)\mathfrak{M}^3$ — $(\mathfrak{M}^1)\mathfrak{M}^3\mathfrak{M}^2$ — (б); ср. например,

а) марк= \mathfrak{T}' 'облить кого-либо' \longrightarrow \mathfrak{P}' =марк= \mathfrak{T}' 'облиться' (\mathfrak{M}^2) \longrightarrow \mathfrak{P}' =марк= $\mathfrak{K}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'велеть/позволить кому-л. облиться' и б) марк= \mathfrak{T}' 'облить кого-л.' \longrightarrow марк= $\mathfrak{K}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'велеть/позволить кому-л. облить кого-л.' (\mathfrak{M}^3) \longrightarrow \mathfrak{P}' =марк= $\mathfrak{K}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'велеть/позволить кому-л. облить себя' (\mathfrak{M}^2), т.е. субъект каузации.

нении (например иф \mathfrak{T} - $\mathfrak{H}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'он привыкает' — иф \mathfrak{P} - $\mathfrak{H}\mathfrak{U}$ = \mathfrak{D}' 'он его (ее, их) учит/приучает'), и во-вторых, при определенном акулауте существительного в функции прямого дополнения см. ниже. раздел У1-ой). Формы со звонкими согласными (типа

У. Из большого числа логически возможных реализаций
обих механизмов языка использует десять.

а) На базе первого механизма реализуются шесть типов
деривационных гнезд, которые охватывают около 330 интран-
зитивов и более 500 дериватов:

1) тип \mathbf{z} (70 глаголов): $\text{ти}=\text{д}$ 'гремять (о громе)'.

2) тип \mathbf{z} : \mathbf{sm}^3 (188 глаголов): $\text{мры}=\text{д}'$ 'купаться',
 $\text{мры}=\text{гу}=\text{д}'$ 'велеть/позволить купаться'.

3) тип \mathbf{z} : \mathbf{sm}^1 : \mathbf{sm}^3 : $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^3$ (25 глаголов):
 $\text{к}=\text{ев}=\text{д}$ 'стекать', $\gamma=\text{ев}=\text{д}'$ 'цедить', $\text{к}=\text{ев}=\text{гу}=\text{д}'$ 'дать
стечь', $\gamma=\text{ев}=\text{гу}=\text{д}'$ 'заставить/позволить цедить'.

4) тип \mathbf{z} : \mathbf{sm}^1 : $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^2$: $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^3$: $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^2\mathbf{m}^3$ / $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^2$
(3 глагола): $\text{т}=\text{нвыль}=\text{д}'$ 'весить', $\text{р}=\text{нвыль}=\text{д}'$ 'взвешивать',
 $\text{п}'=\text{рнвыль}=\text{д}'$ 'взвешивать=ся', $\text{р}=\text{нвыль}=\text{гу}=\text{д}'$ 'велеть/позво-
лить взвешивать', $\text{п}'=\text{рнвыль}=\text{гу}=\text{д}'$ 'велеть/позволить (а)
взвеситься (б) взвесить' (субъект каузации)'.

5) тип \mathbf{z} : \mathbf{sm}^1 : \mathbf{sm}^3 : $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^3$: $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^2\mathbf{m}^3$
(9 глаголов): $\text{п}=\text{ол}=\text{д}'$ 'упасть', $\text{в}=\text{ол}=\text{у}=\text{д}'$ 'повалить',
 $\text{п}=\text{ол}=\text{гу}=\text{д}'$ 'дать упасть', $\text{в}=\text{ол}=\text{у}=\text{гу}=\text{д}'$ 'велеть/позволить
повалить'; $\text{п}=\text{ф}=\text{ол}=\text{у}=\text{гу}=\text{д}'$ 'дать себя повалить'.

6) тип \mathbf{z} : \mathbf{sm}^1 : $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^2$: \mathbf{sm}^3 : $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^3$: $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^2\mathbf{m}^3$ / $\mathbf{sm}^1\mathbf{m}^3\mathbf{m}^2$
(35 глаголов): $\text{т}=\text{ну}=\text{д}'$ 'привыкать', $\text{р}=\text{ну}=\text{д}'$ '[при]=учить',
 $\text{п}'=\text{р}=\text{ну}=\text{д}'$ 'учиться'; $\text{т}=\text{ну}=\text{гу}=\text{д}'$ 'дать привыкнуть', $\text{р}=\text{ну}=\text{гу}=\text{д}'$
'велеть/позволить учить', $\text{п}'=\text{р}=\text{ну}=\text{гу}=\text{д}'$ 'велеть/по-
зволить (а) учиться (б) учить' (субъект каузации).

$\text{д}=\text{ну}=\text{д}'$) информанты обычно не понимают, если их употребить
без прямого дополнения, а, если без прямого дополнения упо-
требить формы с глухими согласными (типа $\text{т}=\text{ну}=\text{д}'$ и $\text{п}=\text{нкз}=\text{д}'$),
то информанты поймут их как интранзитивные. См. также Е.А.
Крейнович. Фонетика нивхского языка, М.-Л., 1937, стр. 65-
67; В.З.Панфилов. Грамматика нивхского языка, ч.2, М.-Л.,
1965, стр. 14-17.

Как видно, наиболее продуктивным являются второй, двухэлементный тип деривационного гнезда (охватывает около 190 исходных интранзитивов и около 190 дериватов) и шестой, семиэлементный тип гнезда (охватывает 35 исходных интранзитивов и дает более 200 дериватов).

б) На базе второго механизма реализуются четыре типа деривационных гнезд, которые охватывают около 285 исходных транзитивов и более 400 дериватов:

1) тип s (15 глаголов): [й]али=д' 'не осилить чего-нибудь'.

2) тип s_2 : sm^3 (140 глаголов) эп=т' 'скрывать', 'не говорить что-л.', эп=ку=д' 'заставить скрывать'.

3) тип s : sm^3 : $sm^3 m^2$ (78 глаголов): ршу=д' 'догонять', ршу=гу=д' 'заставить догонять', п=ршу=гу=д' 'дать себя догнать'.

4) тип s : sm^2 : sm^3 : $sm^2 m^3$ / $sm^3 m^2$ (52 глагола): зу=д' 'мьть', п'=су=д' 'мьться', зу=гу=д' 'заставить мьть', п'=су=гу=д' 'заставить (а) мьться (б) мьть (субъект каузации).

Как видно, увеличение числа дериватов в последних трех типах гнезд сопровождается уменьшением числа исходных транзитивов: во втором, двухэлементном типе гнезда 140 исходных транзитивов дают 140 дериватов, в третьем, трехэлементном типе гнезда около 80 исходных транзитивов дают около 170 дериватов, и, наконец, в четвертом, пятиэлементном типе гнезда около 50 исходных транзитивов дают около 200 дериватов.

У1. Оператор m^1 повышает валентность непереходного глагола на единицу. Реализацию этого повышения можно проиллюстрировать следующими правилами порождения каузативной конструкции из некаузативной:

- 1) ввести оператор m^1 ⁹
- 2) ввести новое подлежащее и поставить его перед остальными членами предложения;
- 3) сохранить в производном предложении порядок следования слов из исходного предложения;
- 4) превратить подлежащее исходного предложения в прямое дополнение производного;
- 5) оформить в случаях а) и в) (см. выше пункт 1У-й) акцент переходного глагола в соответствии с фонеморфологическими правилами.

Например:

	ле <u>п</u>	<u>т</u> = <u>нмз</u> = <u>д</u> '	'хлеб упал'
иф	ле <u>п</u>	<u>р</u> = <u>нмз</u> = <u>у</u> = <u>д</u> '	'он уронил хлеб'
	н <u>и</u> р	<u>т</u> = <u>нмз</u> = <u>д</u> '	'посуда упала'
иф	н <u>и</u> р	<u>д</u> = <u>нмз</u> = <u>у</u> = <u>д</u> '	'он уронил посуду'
	па <u>х</u>	<u>т</u> = <u>нмз</u> = <u>д</u> '	'камень упал'
иф	па <u>х</u>	<u>т</u> = <u>нмз</u> = <u>у</u> = <u>д</u> '	'он уронил камень'

УП. Оператор m^3 повышает валентность любых исходных глаголов, в том числе и глаголов, уже содержащих m^1 и m^2 на единицу. Реализацию этого повышения валентности можно проиллюстрировать следующими правилами:

- 1) ввести в глагол оператор m^3 ;
- 2) см. выше 2) в пункте У1-м;
- 3) см. выше 3) в пункте У1-м;
- 4) Превратить подлежащее любого исходного предложения

⁹ Напомним, что применение оператора m^1 дает большей частью два-три алломорфа (см. выше сноску 6-ю). Выбор одного из них определяется акцентом существительного в функции прямого дополнения, т.е. происходит после применения правила 4-го.

В дополнение производного, оформив его морфемой =ах, если оно одушевленное или оставив его в исходной форме, если оно неодушевленное.¹⁰

5) Удержать морфологически и синтаксически прямые и косвенные дополнения исходного предложения. Например:

	ола	ви=д'	'ребенок пошел' →
ытык	ола=ах	ви=гу=д'	'отец велел/позволил ребенку уйти', 'отец послал ребенка';

	ола	леп	н'и=д'	'ребенок ел хлеб' →
ытык	ола=ах	леп	н'и=гу=д'	'отец велел/позволил ребенку есть хлеб'

	ола	п'нафк=рох ¹¹	т'ахта=д	'ребенок рассердился на своего товарища' →
ытык	ола=ах	п'нафк=рох	т'ахта=гу=д'	'Отец заставил ребенка рассердиться на своего товарища'.

Как видно из следующих примеров, у производных глаголов с суффиксом гу~ку не меняется анлаут исходных глаголов (ср. с примерами в пункте У1-м).

	леп	т=нмз=д'	'хлеб упал' →
иф	леп	т=нмз=гу=д'	'он дал хлебу упасть'; ¹²
	нир	т=нмз=д'	'посуда упала' →
иф	нир	т=нмз=гу=д'	'он дал посуде упасть';
	пах	т=нмз=д'	'камень упал' →
иф	пах	т=нмз=гу=д'	'он дал камню упасть'.

Уш. Оператор м² понижает синтаксическую валентность переходных глаголов, оставшихся семантически переходными.

¹⁰ Морфема =ах может оформлять дополнение только при одновременном выполнении следующих двух условий: а) дополнение зависит от каузативного глагола с суффиксом гу~ку; б) дополнение выражено одушевленным существительным.

¹¹ Морфема =рох является показателем дательного падежа.

Реализацию этого понижения валентности можно проиллюстрировать следующими правилами: 1) опустить дополнение; 2) ввести оператор \mathfrak{m}^2 , например, ытык б̄ла марк=т' 'отец обливает ребенка' → ытык п' =марк=т' 'отец обливает себя/обливается'.

В относительно небольшом числе случаев (около 10) более естественными или даже единственно возможными являются следующие правила: 1) опустить подлежащее; 2) превратить дополнение в подлежащее; 3) ввести оператор \mathfrak{m}^2 например: чтык б̄ла лыв=д' 'отец прячет сына' → б̄ла п' =лыв=д' 'сын прячется'; йескинивх магазин арк=т' 'продавец закрыл магазин' → магазин п' =арк=т' 'магазин закрылся'.

В случаях этого типа налицо каузативные смысловые оппозиции. Переходный глагол становится синтаксически и семантически непереходным. Обычно в русских переводах нивхских "антикаузативов" не может быть употреблено слово "себя".

Рассмотренными случаями, в основном, исчерпывается глагольное словообразование нивхского языка.

IX. В заключение отметим следующее:

1. Отсутствие отдельных звеньев деривационного механизма, образуемых морфемами =гу= и п' =, объясняется в большинстве случаев, видимо, отсутствием естественных ситуаций, с которыми соответствующие дериваты могли бы быть соотнесены. Так, например, грамматически правильные дериваты

¹² Употребление глагола тымз=гу=д' 'дать упасть', 'сделать так, чтобы что-то упало', являющегося значительно менее частотным, чем р=ымз=у=д' 'уронить', связано обычно с указанием на выполнение субъектом какого-то другого действия, вызвавшего попутно падение чего-либо. Например, б̄ла н'руэр, н'и ршо=ңир тымз=гу=д' 'ребенок задел меня, и я выронил посуду' (букв. 'ребенок, задев меня, заставил выронить посуду, которую я держал').

т'ни=гу=д' (от т'чи=д' 'сниться'), ти=гу=д' от ти=д' 'гремять' (о громае) не имеют естественной интерпретации. А Аналогично обстоит дело и с рефлексивом п'ршу=д' (от ршу=д 'догнать'). Нередко констатация семантической правильности деривата зависела от находчивости информанта в "изобретении" необходимой ситуации, (В этой связи любопытно, что некоторые дериваты, как например, п'сал=гу=д' 'заставить зазнаться' от п'салд' 'зазнаться', информант считает естественными только в вопросительных предложениях. Ср. Ан чах п'салгуд'на? 'Кто тебя заставляет зазнаваться?').

2. В других случаях отсутствие деривата объясняется наличием для соответствующего значения особого описательного выражения, ср., например, теқа=д' 'быть крепким' → теқа=гу=д' 'сделать/оставить крепким', но ур=д' 'быть хорошим' → ур=гур лнт=т' 'сделать хорошим' (нет глагола *ур=гу=д').

3. Иногда дериват есть, но он не имеет определенных значений, поскольку они закреплены за другими глаголами, производными или непроизводными. Так, например, мрн=гу=д' (от мры=д' 'купаться') обозначает только 'велеть/позволить купаться', но не 'купать'¹³, поскольку в последнем значении употребляется глагол зу=д', обозначающий также 'мыть', 'чистить'.

4. Степень разветвленности деривационных гнезд зависит от характера денотативного значения исходного глагола. Наиболее продуктивными являются глаголы, обозначающие различные элементарные физические состояния и процессы, так-

¹³ Ср., например, марийск. йўштыл=аш 'купаться' → йўштыл=т=аш 'купать'; калмыцк. еем=х 'купаться' → еем=ул=х 'купать'.

кие, например, как пор=д' 'лечь'; тоз=д' 'переехать', т'оз=д' 'тухнуть'; п'рырк=т' 'лопнуть', вахт'=т' 'рваться', кукуд' 'опадать' и т.п.

Характерно в этой связи, что среди 72 исходных интранзитивов, образующих на базе первого механизма деривационные гнезда с числом элементов от 4 и до 7, больше глаголов, сочетающихся с неодушевленным подлежащим, чем среди 188 интранзитивов, образующих двухэлементные деривационные гнезда. Однако гнезда, содержащие более четырех элементов образуют только интранзитивы, сочетающиеся только или также с одушевленным подлежащим.

5. Число глаголов, меняющих значение с помощью \mathfrak{m}^2 очень невелико (по-видимому, не более 30), большая же часть их просто становится рефлексивными или реципрокными. Тем не менее среди них больше дериватов с неожиданными изменениями значения, чем среди дериватов с \mathfrak{m}^1 и \mathfrak{m}^3 , которые всегда меняют значение. Например, эв=д' 'братъ' \longrightarrow п'эв=д' 'исчезнуть'; [й]амаму=д' 'мять' \longrightarrow п'амаму=д' 'долго собираться что-л. делать'; [й]из=д' 'подражать кому-л.' \longrightarrow п'йиз=д' 'своевольничать', [й]ыкр=д' 'не верить кому-л.' \longrightarrow п'чкр=д' 'отпираться'.

Есть основание полагать, что вообще степень регулярности изменения значения у дериватов, понизивших валентность, ниже, чем у дериватов, повзвысивших валентность.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТРУКТУРЫ СЛОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В.Г.Руделев

1.0. Фонологическая интерпретация структуры слова по сути дела может быть основана на решении всего лишь двух задач: 1) на определении функции единиц плана выражения, более крупных, чем фонема, т.е. своего рода фонемных блоков, объединений, включающих несколько подобных блоков, и т.д. — вплоть до целого слова (имеется в виду только план выражения); 2) на выявлении этих единиц в процессе выработки наиболее безупречной процедуры членения слова в плане выражения.

1.1. В современной фонологии имеются попытки определять единицы планы выражения, более крупные, чем фонема, в частности слоги, через уже полученные сведения о фонемах и правилах их сочетаемости друг с другом.¹ На указанные единицы, таким образом, должны автоматически переноситься и основные функции фонемы,² в результате чего они, эти единицы, могут рассматриваться как объекты фонологии, как объекты собственно лингвистические.

1.2. Менее ясны принципы последовательного членения

¹ С.К.Шаумян, Проблемы теоретической фонологии, М., 1962, стр. 162.

² Ср. А.Л.Трахтеров, Основные вопросы теории слога и его определение, ВЯ, 1956, № 6, стр. 32.

слова в плане выражения на элементарные составляющие (2 задания). Членение слова подчас проводится довольно условно: "Слова, как известно, делятся на еще более мелкие уже только фонетические единицы - слоги, а последние - на звуки (фонемы), являющиеся пределом фонетического членения речи" (Р.И.Аванесов).³ При таком членении не учитываются различия в информационной емкости между отдельными участками плана выражения слова, а также их функциональные особенности, в связи с чем само выделение слога в качестве фонологической единицы, промежуточной между фонемой и фонологическим словом (ФС) становится неоправданным: более логично было бы расчленять ФС непосредственно на фонемы.

1.3. Фонологическая структура слова, в частности русского слова, может быть понята и описана без обращения к данным морфологического членения только способом выявления различной информационной значимости составляющих его сегментов. В лингвистической литературе уже получили достаточно теоретическое обоснование положения относительно особой информационной роли сегментов ФС, несущих на себе ударение.⁴ В то же время остаются неисследованными отношения между различными неударными сегментами, в связи с чем правила последовательного, бинарного членения ФС до сих пор не установлены.

³ Р.И.Аванесов, *Фонетика современного русского литературного языка*, М., 1956, стр. 61.

⁴ Р.С.Пиотровский, *О теоретико-информационных параметрах устной и письменной форм языка. - Проблемы структурной лингвистики*, М., 1962, стр. 54-55.

1.4. Повышенная различительная способность ударного слога по сравнению с неударными обнаруживается в подавляющем большинстве языков мира, но лишь в некоторых языках, и в частности в русском, отмечается наличие не одной, а двух информационных вершин, из которых одна информационнее другой, хотя обе они в указанном отношении отличаются от остальных участков ФС.

2.1. Логически наиболее обоснованным можно считать такое бинарное разделение ФС на составляющие сегменты, которое учитывало бы отношение односторонней или двусторонней зависимости между двумя его информационными вершинами. В применении к русскому языку это требование выражается правилом (1):

$$s \longrightarrow [(I//o) \& T],$$

где $s = \text{ФС}$, а I и T - его наиболее крупные сегменты. Эмпирическое обоснование правила (1) достигается путем сравнения различительной способности ударного слога, имеющего пятичленную вокалическую парадигму [о - ö, а - ä, ы - и, э - и, у - ü], и предударного слога с инициалью, относящейся к категории твердых согласных, различающего 4 гласных [а, ы, ъ, у]. Ср. 5 квазиомонимов типа [пал] - [пол] - [пыл] - [пул] - возможно также * [пэл] (ср. [мэр], [сэр] и под.) или [л'от] 'лёд' - [л'ет] 'лет' - [л'ит] 'лит' - [л'ат] 'ляд' - [л'ут] 'люд' с квазиомонимами типа [сарок] 'сорок' - [сырок] - [сурок] (возможно также * [сьрок] или * [сн^эрок] - ср. [дьякан] или [дн^экан] 'декан', - но невозможно [сорок]). Границы между I и T находятся в районе соприкосновения информационных вершин ФС, так что I фактически захватывает всю его доударную часть, а T - ударную и заударную.

2.2. Однако в некоторых условиях вторая информационная вершина ФС может отсутствовать, хотя доударные сегменты имеются налицо: они, таким образом, относятся не к [, а к Т. Так, например, предударный слог с мягкой инициальной никогда не бывает способен различать 4 гласных, различая только 3: ср. [л'исá] 'лисица' - [л'ьса́] или [л'и^еса́] 'леса' - может быть и * [л'уса́] (ср. [л'убо́фь] 'любовь'), но не может быть * [л'аса́] (ср. [п'ьта́к] 'пята́к'). Таким образом, два предударных слога с твердой и мягкой инициальной не представляют информационно тождественных позиций: первый из них удовлетворяет требованиям, предъявляемым к [, а второй этим требованиям не соответствует. Фонологическое отождествление предударного [а] и предударного [и^е], проводимое Р.И.Аванесовым⁵, в таком случае оказывается ошибочным. Только слог с четырехэлементной вокалической парадигмой может рассматриваться как вторая информационная вершина ФС и, следовательно, как его наиболее крупный сегмент, находящийся в отношении зависимости от Т. В случае снижения различительной способности ранг сегмента понижается. Такие слова, как [вада́], [руда́], [рыда́ть] и т.п., включают, следовательно, в свой состав [([ва-], [ру-], [ры-]), а такие, как [сл'ьда́] 'следа', [сл'уда́] 'слюда', [л'исá], его не включают.

2.3. Сегменты I и Т класса S (ФС), меньшие S и способны быть больше слога, назовём просодемами. В отличие

⁵ Р.И.Аванесов, указ. работа, стр. 109. То же самое, впрочем, находим и в ранних работах Р.О.Якобсона.

от обычного закрепления этого термина за просодическим признаком,⁶ в настоящей работе термину просодема соответствует единица, для которой просодический признак является лишь характеристикой, отличающей ее от других единиц той же самой структуры. Просодемы высшего ранга (I, T) членятся на более мелкие просодемы (II, III и т.д. рангов) вплоть до элементарных слогов.

2.4. Применение следующих правил должны привести к выявлению сегментов I и T. При этом целесообразно выводить такие правила, которые бы учитывали внутри I и T повторение сегментов с одинаковой информационной значимостью. В сегменте T повторяющихся участков не бывает: здесь всегда только один слог различает 5 гласных. Что же касается сегмента I, то в нем могут быть два равнозначных в информационном значении слога с максимальной для I вокалической парадигмой. Такая ситуация возникает, если в слове имеется начальный неприкрытый доударный слог, который всегда различает 4 гласных [а, у, и, и^е], несмотря на то, что может и не быть непосредственно предударным. Ср. слова с двумя равнозначными доударными слогами: [аган'ка́], [угал'ка́], [игар'ка́], [и^етажа́]. Между сегментами I₁, I₂ класса I невозможно установить отношение односторонней или двусторонней зависимости, поскольку ни один из них не отличается от другого информационной емкостью и не преобладает над

⁶ Ср. Э.Хэмп, *Словарь американской лингвистической терминологии*, М., 1964, стр. 169; А.Мартине, *Принцип экономии в фонетических изменениях*, М., 1960, стр. 200; С.К.Шаумян, *указ. работа*, стр. 63.

другим в употреблении. Эти сегменты образуют отношение двусторонней независимости (I_1VI_2) или констелляции (в смысле Л.Ельмслева), и оба они одинаково зависят от фонологического центра ФС. Отношения указанного типа чаще всего отражают лишь внешние факты, за которыми скрываются более глубокие связи типа подчинения. Последние представляют единственную ценность для лингвиста. Отказавшись от правила $I \rightarrow [I_1VI_2]$, мы можем представить отделение I_1 от I_2 как вторичное применение правила (1), т.е.:

1. $s \rightarrow [(I//o) \& T]$.

2. $t \rightarrow [(I//o) \& T]$.

В ФС последовательно выделяются первая и вторая инициали. Очевидно, правило (1) достаточно применить дважды.

3.1. Следующее правило (2) описывает операцию над сегментом Т, в котором отмечаются центр (медиаль) и конечный участок (финаль):

$T \rightarrow [M \& (F//o)]$.

Эмпирическим обоснованием этого правила является тот факт, что отдельные заударные слоги в русском языке различают от 4 до 3 гласных ([а - ä, ь - ь, ы - и, у - ü] или [ъ - ь, ы - и, у - ü]) в зависимости от скорости речи (возможны и дальнейшие сокращения числа гласных). Это касается лишь конечных и в большинстве случаев открытых слогов. Ср.:

	Под ударением	Без ударения
1) Фонема [а/ä]:	[вада́] [з'ьмл'а́]	[о́да] или [о́дъ] [па́ш'а] или [па́ш'ь]
2) Фонема [о/ö]:	[с'ело́] [б'ьлийо́]	[д'эль] [по́ль] или [по́ль'е ^и]

- 3) Фонема [э/е]: [хазэ́] [о́зь] или [о́зэ^Н] 'Озэ'
(собств. имена)
[в-вад'е́] [в-о́д'ь] или [в-о́д'е^Н]
- 4) Фонема [ы/и]: [вады́] [о́дн] или даже [о́дъ]
[з'ьмл'и] [пáшн'и] или [пáшн'ь]
- 5) Фонема [у/у]: [с'ьстру́] [вóду]
[рубл'у] [сыпл'у́]

Задарные слоги описанного типа, таким образом, в информационном отношении уступают ударным и как будто бы не отличаются от предударных. Однако предударные слоги удерживают стабильную парадигму гласных, а конечные задарные ее нередко изменяют в зависимости от темпов речи. Они являются менее информационными, нежели предударные, для которых язык прочно удерживает четырехчленную парадигму.

3.2. В связи с этим ясно, что инициаль ФС (I) менее прочно связана с центром ФС (M), нежели его финаль (F). Эмпирические наблюдения показывают, что F в ФС может отсутствовать даже при наличии задарных слогов, если последние не способны в самих благоприятных условиях различать 4 гласных. Так, например, неконечный открытый или конечный закрытый задарные слоги различают только гласные [ь - ь, ы - и, у - ү]. Ср. [о́ддыха] - [го́рьда] - [фа́була] или [о́ддых] - [го́рьт] - [фа́бул], или [по́-л'ьсу] 'по лесу' - [по́-л'ису] 'полису' - [по́-л'усу] 'полюсу' и т.д. (в данных слогах не бывает [а/á]).

4.1. Дальнейшие операции позволяют разбить на элементарные слоги те выделенные просодемы, которые способны к членению. Поскольку безударные слоги, за исключением предударного с твердой инициальной, начального неприкрытого доударного и конечного задарного открытого, различают не менее 4

гласных, все они находятся в отношении односторонней зависимости к слогам, составляющим центры I, M, F. Установление границ между указанными тремя просодемами проводится на основании критерия наибольшей информативности. Безударный слог с минимальной вокалической парадигмой принадлежит "левой" или "правой" просодеме в зависимости от того, какой из сегментов наиболее информативен. В связи с этим очевидно, что центральный слог просодемы F не может иметь подчиненных слогов, поскольку его конкурентом является центральный слог просодемы M. Центральный слог просодемы I имеет подчиненные слоги только "слева", а центральный слог просодемы M - "слева" и "справа". Если в слове имеется две инициали I, то только вторая состоит из центрального и подчиненных слогов, первая же всегда односложна. Правило (3)

$$I \longrightarrow S_4$$

квалифицирует инициаль ΦC как слог, способный различать 4 гласных (индекс s соответствует числу различаемых гласных).

4.2. Правило (3) применяется и по отношению ко второй инициали ΦC , однако этому применению может предшествовать реализация правила (4):

$$I \longrightarrow [(s_3//o) \& I],$$

т.е. выделение внутри I зависимого слога S_3 . Это правило, как и правило (1), применяется неоднократно.

4.3. Аналогичное правило (5) применяется для членения просодемы M:

$$M \longrightarrow [(s_3//o) \& M],$$

а вслед за ним - правило (6):

$$M \longrightarrow [M \& (s_3 // o)].$$

Правило (7) квалифицирует M как слог, способный различать 5 вокалических единиц:

$$M \longrightarrow s_5,$$

а правило (8) представляет F как слог, способный различать от 4 до 3 гласных:

$$F \longrightarrow s_{4-3}.$$

5.1. Перечисленных 8 правил достаточно для полного членения ФС на непосредственные составляющие (эти же правила могут использоваться в генеративной модели). Предполагается, что уже известны принципы точного определения слоговых границ (этой проблеме посвящена наша отдельная работа, находящаяся в печати). Общая структура ФС для русского языка представляется в виде записи:

$$s_4 \longrightarrow \{ [s_3 \rightleftharpoons (s_3 \rightleftharpoons s_4)] \longrightarrow \{ [(s_5 \leftarrow s_3) \leftarrow s_3] \leftarrow s_{4-3} \} \}$$

Знак " \rightleftharpoons " в этой записи соответствует сильному управлению, которому подвержены наименее информационные слоги типа s_3 . Знак " \longrightarrow " соответствует слабому управлению, распространяемому на слоги типов s_4 , s_{4-3} .

5.2. Способы управления являются характеристиками классов слогов. Каждой такой характеристике может быть поставлен в соответствие какой-либо физический признак слога ("напряженность - ненапряженность", "громкость - негромкость", "низкий тон - высокий тон" или что-либо иное). Классификация слогов задается таблицей и проверяется материалами нейтрализаций.

Характеристики		Классы слогов			
		s_5	s_4	s_{4-3}	s_3
1	Свободные - управляемые	+	-	-	-
2	Слабоуправляемые - сильноуправляемые	0	+	+	-
3	Управляющие - неуправляющие	0	+	-	0

5.3. Результаты фонологического членения слова, как правило, не совпадают с перечнем его морфологических сегментов. Однако между сегментами ФС и грамматической структурой слова существуют все же какая-то связь. Эта связь не прямолинейна и не всегда четко обозначена, но она, несомненно, существует. Анализ соответствий структуры ФС морфологической структуре русского слова будет посвящена отдельная работа.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ТРЕХЧЛЕННЫХ ИМЕННЫХ
СТРУКТУР В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.А.Тулина

В русском языке, как и в некоторых других, наряду с двухчленными структурами типа $AC_{и}^1$ одуш. ("мамины руки", "его руки") и $C_{и}^1 C_{р}^2$ одуш. ("руки артиста"), существуют более сложные, трехчленные структуры типа $AC_{и}^1 C_{р}^2$ одуш. ("его руки артиста")¹.

Изучение их с помощью транспозиций позволяет установить, что двух- и трехчленные структуры отличаются по степени жесткости порядка слов, ср. "ее думы" - "думы ее", но "ее думы матери - думы ее матери"; аналогично "его преданность" - "преданность его", но "его преданность собаки - преданность его собаки".

С применением трансформационного анализа выясняется, что эти структуры дают различные трансформы и обладают различными деривационными историями.

Неидентичность значения зависимого существительного в двух- и трехчленных конструкциях при лексическом тождестве субстантивных компонентов находит свое формальное выражение в нетождественности дериваторов при адъек-

¹ В работе приняты следующие обозначения: А-атрибутив, С-существительное, П-прилагательное, М-местоимение, Г-глагол; цифровой индекс обозначает порядковый номер имени, буквенный индекс-падеж.

тивной трансформации, ср.:

а) трансформация двухкомпонентной конструкции:

игра артистки → артисткана игра,

колпак повара → поваров колпак,

б) трансформация трехкомпонентной конструкции:

ее игра артистки → ее артистическая игра,

его колпак повара → его поварской колпак.

В первом случае дериватами оказываются притяжательные прилагательные, во втором - относительные, на что указывает различие в суффиксах. В первом случае притяжательная функция операнда сохраняется, во втором она передается специальному компоненту (А), и частное значение принадлежности единичному лицу заменяется общим значением относительности, связанным с более или менее широким кругом лиц. На эту сторону в изменении значения C_p^2 систематически указывали опрошенные нами информанты; напр., сочетание "его колпак повара" комментировалось так: "У него был колпак, какой бывает у поваров, какой обычно носят повара". Множественное число существительных, а также частое употребление информантами слов "обычно", "всегда" свидетельствуют о том, что они с уверенностью производили логическую операцию введения единичного предмета в класс однородных предметов и что в трехчленных сочетаниях имплицитно содержится отношение включения. Поэтому при рассмотрении деривационной истории необходимо представить в качестве одного из звеньев предикативную единицу, выражающую это отношение.

Вторая отличительная черта двух- и трехчленных конструкций состоит в том, что первые возникают в результате одной операции над одним операндом, напр.:

игра артистки ← Артистка играет,

колпак повара ← Повар имеет (у повара есть) колпак;

вторые возникают в результате нескольких операций над несколькими операндами.

Исходный уровень для них составляют три ядерных предложения, подлежащими которых являются имена личного значения, фигурирующие в трехчленной конструкции в зависимых позициях. Здесь они представлены в независимой позиции, поэтому предложения с ними могут считаться базисными.

Если ведущий член является непроеизводным, то в исходном материале содержатся фразы, в которых сообщается о наличии чего-либо у кого-либо. Они строятся по модели $M_{И}$ имеет $C_{В}^1$ (у $M_{Д}$ есть $C_{И}^1$), напр.:

1. Он имеет кулак 2. Он есть боксер 3. Боксер имеет кулак

Если ведущий член является производными, то в исходном материале обычно содержатся фразы, описывающие действие либо свойство лица, которые строятся по моделям $M_{ИГ}$, $M_{И}$ есть $P_{кр}$ ("Он ходит", "Он горд").

Для трехчленного сочетания с производным господствующим именем (типа "ее игра артистки") исходный уровень деривации можно представить следующим образом:

1. Она играет 2. Она (есть) артистка 3. Артистка играет

В любом случае предложения 1 и 2 связаны между собой общим подлежащим, которое разноплановые сказуемые характеризуют с различных сторон; предложения 2 и 3 связаны общей лексемой, которая в предложении 3 занимает независимую позицию; предложения 1 и 3 связаны общим сказуемым, а подлежащие их соединены в предложении 2 связкой "есть", что

является лингвистической формой логической операции включения единичного предмета в класс однородных предметов.

Затем происходит групповая трансформация номинализации, при которой предикативные конструкции превращаются в не-предикативные блоки, обозначающие сложные предметы:

- а) Она имеет кулак → его кулак,
Боксер имеет кулак → кулак боксера;
- б) Она играет → ее игра,
Артистка играет → игра артистки.

Полученные блоки соединяются связкой "есть", что обозначает очередную логическую операцию включения, и образуется новое, более сложное по составу предложение:

- а) Его кулак есть кулак боксера,
- б) Ее игра есть игра артистки.

Затем совершается второй шаг трансформации - очередная номинализация, при которой изымается связка, именной блок сказуемого перемещается в группу подлежащего, один член лексического повтора ("кулак кулак", "игра игра") устраняется, и возникает новая трехкомпонентная именная группа ("его кулак боксера", "ее игра артистки"), получающая свою предикацию, напр.: "Ее игра артистки взволновала всех" (или "вызвала всеобщее восхищение").

Однако трехчленные конструкции внутренне неоднородны. Часть их может порождаться несколько отличным образом из иного исходного материала. На это указывают толкования трехчленных конструкций, дававшиеся нашими информантами. Кроме установления однотипности предмета с рядом других и включения его в этот ряд (напр., "Она играет хорошо, потому что артистка"), мы встречаем и другое толкование, в котором отрицается вхождение предмета в класс, назван-

Некоторые из таких предложений могут толковаться двояко и быть омонимичными благодаря возможности ядерных предложений с выражением включения и сравнения, напр., "Боцман есть водолаз" и "Боцман как водолаз". Это связано с небольшим семантическим расстоянием между наименованием данного лица и сближаемого с ним класса. Выбор производится на основании контекста.

Другие предложения допускают лишь одно толкование через "как", ибо включение в класс не может иметь места в силу неоднородности лица с этим классом, дальности семантического расстояния (ср. реплику одного немецкого офицера другому: "У вас привычки старьевщика", для которой существует однозначная интерпретация трехчленной конструкции как сравнения, подвергающегося компрессии).

Если в тексте содержится больше двух зависимых существительных в род. падеже, обозначающих непересекающиеся классы лиц, или если зависимое имя выражено именем собственным, то конструкции заведомо считаются порожденными из сравнительных, напр., "У него были волосы актера, выпуклый лоб математика и экспериментатора, руки боксера"; ср. "У него были руки Дон-Кихота, прилепленные к торсу Геракла".

В том случае, если лицо может одновременно принадлежать к различным, но пересекающимся классам, выбор между включением и сравнением производится на основании данных контекста, напр., "Тут Гаврила сразу преисполнился уважением к своему хозяину, который, несмотря на свой вид жулика, пользуется такой известностью и доверием" (из контекста известно, что хозяин - Челкаш - был не только жуликом, но вором). Другой пример: "Центральная (люстра) - сто восемьдесят тысяч, не без гордости разъяснил метр и сделал (!)

лицо повесы" (глагол "сделал" снимает допущение о том, что ресторанный метр мог в то же время быть повесой); ср. в составе деепричастного оборота: "Окошкин взял гитару и, сделав лицо идиота, спел очень глупую частушку".

Толкования подобных конструкций с эксплицитно выраженным сравнением: "Метр (Окошкин) не был повесой (идиотом), но изменял выражение лица так, что оно становилось похожим на лицо повесы (идиота)" - находят свою опору в текстах, где встречаются несвернутые предикативные конструкции с именным сказуемым, присоединенным связкой "как", ср. описание Шолоховым в рассказе "Судьба человека" Ирины в момент расставания: "...губы от слез распухли, волосы из-под платка выбились, и глаза как у тронутого умом человека". В свернутом виде это читалось бы так: "У Ирины были глаза тронутого умом человека", и тогда понимание конденсированного смысла этой конструкции как сравнивающего, а не отождествляющего, предопределялось бы контекстом.

К еще недостаточно спрессованным конструкциям относятся и такие предложения, подлежащее которых выражено одушевленным единичным существительным, чаще собственным, в дальнейшем замещаемым местоимением "его", а сказуемое выражено нечленимой развернутой группой $ГС^1_C C^2_P$, где зависимое имя в род. падеже называет класс предметов, с которым сопоставлено лицо деятеля по характеру действия.

При этом корни глагола и управляемого имени семантически очень близки ("Челкаш оглянулся тревожным взором хищника", "...вдруг голосом колдуньи произнесла тетка") либо тавтологичны: "Гаврила засмеялся бессмысленным смехом пьяного", "Золотухин улыбнулся улыбкой Лайонела Невилла", "обостренным чутьем пройдохи Федя почувствовал в словах

девушки что-то необыкновенное".

В трехчленных словосочетаниях одушевленное зависимое имя может обозначать не только лицо, но и животное (птицу, насекомое и т.д.) или вымышленное живое существо. В этих случаях омонимии быть не может, и такие конструкции однозначно интерпретируются как генетически сравнительные, напр., "его профиль ястреба", "ее тело змеи", "его лицо святого", "ее душа ангела".

На пути к подобным конструкциям стоят промежуточные предикативные фразы, содержащие наименование животного, аналогичные описанным выше, напр.: "Петр вспомнил, как иногда Елена задумчиво смотрит серыми глазами кошки на что-то впереди себя", "Шагнув широким шагом лошади, (Матрена) строго внушает", "Он смотрел на меня глазами святого".

Еще ближе к ним стоят непредикативные конструкции с именем собственным, сохраняющие в своем составе предлог У из производящей фразы с этим предлогом, напр., "Акуля цель рта у Артемия" ← "У Артемия (есть, была) акуля цель рта".

Сохранение предлога конструктивно обусловлено, по-видимому, двумя причинами: необходимостью разделить группу из четырех имен (отсубстантивность относительно о прилагательного очевидна) и необходимостью иметь специальное средство, указывающее на синтаксическую связь с именем собственным всей группы, а не последнего ее члена, ср., "звериный оскал зубов Половцева", где отчетливо выделяется связь собственного имени только со словом "зубы", и "звериный оскал зубов у Половцева", где эта связь захватывает все словосочетание.

К промежуточным мы относим также предложения, содержащие наименование лица, еще не замещенное местоимением, и двухчленную субстантивную группу, присоединенную к нему при помощи предлога С и играющую роль несогласованного определения. Такую субстантивную конструкцию, включающую предложную группу, считаем трансформом неядерной фразы, описывающей наличие у кого-либо сложного признака со своей деривационной историей, напр., в предложении "... входит древний старец ... Чекко, одинокий человечек с длинными руками обезьяны и голым черепом мудреца" мы усматриваем в составе приложения трансформ более элементарной, хотя и не ядерной структуры: "Чекко был одинокий человек с длинными руками обезьяны и голым черепом мудреца", которая, в свою очередь, содержит трансформ еще более элементарной, но тоже еще не ядерной фразы "Чекко имел (у Чекко были) длинные руки обезьяны и череп мудреца".

Поскольку существительные могут занимать разнообразные синтаксические позиции, постольку и относящиеся к ним группы можно встретить в различных частях предложения, например: "Передо мной сидел красивый, мрачного вида юноша с басом протодиакона и кулаком боксера" (связь с подлежащим), "Главный зоотехник был человек с умным, волевым и лукавым лицом Жана Габена" (связь со сказуемым); "Я не верю ... их хитрым рокам. Особенно тому, с физиономией гасконца" (связь с дополнением); "Вся фигура старого революционера (Поля Лафарга) ... с огненными глазами креола ..." (связь с несогласованным определением).

Рассматриваемая конструкция может быть представлена в предложении раздельно: наименование лица фигурирует в качестве подлежащего, а предложная группа является обстоя-

тельством к глагольному сказуемому, напр.: "С непостижимым проворством фокусника Маяковский рассказывал все составные части этого юбилейного прибора ... куда попало", "Вернер, молча, с тупым упрямством пьяного, смотрел на подполковника", "Анюта слушала с улыбкой кроткого ангела".

Свернутые в непредикативный трансформ трехчленные именные группы могут подвергаться дальнейшим преобразованиям в разных направлениях. Одно из них - трансформация зависимого существительного, ведущая к упрощению субстантивной группы ("его боксерский кулак", "ее кошачьи глаза", "твой бойцовский характер").

Кроме того, трехкомпонентные сочетания могут быть распространенными (очень часто) и усеченными (очень редко).

Распространяться могут C^1 либо C^2 , либо оба члена вместе, напр., "Ну, знаешь, поистине нужна твоя особая проницательность вожака человеческих душ, чтобы ничего не понять".

Усечению может подвергаться начальный компонент в первых частях предложения, напр., "Он (Маяковский) жевал окурки ... причем механически двигались туда и сюда энергичные губы и мощный подбородок боксера", "Фон Фосс оближал красным языком губы упыря и ответил ..." Эти случаи могут быть интерпретированы как проявление максимальной компрессии формы, в которую укладывается рассматриваемое содержание (отсутствуют структурно необходимые местоимения "его", "свой").

В заключение отметим, что две именных группы могут комбинироваться и давать усложненную структуру, в которой одно из исходных зависимых существительных обязательно трансформируется в прилагательное, в противном случае между рядом стоящими существительными могли бы возникнуть непреду-

смотренные отношения, ср. "Желтые кошачьи глаза римского патриция" и "желтые глаза кошки римского патриция"; ср. также: "У Вовки Дидрихштейна ... белобрый обезьянь мордочка остзейского немчика" и "У Вовки Дидрихштейна белобрый мордочка обезьяны остзейского немчика".

Наименование характеризуемого предмета в деривации должно было быть употреблено дважды ("У Вовки Дидрихштейна мордочка обезьяны, мордочка остзейского немчика"). В целях дальнейшей компрессии одно из словоупотреблений устраняется и оставшееся занимает промежуточную позицию, разделяя собой наименования одушевленных предметов, что осуществляется путем адъективной трансформации одного из имен, переходящего таким способом в препозицию ("его орлиный взор моряка").

ОБ ОДНОМ КОЛИЧЕСТВЕННОМ ПРИНЦИПЕ ОРГАНИЗАЦИИ
СЕМАНТИКИ В СВЯЗИ С ГИПОТЕЗОЙ ГЛУБИНЫ ИНГВЕ
(к постановке вопроса)

А.А.Хадеева-Быкова, А.Н.Гуляев

При изучении различных группировок лингвистических объектов, основанных на значении, обращает на себя внимание одна интересная особенность - число единиц, составляющих эти группировки, редко превышает цифру 10, чаще несколько не достигает этого предела.

Возьмем, например, ряды синтаксических синонимов, под которыми обычно понимают разные способы выражения эквивалентных синтаксических отношений. Количество членов таких рядов всегда несколько меньше 10. Так, например, обстоятельства в германских языках могут быть переданы: 1. наречием, 2. предлогом + существительное, 3. причастным оборотом, 4. инфинитивным оборотом, 5. придаточным предложением, 6. независимым предложением. Ряды синтаксических синонимов, в основе формирования которых лежат другие синтаксические отношения (например, отношения определения, дополнения, предикатива и т.д.), с количественной точки зрения дают ту же самую картину.

В этом легко убедиться, просмотрев любую нормативную грамматику, в которой, как правило, в разделе "членов предложения" содержится перечисление способов, которыми "может быть выражено подлежащее, сказуемое, дополнение, оп-

ределение, обстоятельство и т.д."

Тот же самый количественный предел наблюдается и при анализе функциональной многозначности одной структуры. Так, например, предлог + существительное в английском языке в предложении может быть дополнением, определением, обстоятельством времени, места, образа действия, причины, цели, уступки, условия (9).

Знакомство со словарями разных естественных языков показывает, что количество значений большинства слов не превышает цифру 10. В тех сравнительно редких случаях, когда количество значений одной словарной статьи превышает эту цифру, фактически мы имеем дело с несколькими семантическими группами, число единиц которых в свою очередь не превышает 10. Дифференциальными признаками семантических групп в таких случаях являются дистрибуционные классы и подклассы. Причем на каждый новый дифференциальный признак семантическая нагрузка остается той же самой — до 10 единиц. Иными словами, при развитой многозначности имеет место постепенное квантование семантики.

Так, например, если взять один из самых многозначных глаголов в английском языке — to run, который согласно англо-русскому словарю В.К.Мюллера¹ имеет более 30 значений (не учитывая сочетаний с предлогообразными наречиями²), то мы увидим следующую группировку значений в зависимости от дифференциальных признаков:

¹ См. В.К.Мюллер, Англо-русский словарь, изд. 7, М., 1960, стр. 864.

² Сочетания с предлогообразными наречиями также представляют организованную систему значений с постепенным квантованием семантики.

Как видно из приведенных таблиц для различения основных значений глагола *to run* используется 10 дифференциальных признаков: 6 основных признаков ($s + run, s_1 + run, run + o, run + o_1, run + pB_1, run + adj_1$) и 4 комбинации основных признаков ($s_1 + run + o_1, run + o + pB_1, s + run + adj_1, s_1 + run + adj_1$).

Более тонкие оттенки значений глагола в пределах каждого из 10 основных семантических классов различаются при помощи дистрибуционных подклассов, число которых также не превышает цифры 10, как это видно из таблиц.

Такая организация семантики напоминает телефонный код: один номер от другого может отличаться лишь одной цифрой, но тем не менее этого достаточно для правильного соединения с нужным абонентом.

Сравни: A - B - 4 - 04 - 66 *to run cold*

A - B - 4 - 04 - 67 *to run low*

A - B - 4 - 04 - 68 *to run high*

К этой аналогии нам придется вернуться еще раз. Сейчас же остановимся на двух вопросах, имеющих непосредственное отношение к предмету нашего исследования.

1. Словарь В.К.Мюллера дает далеко не все значения слов, принято говорить, что в подобных словарях приводятся основные значения слов, хотя содержание этого понятия до сих пор остается невыясненным.

В "Словаре лингвистических терминов" О.С.Ахмановой понятие "основное значение" определяется так: "Инвариантное (эмическое) значение языковой единицы, реализующееся в ее разнообразных употреблениях 2) то же, что значение вещественное 3) то же, что значение узуальное 4) ...поня-

тийное содержание слова".³

Прежде всего возникает вопрос: существует ли одно основное значение слова или несколько основных значений? Если одно, то какое инвариантное значение глагола *to run* связывает такие случаи употребления, как: "*to run a car*", "*to run cold*", "*to run before the wind*"? Можно, конечно, сказать, что таким инвариантным значением для всех этих случаев является значение "процесса", но совершенно очевидно, что такое инвариантное значение свойственно очень многим глаголам и даже существительным и следовательно не может быть основным значением данного слова.

Остается допустить, что у слова действительно существует несколько основных значений, которые, как правило, и фиксируются словарями. Изучение словарных статей показывает, что семантическое расстояние между основными значениями неодинаково. С понятийной точки зрения *to run cold* / *run + adj₁* / ближе к *to run a fever* / *run + o₁* / чем к *to run mad* / *run + adj₁* / а тем не менее *to run cold* и *to run mad* считаются оттенками одного основного значения "*to run*", в то время как "*to run cold*" и "*to run a fever*" являются двумя разными основными значениями этого глагола.

Сравнивая понятийное содержание глагола *to run* в следующих трех случаях: "*The girl runs*" (*s + run*), "*The time runs*" (*s + run*), "*to run a car into a garage*" (*run + o + pв₁*), можно заметить, что первый и третий случай ближе друг к другу (быстрое перемещение предмета в простран-

³ О.С.Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр. 163.

ва) чем ко второму случаю, где ни о каком перемещении не идет речь. Тем не менее, зная значение *to run* только в "The girl runs" значительно легче догадаться о значении *to run* в "The time runs", чем в *to run a car into a garage*. Таким образом, семантическое расстояние между разными значениями одного слова в большей степени зависит от отношения между дифференциальными признаками, чем от понятийного содержания, с которым эти значения соотнесены. "The girl runs" и "The time runs" входят в один дистрибуционный класс ($s + run$), но в разные подклассы (1. живые существа, 5. время), а "The girl runs" и "to run a car into a garage" входят в разные дистрибуционные классы ($s + run$; $run + o + pV_1$).

Если использовать систему 10 указанных выше дифференциальных признаков для квантования семантики других глаголов, входящих вместе с *run* в одну лексикосемантическую группу "передвижения в пространстве", например, "walk" и "go", то мы увидим, что семантическое расстояние между основными значениями, отмеченными дистрибуционными классами, будет иное чем для глагола "to run":

"walk" - $S + walk$ (возможен только один подкласс "живые существа").

$walk + 0$ - нуль значения; $walk + 0 + pV_1$ - "To walk someone to the bus stop".

"go" - $S + go$ (возможны подклассы 1, 2, 3, 5, 7).

$go + 0$ нуль значения.

$go + 0 + pV_1$ - нуль значения.

С понятийной точки зрения $S + walk$ ближе к $walk + 0 + pV_1$, а $S + go$ (1 подкласс) к $S + go$ (5 подкласс), чем $S + run$ к $run + 0 + pV_1$ и $S + run$ (1 подкласс) к

S + run (5 подкласс).

Действительно содержание "walk" в "She walks" и в "to walk someone to the bus stop", одно и то же (один и тот же вид передвижения живых существ в пространстве), в то время как "to run" в "She runs" и "to run a car into a garage" обозначает разные виды движения.

Содержание глагола "to go" в "She went" и "The time went" различно, но между этими значениями глагола "to go" с понятийной точки зрения расстояние меньше, чем между "She ran" и "The time ran". Глагол "to run" в первом случае обозначает особый вид быстрого движения живых существ, перемещающихся в пространстве, во втором — субъективную оценку течения времени, глагол "to go" в первом случае констатирует односторонне-направленное движение от говорящего (вид движения не уточняется), во втором — односторонне-направленное движение так, как оно воспринимается говорящим.

Таким образом, для разбираемого случая семантическое расстояние между основными значениями зависит не только от системы дифференциальных признаков, но и от отношения между отдельными дифференциальными признаками и понятийным содержанием слова.

Иными словами, квантование семантики любого слова пред-
определено сеткой дистрибуционных классов и подклассов, накладываемая на понятийное содержание слова. Количество классов и подклассов строго ограничено, и основные значения есть не что иное, как функции такого наложения, эти функции и фиксируют словари вне зависимости от того, насколько в действительности велико семантическое расстояние между отдельными значениями. Отдельные значения слова группируются не по принципу семантической близости, а по принципу общ-

ности "адреса", по принципу общности дистрибуционного класса и подкласса. Как уже указывалось выше, количество классов, а также количество подклассов не превышает 10.

2. Если взять данные более полных словарей, то мы увидим, что количество дистрибуционных классов, которые используются в качестве дифференциальных признаков основных значений слова, сохраняется, а количество подклассов возрастает за счет идиоматики (задается списком), за счет стилистических значений (особые лексико-семантические подклассы основных классов), за счет индивидуального употребления слов, за счет переносных значений. Причем в более полных словарях количество подклассов иногда превышает 10.

Таким образом, количественный предел в организации семантики, о котором идет речь, характерен для какой-то средней нормы, удовлетворяющей некоторым обязательным условиям коммуникации. Каким?

В качестве гипотезы мы предлагаем следующее объяснение: Подобная организация семантики дает выигрыш во времени при переборе значений лингвистического знака, хранящихся в памяти (выше приводилась аналогия с телефоном). Особенно важен фактор времени в устной речи, хотя и письменная речь может быть поставлена в те же самые условия (срочная записка, диалог в письменной форме).

Каждая единица речевой цепи появляется в результате перебора множества возможностей (парадигматические схемы, лексические ограничения, стилистические ограничения и т. д.). При этом известно, что оперативная быстродействующая память человека способна одновременно хранить до 7 ± 2 объектов. Адрес значения в разбиравшемся выше случае состоит из дистрибуционного класса (нужно осуществить выбор из 10

классов, храня их одновременно в памяти и дистрибуционно-го подкласса (второй этап поиска, опять нужно выбрать из 7 ± 2 подклассов, которые также нужно держать одновременно в памяти). Если классы и подклассы подобраны достаточно стабильно и организованы рационально (уровневая организация), то поиск нужной единицы совершается быстрее.

В этой связи нельзя не вспомнить о гипотезе Ингве⁴, который первый указал на ограниченность глубины предложения в естественных языках, связав это явление со свойствами оперативной памяти человека, а также о замечаниях Б.Балдингера, который считал полисемию следствием слабости человеческой памяти в том смысле, что дополнительная нагрузка на знак "временем значений" несет, по его мнению, "огромное облегчение для памяти".⁵

Если высказанная нами гипотеза подтвердится, то это позволит по-новому подойти к целому ряду фундаментальных вопросов лингвистической теории: например, к причинам появления уровневой организации языка, многозначности, омонимии, синонимии и многим другим.

Кроме того, это дало бы возможность подойти к решению целого ряда сложных вопросов типологии языков. В частности, проблему расхождения значений этимологически тождественных

⁴ О гипотезе Ингве смотри: V.H. Yngve, The Depth Hypothesis. - The Structure of Language and its Mathematical Aspects, Providence, 1961, Е.В. Падучева, О связях глубины по Ингве со структурой дерева подчинений. - НТИ, 1966, № 6, стр. 38.

⁵ К. Baldinger, Die Semasiologie. Versuch eines Überblicks. - Deutsche Akad. der Wiss. zu Berlin, Verläge und Schriften. N.61, Berlin, 1957, s. 25.

элементов можно было бы решить в плане квантования одного
понятийного содержания разными наборами дистрибуционных
классов и подклассов.

Основные дистрибуционные классы в качестве дифференциальных признаков значений

I		2		3	4
подлежащее		прямое дополнение		предложные группы заданные списком	предикатив, выраженный прилагательными, заданными списком
Ia	Iб	2a	2б		
лексико-семантическая группа подлежащего	подлежащие заданные списком	лексико-семантическая группа дополнения	дополнения заданные списком	(run + pV ₁):	(run + adj ₁)
(S + run):	(S ₁ + run):	(run + 0)	(run + 0 ₁)		
1. живые существа 2. механизмы 3. процессы 4. жидкости 5. время 6. пространство 7. документы	1. чулки 2. новости 3. чернила 4. узор (на ткани)	1. машины 2. организация 3. животные 4. люди 5. металлы	1. лихорадка 2. лошадь 3. счёт (в отеле)	1. to run <u>before the wind</u> 2. to run <u>for it</u> 3. to run <u>for a period of time</u> 4. to run <u>for democrats</u> 5. to run <u>counter...</u>	1. to run <u>cold</u> 2. to run <u>dry</u> 3. to run <u>mad</u> 4. to run <u>high</u> 5. to run <u>low</u>

Комбинации основных дистрибуционных классов, в качестве дифференциальных признаков значений

5	6	7	8
$S_1 + \text{run} + O_1$	$\text{run} + O + \text{pB}_1$	$S + \text{run} + \text{adj}_1$	$S_1 + \text{run} + \text{adj}_1$
1. Things ran their course	1. to run a car into the garage 2. to run a thread into a needle	1. страсти + run high 2. пространство + run low 3. деньги + run low	1. The tide ran high 2. The sea ran high 3. The prices ran high

ПАРАДИГМЫ АНГЛИЙСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР СО
ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ

Л.Е. Х и ж е н к о в а

Теоретической предпосылкой Т-грамматики служит, как известно, гумбольдтианское представление о языке как о системе порождающих процессов. В соответствии с этой концепцией грамматика рассматривается как наука, которая должна отобразить "созидание" в языке, обнаружить глубинные закономерности порождения речевых произведений.

Современный синтаксис порождения ставит во главу угла не дескриптивное (констатирующее), а объяснительное исследование синтаксических построений. Стремление к адекватности объяснения изучаемых единиц подразумевает не только сведение их к ограниченному числу глубинных предложений, но также последующее рассмотрение их парадигматических связей.

Отмечено, что неоспоримыми достоинствами Т-синтаксиса являются во-первых, строгое различие в исследовании сущностей первого и второго порядков - "поверхностных" и "глубинных" образований, во-вторых, объяснение исследуемых единиц фактами самого языка, т.е. характеристика предложения набором принимаемых им трансформаций и связь его через трансформации с другими предложениями.

Мы сосредоточим своё внимание на последнем положении и рассмотрим его в плане возможности построения и изучения синтаксической парадигмы в порождающем синтаксисе.

Различение синтагматического и парадигматического аспектов является относительно недавним нововведением в синтаксические исследования. Понятно поэтому, что вопросы о природе парадигматических отношений в синтаксисе, о возможности представления всего многообразия синтагматических форм в системе парадигм, а также принципы построения парадигм и методика их анализа служат предметом дискуссий и остаются наиболее неразработанной частью в синтаксических исследованиях. Насущной задачей становится в связи с этим изучение частных синтаксических микросистем.

Природа лингвистических единиц предполагает исследование их в терминах связей, в которых они существуют, т.е. не только в линейных, но и в системных соотношениях.

Именно такой подход осуществляется при изучении единиц фонологического, семантического и морфологического уровней. Достаточно вспомнить строгое различие звуков языка и звуков речи (фонемы и их конкретные употребления) на фонологическом уровне¹, или различие лексемы и слова², слова-типа и слова-члена³ (т.е. Слова в языке и речи), на семантическом уровне.

¹ См. Н.С.Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 9-10.

См. также многочисленные работы фонологов Пражской лингвистической школы: "Тезисы Пражского лингвистического кружка", сб. "Пражский лингвистический кружок", М., 1967, стр. 20-21; Л.Новак, Проект нового определения фонемы, там же, стр. 95; В. Матезиус, Задачи сравнительной фонологии, там же, стр. 71-72 и др. работы.

² См. В.В.Виноградов, Русский язык, М.-Л., 1947, стр. 14.

См. также О.С.Ахманова, К вопросу о слове в языке и речи.- Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып.5, 1948, стр. 32.

³ См. А.М.Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 134.

Парадигматика является также основной формой организации морфологических единиц⁴. Любое слово или морфема представляется как элемент той или иной парадигмы – парадигмы спряжения глагола, парадигмы склонения существительного, парадигмы словообразовательных или словоиамительных морфем.

Сказанное здесь о парадигме форм показывает, что описание словоформ, звуков речи, т.е. особенностей функционирования этих единиц в речевом потоке есть рассмотрение только одной их стороны. Синтагматический аспект анализа необходим, однако он не исчерпывает целей исследования, так как не учитывает другой существенной характеристики лингвистических единиц – не дает представления об их связи и месте в системе языка. Изучение линейных отношений лишь начальный этап анализа лингвистических единиц, представляющий данные для их дальнейшего исследования в парадигматическом плане. Показательна в этом смысле квалификация проф. О.С.Ахмановой описания звуков речи (фонетики) как преддверия к языкознанию", или "долингвистики".⁵

Из сказанного следует, что только синтагматическое (линейное) или только парадигматическое (системное) описание не может быть исчерпывающим, оба описания одинаково важны для раскрытия конституирующих признаков изучаемого явления.

⁴ См. А.И.Смирницкий, Морфология английского языка, М., 1959, стр. 215.

⁵ См. О.С.Ахманова, Морфология, морфонология, фонология, М., 1966, стр. 7. Эта же мысль проводится в работах Пражской лингвистического кружка, см., например, указ. работу "Тезисы Пражского лингвистического кружка", стр. 20-21.

Следовательно, исследование синтаксических структур должно также проводиться в двух "измерениях": линейном и внелинейном.

Хотя термин парадигма обычно не употребляется в синтаксисе (новый словарь лингвистических терминов О.С.Ахмановой дает определение только морфологической парадигме), всё-таки представляется возможным, несколько расширив понимание парадигмы, распространить его на синтаксический уровень. Термин парадигма, на наш взгляд наиболее полно характеризует отнесенность предложений к одной серии.

Признание системных отношений предметом изучения в синтаксисе (равно как в морфологии, фонологии, лексикологии) основывается на следующем допущении. Постулируется, что язык представляет собою систему, и это существенное свойство языка (системность) объективно отражено и заложено в речевом материале, данном лингвисту в непосредственном наблюдении; следовательно, системность единиц речи может быть выявлена при специальном исследовании и представлена в виде некоторой парадигмы.

Таким образом составляющие парадигмы извлекаются из речи, построенная же парадигма принадлежит языку.⁶ Сведение синтаксических единиц в парадигмы дает представление о синтаксисе как иерархически организованной системе, которая расслаивается, расчленяется в свою очередь на ряд микросистем.

⁶ А.И.Смирницкий, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 24: "Парадигма представляет собою единицу языка. Она имеет определенную внешнюю сторону и определенное значение и она, конечно, не образуется в речи, а воспроизводится в той или иной ее части."

Предлагаемый способ описания и представления синтаксических единиц в парадигматике вытекает из следующего понимания природы парадигматических отношений. Специфику парадигматических отношений Ф. де Соссюр видел в том, что "синтагматическое отношение всегда налицо (*in praesentia*)... . Наоборот, ассоциативное отношение соединяет элементы отсутствующие (*in absentia*) в потенциальный, мнемонический ряд".⁷ Парадигматический план отличает также другой качественный признак, а именно идея отношения.⁸

В этих тезисах заключается, на наш взгляд, исходный пункт для формулирования задач синтаксической парадигматики, которые в основном сводятся

1) к определению факторов, обуславливающих набор конструкций в одну парадигму. Для выяснения этих факторов необходимо предварительное изучение в синтагматическом плане "поверхностной" и "глубинной" структур предложений, т.е. выявление определяющих признаков, которые явятся основой сведения единиц в парадигмы;

2) к описанию связей и соотношений между членами выявленной парадигмы, т.е. к изучению самой парадигмы.

Целесообразно, очевидно, различать два вида парадигм в синтаксисе – парадигму простого и сложного предложения. Начнем рассмотрение с парадигмы простого предложения.

Простое предложение, как и единицы других уровней, выступает в речи в одной из своих парадигматических форм, каждая из которых в отдельности представляет то или иное

⁷ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 121.

⁸ См. О.С. Ахманова, Морфология, морфонология, фонология, М., 1966, стр. 7.

его частное синтаксическое значение, а в сумме весь комплекс его синтаксических значений, или парадигму его форм. Парадигма простого предложения представляется нам, таким образом, как совокупность преобразований исходной структуры, которые, сохраняя обобщенный смысл и единую структурную основу (своего рода "синтаксический корень") отличаются от исходной структуры по коммуникативной установке. Например, парадигма предложения типа *The woman washes the linen* включает двенадцать его трансформов, объединенных общей моделью N_1VN_2 , общим грамматическим значением "действие - объект действия" и одинаковым лексическим наполнением.⁹ Трансформы группируются вместе с вариантами вокруг исходной структуры и употребляются в речи для выражения различных коммуникативных целей.

Итак, парадигмой простого предложения будем считать базисное предложение со всеми относящимися к нему морфологосинтаксическими трансформами.

Возможность построения трансформационных парадигм является результатом распространения принципа деривации на синтаксический уровень, осуществленное в Т-грамматике.¹⁰

Если проводить параллель между деривационной парадигмой в синтаксисе и парадигмой на морфологическом уровне, то её

⁹ О парадигмах этого вида см. нашу работу Л.Е.Хиженкова, К проблеме синтаксической парадигматики. - Тезисы докладов III-й региональной научной сессии, Горький, 1967, стр. 59-61.

¹⁰ См. Л.С.Бархударов, О некоторых проблемах трансформационной грамматики. - "Филологические науки", 1965, № 3, стр. 3.

можно сравнить со словоизменительной парадигмой. В ней действуют интрамодельные трансформации, которые вскрывают заложенные в каждом конкретном предложении структурные варианты. Предложение воспроизводится как бы объёмно (стереоскопически), в нём эксплицируются все парадигматические формы.

Обратимся теперь к рассмотрению оснований для построения парадигм сложного предложения.

Парадигма сложного предложения выделяется из речи на основе изучения его "поверхностной" и "глубинной" структур. Выявление общей парадигмы сложных предложений должно, очевидно, осуществляться по признаку концептуального единства, так как известно, что одно и то же понятие, явление действительности отражается в языке, как правило, не в одной структуре, но в ряде структур, несущих лишь некоторые дополнительные оттенки значений.

Для сближения предложений и сведения их в общую парадигму требуется предварительно установить инвариант, который составит основу структурно-семантической парадигмы. Наблюдения над конкретным речевым материалом позволяют предполагать, что систему — парадигму могут составить конструкции, объединенные семантически и имеющие одинаковую глубинную структуру. Следовательно, парадигма этого типа представляет собою набор соотнесенных конструкций, объединенных одинаковой интеллективной информацией и правилами межмодельных трансформаций и порожденных двумя глубинными предложениями.

Проиллюстрируем это на материале нашего исследования. Нами изучался семантико-структурный корпус английских синтаксических структур, передающих информацию о причинно-

следственной взаимосвязи явлений. Единицы этой микросистемы рассматривались в синтагматических и парадигматических соотношениях. Ниже приводятся некоторые обобщения и предварительные заключения исследования.

Конструкциям со значением причинно-следственной связи соответствует в плане содержания одна семантико-функциональная плоскость, все они представляют собой разные синтаксические способы выражения одной и той же логической структуры связи суждений. Объединяющими признаками являются единый логико-семантический инвариант и одинаковая "глубинная" основа - два простых соположенных предложения, сообщающих о причинно-следственной взаимосвязи явлений.

Инвариантное значение причинно-следственной взаимосвязи, лежащее в основе выявленной при исследовании парадигмы, представлено в плане выражения несколькими наборами структур с варьируемым составом функциональных слов и структурным варьированием - трёх- и четырёхэлементной моделью. Парадигма этих структур включает различные типы сверхсложных сложных и осложненных предложений - всего семнадцать - функционирующих в современном английском языке. В парадигму включены также трансформы всех семнадцати конструкций.

В основании парадигмы лежит последовательность двух свободно соположенных предложений, а на вершине находится самая сжатая форма передачи того же содержания - синтаксические слияния. В рассматриваемой парадигме действуют межмодельные трансформации расширения (T-that) и трансформации сокращения (T-v-ing, T-to-v).

В плане содержания построенная парадигма представляет собой три частные категории: категорию причинно-следственных конструкций с реализованным и нереализованным дейст-

вием - следствием, категорию следственно-причинных (разъяснительных) конструкций и категорию конструкций "основания - вывода".

Принятые исходные посылки (представление языка как творческой деятельности порождения) определяет способ презентации результатов исследования. Выявленные парадигмы причинно-следственных и следственно-разъяснительных конструкций являются не инвентарными наборами, представленными статически с иллюстрирующими списками примеров, а действующими парадигматическими механизмами, которые на уровне классов слов порождают всё богатство линейных форм речи. Хотя основоположник Т-грамматики Н.Хомский не упоминает об инвентаризации синтаксических единиц, мы полагаем, что грамматика языка не может обойтись без фиксации трансформ, без сведения их в строгие, системные наборы.

Определенный практический и теоретический интерес представляет также организация в парадигмы сложных предложений. Этот раздел Т-грамматики требует углубленной разработки.

Порождающий синтаксис в его системном представлении являет собою широкое поле исследования языка и его избирательных возможностей.¹¹ Как показал исследованный материал, современный английский язык располагает многочисленными и разнообразными средствами выражения причинно-следственной взаимосвязи явлений. Реально-логические от-

¹¹ См. Н.Ф.Иртеньева, Синтаксис описательной, синтаксис порождающий. - VIII Межвузовская научно-методическая конференция. Тезисы докладов. М., 1967, стр. 5-6.

ношения между явлениями не определяют ни типа сложного предложения, ни вида придаточного предложения при передаче этого отношения языковыми средствами. Причинный и следственный компоненты могут быть объединены как посредством союзов и союзных слов, так и без союзов, как в сложное предложение (сложносочиненное, сложноподчиненное предложение), вопросно-ответное диалогическое единство, сверхфразовое единство, так и в осложненное предложение с причастной, герундиальной или инфинитивной группой.

Из сказанного следует, что при передаче информации причинно следственной взаимосвязи явлений говорящему каждый раз приходится выбирать наиболее адекватные средства для достижения своей цели. Проведенное исследование выявило формальные и содержательные признаки каждой конструкции, составляющие её лингвистическую "охарактеризованность". Выбор (предпочтение) той или иной конструкции диктуется коммуникативными целями, возможностью выбираемой конструкции передать наиболее полно и четко предполагаемую информацию, т.е. её информационный содержательностью. Передавая идентичную интеллективную информацию, конструкции со значением причинно-следственной связи различаются, однако, объёмом и оттенками содержания, в каждую из них привнесена добавочная информация. Следовательно, с целью более эффективного использования этих конструкций в речи представляется необходимым выяснить, какую добавочную информацию каждая конструкция привносит в идентичную для всех их информацию о причинно-следственной взаимосвязи явлений.

Выбор оказывается возможным лишь при наличии у рассматриваемой единицы синонимичных, параллельных или противопоставленных соотнесенных конструкций.

На основе изучения функционирования структур в сверхфразовых единствах были установлены следующие закономерности лингвистического выбора.

1. Стремление передать полную (развёрнутую) информацию о причинно-следственной взаимосвязи событий ведёт к употреблению сложноподчиненных предложений, в которых союзы имеют чётко выраженную семантику (*so, so...that, so that, because, as, since*). В этих предложениях эксплицитно представлены все члены позиционных классов слов, ничто не имеет нулевого выражения.

E.g.: ...she kept it (money) tight so that he could never get at it (J.Aldridge); ... she watched Roy so closely that she embarrassed him. (J.Aldridge).

2. Стремление же передать идентичную информацию в сжатой, компактной форме обуславливает использование осложнённых предложений с причастной, герундиальной или инфинитивной фразой.

E.g.: These sayings are too well known to require repetition (V.Woolf); He was angry with Jack for not being here (J.Aldridge); He entered her bedroom from his own, the door being open (J.Galsworthy).

3. Факторами, обуславливающими предпочтение сложных предложений в отношении осложнённых предложений с инфинитивной, герундиальной, причастной группами, являются:

1) необходимость выразить все виды отнесенности высказывания к действительности, а именно видовую, временную, модальную отнесенность предложения;

2) необходимость выражения различных субъектов действия (при выборе сложных предложений и осложнённого предложения с функциональным словом *so ... as*);

3) необходимость передать причинно-следственное отношение в развитии и динамике, что характерно для предложения с финитным глаголом.

Завершая рассмотрение парадигм простого и сложного предложений, следует отметить, что трансформационный метод позволяет распознать взаимные связи различных синтагматических форм и таким образом связать факты, которые были заинвентаризированы описательными грамматиками, но представлялись разрозненно. Классификация синтаксических структур, проведенная на парадигматической основе с помощью Т-метода не носит характера перечисления, каталогизации структур, а представляет собою упорядоченную, логическую систему с эксплицированными парадигматическими механизмами.

Выявленная парадигма предложений со значением причинно-следственной связи представляет собою лишь одну из многочисленных ей систем. Можно предположить, что могут быть построены аналогичные структурно-семантические парадигмы предложений, объединенных значением темпоральности, сравнения, условия, цели.

Э.Ланг

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ПОРОЖДАЮЩЕЙ
ГРАММАТИКИ

Основой данного словаря является рукопись словаря терминов порождающей грамматики "Terminologie der generativen Grammatik (vorläufige Zusammensetzung)" члена рабочей группы по структурной грамматике Германской академии наук Эвальда Ланга.

Английские, немецкие и русские термины взяты из этой рукописи. Группой структурной лингвистики Тартуского государственного университета добавлены эстонские термины, а также частично исправлена и дополнена русская терминология. Из рукописи Э.Ланга определения, данные в виде цитат из соответствующих исследований, по соглашению с автором полностью изъяты. Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность коллеге Э.Лангу.

A			
acceptability (of sentences)	- Akzeptierbarkeit (von Sätzen)	- priemlemost' (predloženíj)	- (lausete) aktsepteeritavus, vastuvõetavus
adequacy	- Adäquatheit	- adekvatnost'	- adekvaatsus
-- explanatory a.			
-- descriptive a.			
-- observational a.			
amalgam	- Amalgam	- amal'gamat	- amalgaam
-- semantic theory			
amalgamation	- Amalgamierung	- amal'gamirovanie, amal'gamacija	- amalgaamimine
ambiguity	- Ambiguität	- mnogoznačnost'	- mitmesus
--semantic a.			
analyticity	- Analytizität	- analitičnost'	- analüüttilisus
antonymy	- Antonymie	- antonimija	- antonüümia
atomic concepts	- Bedeutungsatome, Begriffsatome	- atomarnyje ponjatija /znaženija	- atomaarmõisted, atomaartähendused
attachment trans- formation	- Verknüpfungstrans- formation, Ad- junktionstrans- formation	- prisoedinitel'naja transformacija	- lisav transformatsioon

auxiliary phrase (Aux)	- Auxiliarkomplex	- grappa s vspomoga- tel'nym glagolom	- abikompleks
---------------------------	-------------------	--	---------------

B

base -- cf. Chart (6)	- Basis	- bazis	- baas
base P-marker -- basis -- derived P-marker -- generalized P-marker	- Basis-P-marker	- bazisnyj NS-pokazatel'	- baasi P-tähis
basis (of a sentence)	- Satzbasis	-bazis predloženija	- lausebaas
boundary symbol	- Grenzsymbol	- pograničnyj simvol	- piirisümbol
branch -- path -- P-marker	- Ast, Zweig	- vetv'	- haru
branching -- branching rules -- rewriting rules	- Verzweigung	- razvetvlenie, vetvlenie	harunemine

branching rules - Verzweigungsregeln - pravila razvetvlenija - harunemisreeglid
—subcategorization rules

C

category - Kategorie - kategorija - kateooria
— lexical c.
— Major c.

categorial component - Kategorienkomponente - kategorial'nyj kompo- - kateooriaal-
nent - komponent
— grammatical function

categorial rules - kategoriale Regeln - kategorial'nye pravila - harunemisreeglid
— categorial component

category inclusion - Kategorieninklusion - otnošenje vključenija - kateooriate
relation - kategorij - sisaldusvahe-
kord

category inclusion rule - Kategorieninklusions- - pravilo vključenija - kateooriate
regel - kategorij - sisaldus-
reegel

classes of morphemes	- Morphemklassen	- klassy morfem	- morfeemiklassid
-- dictionary			
-- lexicon			
-- morpheme			
classificatory features	- klassifikatorische Merkmale	- klassifikacionnye priznaki	- liigitustunnused
-- distinctive features			
-- dictionary matrix			
-- systematic phonemic matrix			
classificatory matrix	- klassifikatorische Matrix	- klassifikacionnaja matrica	- liigitusmaatriks
-- dictionary matrix			
cluster	- semantisches Cluster	- pučok semantičeskich priznakov	- semantiliste tunuste kimp
-- configuration			
complex symbol	- komplexes Symbol	- kompleksnyj simvol	- liitsümbol
component	- Komponente	- komponent	- komponent
-- categorial c.			
-- phonological c.			
-- readjustment c.			
-- semantic c.			
-- syntactic c.			

comprehension set	- Interpretations- grundlage bei Semi-Sätzen	- osnova interpretacii	- interpretatsioonialus
-- semi-sentence			
-- transfer rules			
concatenation	- Verkettung	- sčepenie, konkate- nacija	- aheldumine
condition of gene- rality	- Bedingung der All- gemeingültigkeit	- trebovanie obščnosti	- üldkehtivus
configuration (se- mantic)	- (semantische) Kon- figuration	- (semantičeskaja) konfiguracija	- (semantiline) konfigu- ratsioon
-- cluster			
conjoining trans- formation	- Konjunktionstrans- formation	- sojuznaja trans- formacija	- siduv transfor- matsioon
-- attachment transformation			
constant	- Konstante	- konstanta	- konstant
constituent	- Konstituente	- sostavljajuščij	- moodustaja
constituent sentence	- Konstituentensatz	- sostavljajuščee predloženie	- moodustajalause

constituent string	- Konstituentenkette	- sostavljajuščaja cepočka	- moodustajate ahel
constituent structure grammar (CGS)	- Konstituentenstruktur- grammatik	-grammatika neposredstven- no sostavljajuščich NS-grammatika	- vahetute moodusta- jate grammatika (VM-grammatika, VMG)
	- phrase structure grammar		
	- phrase structure rules		
construal rules	- semantische Konstruk- tionsregeln	- konstruirujuščie pravila	- kohandusreeglid
konstruktion	- Konstruktion	- konstrukcija	- konstruktsioon
	- linking c.		
	- nesting c.		
	- non-linking c.		
constructional homo- nymity	- konstruktionelle Ho- monymie	- omonimija konstrukcii	- konstruktsioonide homonüümia
-- ambiguity			
context-free	- kontextfrei	- beskontekstnyj, kon- tekstno-svobodnyj	- kontekstivaba
context-sensitive	- kontextsensitiv, kontextbeschränkt	- kontekstno-svjazanno	- kontekstisidus
context-restricted			

contextual features	- Kontextmerkmale	- kontekstual'nye priznaki	- kontekstitunnused
co-occurrence	- Kookkurrenz, Mit- einandervorkommen	- sovместnoe pojav- lenie, sovместnaja vstrečaemost'	- koosesinemus
	-- selectional restrictions		
	-- selectional rules		
contradiction	- Kontradiktion	- protivorečie	- vasturääkivus
C - terminal string	- Endkette des For- mationsteils	- C - terminal'naja cepočka	- M - lõpprida
creativity of language	- Kreativität der Sprache	- tvorčeskij aspekt rečevoj dejatel'- nosti, tvorčeskaja dejatel'nost' jazyka	- keele loomevõime

D

decision procedure	- Entscheidungspro- zedur	- razrešajusčaja procedura	- lahendus
	-- evaluation procedure		
	-- linguistic description		
	-- theory of language		

deep structure	- Tiefenstruktur	- glubinnaja struktura	- süvastruktuur
-- base			
-- base P-marker			
-- branching rules			
-- basis			
deletion transformation	- Eliminierungstransformation, Tilgungstransformation, Weglasstransformation	- transformacija sokraščeniija	- kustutustransformatsioon
delimitation	- Eingrenzung	- ograničenie	- piiritlemine
dependency	- Abhängigkeit	- zavisimost'	- sõltuvus
-- co-occurrence			
derivation	- Derivation, Ableitung	- derivaciija, vyvod	- derivatsioon
-- terminated d.			
-- sequential d.			
-- W-derivation of V			
-- semi-derivation			
derivational path	- Derivationsweg	- derivacionnyj put'	- derivatsioonitee
-- is-a-relation			

derived P-marker	- abgeleiteter P-marker	- proizvodnyj NS-pokazatel'	- deriveeritud F-tähis
-- surface structure			
-- deep structure			
derived sentence	- abgeleiteter Satz	- proizvodnoje predloženie	- deriveeritud lause
-- kernel sentence			
-- simple sentence			
descriptive adequacy	- Beschreibungsadäquatheit	- deskriptivnaja adekvatnost'	- kirjelduslik adekvaatus
device	- Mechanismus	- ustrojstvo	- seade
-- grammar			
dictionary	- Wörterbuch, Lexikon	- slovar', leksikon	- sõnastik
dictionary entry	- Wörterbucheintragung	- slovarnaja zapis'	- kirje
dictionary matrix	- Wörterbuchmatrix	- slovarnaja matrica	- sõnastikumatriks
discovery procedure	- Auffindungsprozedur	- procedura obnaruženija	- avastamisprotseduur
-- decision procedure			
-- evaluation procedure			
-- theory of grammar			

distinct	- distinkt, verschieden, unterschieden	- različitel'nyj	- distinktiivne, erinev
-- distinctive feature matrix			
distinctive features	- distinktive Merkmale	- različitel'nye priznaki	- distinktiivtunnus
-- systematic phonemics			
-- systematic phonetics			
distinctive feature matrix	- Matrix distinktiver Merkmale	- matrica različitel'- nych priznakov	- distinktiivtunnuste maatriks
distinguisher	- Distinktor	- različitel'	- eristaja
-- dictionary entry			
domain (of a trans- formation)	- Domäne, Anwendungs- bereich einer Trans- formation	- oblast' opredelenija	- rakenduspiirkond
dummy symbol	- leeres Symbol, Quasi- symbol, Platzhalter	- fiktivnyj simvol, cholostoj simvol	- nukksümbol
-- lexical rule			
-- generalized F-marker			
-- terminal string			
-- deletion			

E

elementary transformation	- elementare Transformation	- elementarnaja transformacija	- elementaartransformatsioon
embedding transformation	- Einbettungstransformation	- transformacija vstavlenija	- sisestustransformatsioon
-- generalized transformation			
-- conjoining transformation			
entailment	- Enthaltenseinsbeziehung, Implikation	- implikacija	- sisaldumisvahetkord
environment	- Umgebung	- okruženie	- ümbrus
equivalence (weak-strong)	- Äquivalenz (schwach-stark)	- ekvivalentnost' (slabaja-sil'naja)	- (nõrk-tugev) ekvivalentsus
equivalent	- äquivalent	- ekvivalentnyj	- ekvivalentne
erasure transformation	- Tilgungstransformation	- transformacija stiranje	- kustutustransformatsioon
-- deletion			
expansion rule	- Expansionsregel	- pravilo razvertyvanija	- arendusreegel
-- rule			

explanatory adequacy	- Erklärungsadäquatheit	- adekvatnost' ob-jasnenija	- seletuslik adekvaatsus
-- justification of grammars			
explanatory model	- erklärendes Modell	- ob-jasnitel'naja model'	- seletuslik mudel
explicitness	- Explizitheit	- eksplicitnost'	- eksplitsiitsus
evaluation procedure	- Bewertungsprozedur	- procedura vybora i ocenki grammatik	- hindamisprotse- duur
-- simplicity			
-- justification of grammars			
-- markedness			

F

feature	- Merkmal	- priznak	- tunnus
-- category f.			
-- classificatory f.			
-- contextual f.			
-- distinctive f.			
-- morphological f.			
-- neutralized f.			
-- phonological f.			
-- redundant f.			
-- selectional f.			

-- semantic f.
 -- strict subcategorization f.
 -- transfer rules (features)

filter	- Filter	- fil'ter	- filter
final state	- Endzustand, Finalzustand	- konečnoe sostojanie	- lõppseisund
-- finite state grammar			
-- finite automaton			
finite automaton	- endlicher Automat	- konečnyj avtomat	- lõplik automaat
-- finite state grammar			
finite state grammar	- Grammatik mit endlich vielen Zuständen, regulär begrenzte Grammatik	- avtomatnaja grammatika	- automaatne grammatika
finite state language	- Sprache mit endlich vielen Zuständen, regulär begrenzte Sprache	- avtomatnoi jazyk	- automaatne keel
formal	- formal	- formal'nyj	- formaalne
formal universals	- formale Universalien	- formal'nye universalii	- vormiuniversaalid

formalized grammar	- formalisierte Grammatik	- formalizovannaja grammatika	- formaliseeritud grammatika
formative	- Formativ	- formativ	- formatiiv
-- morpheme			

G

generalized P-marker	- generalisierter P-marker	- obobščennyj pokazatel' struktury	- üldkujuline F-tähis
generalized string	- generalisierte Kette	- obobščennaja cepočka	- üldkujuline rida
generalized transformation	- generalisierte Transformation	- obobščennaja transformacija	- üldkujuline transformatsioon
-- attachment t.			
-- conjoining t.			
-- embedding t.			
-- generalized P-marker			
-- recursive properties of grammars			
generative grammar	- generative Grammatik	- poroždajuščaja grammatika	- generatiivne grammatika
generative power	- generative Kraft	- poroždajuščaja sila	- generatiivne võimsus
grammar	- Grammatik	- grammatika	- grammatika

grammatical (wellformed) - grammatisch (wohlgeformt) - grammatičeski pravil'nyj - grammatiline
grammatical features - grammatische Merkmale - grammatičeskie priznaki - grammatilised
tunnused

-- morphological features

grammatical function - grammatische Funktion - grammatičeskaja funkcija - grammatiline
funksioon

grammatical morpheme - grammatisches Morphem - grammatičeskaja morfema - grammatiline
morfeem

-- morpheme

-- formative

grammatical transforma- - grammatische Transforma- - grammatičeskaja transformatsion
tion - tion - macija - grammatiline
transformatsion

grammaticalness - Grammatikalität - grammatičeskaja pravil'nost' - grammatilisuus

grammaticality

-- grammatical

-- acceptability

-- semi-sentence

I

ideal speaker	- idealer Sprecher	- ideal'nyj govorjaščij	- ideaalne kõneleja
idealization	- Idealisierung	- idealizacija	- idealisatsioon
-- linguistic description			
-- linguistic competence			
initial state	- Ausgangszustand, Initialzustand	- načal'noje sostojanie	- algseisund
-- finite state grammar			
-- finite automaton			
initial string	- Anfangskette	- načal'naja cepočka	- algrida
initial symbol	- Ausgangssymbol, Initialsymbol	- načal'nyj simvol	- algsümbol
intuition	- Intuition	- intuicija	- intuitsioon
-- linguistic intuition			

J

junctional elements	- Grenzmarkierungs- elemente	- stykovye elementy	- piirielement
---------------------	---------------------------------	---------------------	----------------

justification of grammars - Rechtfertigung von Grammatiken - justifikacija grammatikate
matik justifikatsioon

- observational adequacy
- descriptive a.
- explanatory a.

K

kernel of the language - Kern der Sprache - jadro jazyka - keele tuum
kernel sentence - Kernsatz - jadernoe predloženie - tuumlause
kernel string (K-string) - Kernkette - jadernaja cepočka - tuumrida

L

language - Sprache - jazyk - keel
lexeme - Lexeme - leksema - lekseem, leksikaalne
üksus
lexical item
-- semantic calculator
-- dictionary
lexical category - lexikalische Kategorie - leksičeskaja kategorija - leksikaalne kate-
goria

lexical entry	- Lexikoneintragung	- slovar'naja zapis'	- leksikaalne kirje
lexical rule	- Lexikonregel	- pravilo vvedenija lek- sem	- leksikonireegel
lexicon	- Lexikon	- leksikon, slovar'	- leksikon
-- dictionary			
linguistic competence	- Sprachkompetenz	- jazykovaja kompetencija-	- keelepädevus
linguistic performance	- Sprachverwendung	-	- keelekasutus
-- linguistic competence			
linguistic description	- linguistische Be- schreibung	- lingvističeskoje opi- sanje	- lingvistiline kirjeldus
-- universals			
linguistic intuition	- linguistische In- tuition	- jazykovaja intuicija	- lingvistiline intuitsioon
linguistic level	- linguistische Ebene	- lingvističeskij uroven'-	- lingvistiline tasand
linguistic theory	- linguistische Theo- rie	- lingvističeskaja teo- rija	- lingvistiline teooria, keeleteooria
=			
theory of language			
linking	- Anlagerung	- smykanije	- naaldumine, naale
-- semantic calculator			

local transformation - lokale Transformation - lokal'naja transformacija - lokaalne transformatsioon

M

major category	- Hauptkategorie	- glavnaja kategorija	- peakategooria
— lexical category			
mapping (onto)	- Abbildung (auf)	- otobraženie (na)	- kujutus
markedness	- Merkmalhaftigkeit, Markiertheit	- otmečennost'	- märgitus
marker	- Marker, Merkmal	- pokazatel'	- tähis
— P-marker			
— semantic marker			
— syntactic marker			
matrix	- Matrix	- matrica	- maatriks
— dictionary m.			
— distinctive feature m.			
— classificatory m.			
— systematic phonemic m.			
— systematic phonetic m.			

matrix sentence	- Matrixsatz	- matričnoe predloženie	- kärklause
-- embedding transformation			
-- generalized transformation			
-- dummy symbol			
minimal rules	- Minimalregeln	- minimal'nye pravila	- minimaalreeglid
modalization	- Modalitätsangabe	- modalizacija	- modalisatsioon
morpheme	- Morphem	- morfema	- morfeem
morpheme structure conditions (redundancy conditions)	- Morphemstruktur- bedingungen (Redundanzbedin- gungen)	- uslovija morfemnoj strukтуры (uslovija izbytoč- nosti v fonologii)	- morfeemikitsendused
morpheme structure rules (MS-rules) -- dictionary	- Morphemstrukture- regeln (MS-Regeln)	- pravila morfemnoj strukтуры	- morfeemireeglid (M-reeglid)
morphological features	- morphologische Merk- male	- morfoloģičeskie priz- naki	- morfoloogilised tunnused
morphoneme = morphophoneme	- Morpho(pho)nem	- morfofonema	- morfoneem
morphophonemic compo- nent	- morphonologische Komponente	- morfofonemnyj komponent	- morfoneemikakomponent

N

nesting	- Einpassung	- gnezdovanie	- pesastamine
-- semantic calculator			
-- linking			
neutralization	- Neutralisierung	- nejtralizacija	- neutralisatsioon
neutralized feature	- neutralisiertes Merkmal	- nejtralizovannyj priznak	- neutraliseeritud tunnus
non-linking const- ructions	- nicht-anlagernde Konstruktionen	- nesmykajuščiesja konstrukcii	- mittenaalduvad konst- ruksioonid
-- nesting			
-- delimitation			
-- modalization			
-- cluster			
-- configuration			
non-sense strings	- Nonsense-Ketten	- bessmyslennye cepočki	- nonsenssread
-- semi-sentence			
-- transfer rules			

obligatory transformation - obligatorische Transformation - objazatel'naja transformacija - obligatoorne transformatsioon, kohustuslik transformatsioon

-- transformation

observational adequacy - Beobachtungsadäquatheit - adekvatnost' nabljudeniija - tähelduslik adekvaatsus

-- descriptive adequacy

-- explanatory adequacy

optional transformation - fakultative Transformation - neobjazatel'naja transformacija - fakultatiivne transformatsioon

P

paraphrase - Phraphrase, Umschreibung - parafraza - parafraas

path - Weg - put' - tee

-- reading

-- semantic theory

-- dictionary entry

-- reading

-- semantic interpretation

phoneme = phonemic segment -- systematic phoneme	- Phonem	- fonema	- foneem
phonemic -- systematic phonemic representation	- phonemisch, phonematisch	- fonemnyj, fonemičeskij	- foneemiline
phonetic features -- systematic phonetic matrix	- phonetische Merkmale	- fonetičeskie priznaki	- foneetiline tunnus
phonetic matrix -- phonetic features -- systematic phonetic matrix	- phonetische Matrix	- fonetičeskaja matrica	- foneetiline maatriks
phonetic representation -- phonetic features	- phonetische Representation	- fonetičeskaja representacija	- foneetiline esitus
phonetic specificity -- phonetic features	- phonetische Spezifizierbarkeit	- fonetičeskaja identifikirujemost'	- foneetiline tähistatavus
phonological component -- phonological rules	- phonologische Komponente	- fonologičeskij komponent	- fonoloogiakomponent

phonological features	- phonologische Merkmale	- fonologičeskie priznaki	- fonoloogilised tunnused
-- distinctive features			
phonological redundancy	- phonologische Redundanzregeln	- fonologičeskie pravila izbytočnosti	- fonoloogilised liiasusreeglid
phonological representation	- phonologische Repräsentation	- fonologičeskaja reprezentacija	- fonoloogiline esitus
phonological rules	- phonologische Regeln	- fonologičeskie pravila	- fonoloogiareeglid
Phrase-marker	- Phrase-Marker, P-marker, Konstruktionsmarker	- pokazatel' NS-struktury, NS-pokazatel'	- fraasitähis (F-tähis)

=

P-marker

- base P-marker
- derived P-marker
- generalized P-marker
- semantic interpreted P-marker
- underlying P-marker
- morpheme

phrase structure grammar (PSG)	- Phrasenstrukturgrammatik, Konstituentenstruktur- grammatik	- grammatika nepos- redstvenno sos- tavljajuščich, NS-grammatika	- fraasistruktuuri grammatika, vahetute moodustajate gram- matika (VM-gramma- tika)
phrase structure rules (PS-rules)	- Konstituentenstruktur- regeln	- pravila neposredst- venno sostavlja- juščich, NS-pra- vila	- fraasistruktuuri- reeglid, vahetute moodustajate reeg- lid (VM-reeglid)
possible morpheme	- potentielles Morpheme	- võimalnaja morfema	- potentsiaalne mor- feem
pre-sentence	- Prä-Satz	- pre-predloženie	- eellause
pre-terminal string	- präterminale Kette	- pre-terminal'naja cepočka	- eelrida
process of selection (in phonology)	- Selektionsprozess	- process selekcii	- selektsiooniprot- sess, valikuprot- sess
projection problem	- Projektionsproblem	- problema proekcii	- projektsiooni- probleem
projection rule	- Projektionsregel	- pravilo proekcii	- projektsioonireegel

		R		
reading	- Reading, Lesart	-	-	lugem
readjustment component	- Ausgleichskomponente	-	prisposablivajuščij komponent	- võrrutuskomponent
recursive element	- rekursives Element	-	rekursivnyj element	- rekursiivne element
recursive property of grammars	- Rekursivität der Grammatik	-	rekursivnost' grammatik	- grammatikate rekursiivsustik
redistribution rule	- Umverteilungregel	-	pravilo pererasprede-lenija	- ümberjaotusreegel
redundancy-free matrix	- redundanzfreie Matrix	-	reducirovannaja matrica	- liiasusevaba maatriks
redundancy rules	- Redundanzregeln	-	pravila izbytočnosti	- liiasusreeglid
redundancy rules (of the lexicon)	- Redundanzregeln	-	pravila izbytočnosti leksikona	- leksikoni liiasusreeglid
restriction	- Beschränkung	-	ograničenie	- kitsendus
rewriting rule	- Ersetzungsregel	-	pravilo podstanovki, peropisyvajuščee pravilo	- asendusreegel

rule

- Regel

- pravilo

- reegel

- branching r.
- categorial r.
- constituent structure r.
- construal r.
- context-free
- context-sensitive
- expansion r.
- grammatical r.
- lexical r.
- morpheme structure r.
- morphophonemic r.
- phrase structure r.
- phonological r.
- projection r.
- redistribution r.
- redundancy r.
- rewriting r.
- segment structure r.
- spelling r.
- strict subcategorization r.
- syntactic r.
- traffic r.

- transfer r.
- transformation r.

S

sample lexikon	- Lexikonauswahl, Beispiellexikon, Auswahl aus dem Lexikon	- slovar'naja vyborka	- näidisleksikon
segment structure conditions	- Segmentstrukturbedingungen	- uslovija segmentnoi struktury	- segmendi tingimused
segment structure rules	- Segment-Strukturregeln	- pravila segmentnoi struktury	- segmendireeglid
selectional rules	- Selektionsregeln	- pravila selekcii	- selektsioonireeglid
selectional restrictions	- Selektionsbeschränkungen	- selekcionnye ogranichenija	- selektsioonikitsendused
semantic ambiguity	- semantische Ambiguität	- semantičeskaja mnogoznačnost'	- semantiline mitmesus
semantic calculator	- semantischer Kalkulator, semantische Ausgleichsinstanz	- semantičeskij kalkuljator	- semantiline arvuti

semantic component	- semantische Komponente	- semantičeskij komponent	- semantikakomponent
semantic evaluator	- semantischer Bewertungsinstanz	- semantičeskij evaluator	- semantiline väärtustiti
semantic interpretation	- semantische Interpretation	- semantičeskaja interpretacija	- semantiline interpretatsioon
semantic marker	- semantisches Merkmal	- semantičeskij priznak	- semantiline tähis
semantic metatheory	- semantische Metatheorie	- semantičeskaja metateorija	- semantika metateooria
semantic process	- semantischer Process	- semantičeskij process	- semantiline töötlus
semantically interpreted P-marker	- semantisch interpretierter P-marker	- semantičeskij interpretirovannyi NS-pokazatel'	- semantiliselt interpreeritud F-tähis
semantics	- Semantik	- semantika	- semantika
-- projection problem			
semantic theory	- Theorie der Bedeutung	- semantičeskaja teorija	- semantikateooria
semi-derivation	- Semi-Derivation	- semi-derivacija	- vaegderivatsioon
-- semi-sentences			
semi-sentences	- Semi-Sätze	- semi-predloženiija	- vaeglause
-- semi-derivation			
-- transfer rules			

sentence - Satz - predloženie - lause
 --grammar
 --sentoid

sentoid - Sentoid - sentoid - sentoid
 -- sentence

sequence - Folge, Sequenz - posledovatel'nost' - jada

sequence structure - Morphemstrukturregeln - pravila morfemnoj - morfeemireeglid
 rules struktury

=
 morpheme structure rules

sequential derivation - sequenzielle Ableitung - posledovatel'nyi vyvod - jadaderivatsioon

simple transformation - einfache Transforma- - prostaja transformacija - lihttransformatsioon
 tion

-- pre-sentence

simplicity - Einfachheit - prostota - lihtsus

-- justification of grammars

-- evaluation procedure

singular transformation - singuläre Transforma- - ediničnaja transforma- - singulaarne trans-
 tion tion cija formatsioon

spelling rules - Ausbuchstabierungs- -
 regeln - aapereeglid

207

state diagram	- Zustandsdiagramm	- diagramma sostojanij	- seisundidiagramm
-- finite state grammar			
string	- Kette	- cepočka, cep'	- rida
-- matrix string			
-- nonsense string			
-- terminal string			
strict subcategorization rules	- strikte kategorisierungsregeln	- pravila strogoi podkategorizacii	- otsesed alamkategoria reeglid
structural ambiguity	- strukturelle Ambiguität	- strukturnaja dvusmyslennost'	- struktuuri mitmesus
-- ambiguity			
structural description SD	- strukturelle Beschreibung SB	- strukturnaja charakteristika	- struktuurikirjeldus
= structural analysis	-	- strukturnoe razloženie	- struktuurianalüüs
= structure index	- Strukturindex	- strukturnyi indeks	- struktuuriindeks
structural change SC	- strukturelle Veränderung SV	- strukturnoe izmenenie	- struktuurimuutus
-- transformational rule			

substantive universals	- substantielle Universalien	- substancial'nye univerzalii	- substantsiuniversalid
surface structure	- Oberflächenstruktur	- poverchnostnaja struktura	- pindstruktuur
symbols in rewriting rules	- Symbole in Ersetzungsregeln	- siavoly v pravilach podstanovki	- sümbolid asendusreeglites
synonymity	- Synonymität	- sinonimičnost'	- sünonüümsus
syntactic component	- syntaktische Komponente	- sintaksičeskij komponent	- süntaksikomponent
-- semantic component			
-- PS-rules			
-- base			
syntactic marker	- syntaktische Markierung	- sintaksičeskij pokazatel'	- süntaktiline tähe
-- lexikon			
-- lexical rule			
-- dictionary			
syntactic pattern	- syntaktische Strukturmuster	- sintaksičeskaja model' predloženiija	- süntaktiline mall
syntax	- Syntax	- sintaksis	- süntaks

syntheticity	- Synthetizität	- sintetičnost'	- sünteetilisus
systematic phoneme	- systematisches Phonem	- sistemo-fonema	- süsteemfoneem
systematic phonemic matrix	- systematische phonemische Matrix	- sistemno-fonemičeskaja matrica	- süsteemfoneemi maatriks
systematic phonemic representation	- systematisch phonemische Repräsentation	- sistemno-fonemičeskaja reprezentacija	- süsteemfoneemide esitus
systematic phonemics	- Phonemik	- sistemnaja fonemika	- süsteemfoneemika
systematic phonetic matrix	- systematisch phonetische Matrix	- sistemno-fonetičeskaja matrica	- süsteemfoneetika maatriks
systematic phonetic representation	- systematisch phonetische Repräsentation	- sistemno-fonetičeskaja reprezentacija	- süsteemfoneetika esitus
systematic phonetics	- systematische Phonetik	- sistemnaja fonetika	- süsteemfoneetika

T

terminal language	- terminale Sprache	- terminal'nyj jazyk	- lõppkeel
terminal string	- terminale Kette, Endkette	- terminal'naja cepočka	- lõpprida

	terminal symbol	- Endsymbol, terminales Symbol	- terminal'nyj simvol	- lõppsümbol
28.	terminated derivation	- abgeschlossene Deri- vation	- zaversšennaja deri- vacija	- lõpetatud derivatsioon
	-- W-derivation of V			
	theory of the nature of language	- Theorie über die Sprache	- teoorija suščnosti jazyka	- keele olemuse teooria
	-- justification of grammars			
	-- linguistic theory			
210	traffic rules	- Ordnungsregeln	- uporjadočivajuščie pravila	- korrastusreeglid
	transfer features	- semantisches Über- tragungsmerkmal	- perenosjaščiesja priznaki	- siirdtunnused
	-- semantic calculator			
	--transfer rules			
	transfer rules	- Transferierungsregeln	- perenosjaščie pra- vila	- siirdereglid
	transform	- Transform	- transforma	- transform
	transformation	- Transformation	- transformacija	- transformatsioon

transformational cycles	- Transformations- zyklus	- transformacionnyj cikl	- transformatsiooni- tsükkel
transformational grammar	- T-Grammatik	- transformacionnaja grammatika, T- grammatika	- transformatsiooni- grammatika
transformation-marker	- Transformations- marker	- transformacionnyj po- kazatel', T-pokaza- tel'	- transformatsiooni- tähis
transformational subcom- ponent	- Transformations- subkomponente	- transformacionnyj pod- komponent	- transformatsiooni alamkomponent
transcription	- Transkription	- transkripcija	- transkriptsioon
Turing-machine	- Turing-Maschine	- mašina Tjuringa	- Turingi automaat, masin
= determined machine			
-- finite automaton			
-- finite state grammar			

U

understanding	- Verstehen	- ponimanie	- mõistmine
---------------	-------------	-------------	-------------

universals	- Universalien	- universalii	- universaalid
------------	----------------	---------------	----------------

V

variables	- Variable	- peremennye	- muutujad
-- symbols used in rewriting rules			
Verb Phrase VP	- Verbalphrase	- glagol'naja gruppa	- verbifraas
vocabulary	- Vokabular	- slovar'	- sõnastik

W

well-formed	- wohlgeformt	- pravil'no obrazo- vannyj, postroennyj	- grammatiline, õige
=			
grammatical	- grammatisch	- grammatičeskij	- grammatiline
-- acceptability			
-- grammaticality			
-- semi-sentence			
W-derivation of V	- W-Derivation von V	- W-vyvod cepocki V	- VW-derivatsioon
-- terminal string			
-- derivation			

angular brackets	- Winkelklammern	- uglovye skobki	- vinkelsulud
braces	- geschweifte Klammern	- figurnye skobki	- loogelised sulud
ordinary parentheses	- runde Klammern	- kruglye skobki	- ümarsulud
square bracets	eckige Klammern	- kvadratnye skobki	- nurksulud

О г л а в л е н и е

А. П. В о л о д и н, В. С. Х р а к о в с к и й. Система абстрактных синтаксических структур	2
С. И. К а л а б и н а. Порождающая грамматика и проблема вариантности в языке	36
А. Е. К и б р и к. Об иерархической структуре смысла связанного текста	47
С. В. К о д з а с о в. Фонологическая часть порождающей грамматики и восприятие речи	71
Т. Г. К о з ы р е в а. Дистрибутивный анализ как способ разграничения безлично-предикативных слов и форм других частей речи в системе русского литературного языка	80
Н. В. К о с с е к. О взаимодействии внешней и внутренней валентности при порождении предложных словосочетаний	92
В. В. М а р т ы н о в. Парадигматический план языка и порождающие грамматики	102
В. А. М о с к о в и ч. К вопросу о закономерностях порождения слов в естественных и искусственных языках	112
В. П. Н е д л я к о в, Г. А. О т а и н а. Типы деривационных гнезд нивхских глаголов	120
В. Г. Р у д е л е в. Фонологическая интерпретация структуры слова (на материале русского языка)	131
Т. А. Т у л и н а. Трансформационный анализ трехчленных именных структур в русском языке	141
А. А. Х а д е е в а-Б ы к о в а, А. Н. Г у л я е в. Об одном количественном принципе организации семантики в связи с гипотезой глубины Ингве	152

Л. Е. Х и ж е н к о в а. Парадигмы английских синтаксических структур со значением причинно-следственной связи	I63
Э. Л а н г. Словарь терминов порождающей грамматики ...	I76

ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

3. 3

На русском, английском и немецком языках

Ответственный редактор Х. Рятсен

Корректор И. Аболдуева

Тартуский государственный университет

СССР, г. Тарту, ул. Пилксола, 18

Ротапринт ТГУ 1969. Сдано в печать 31/III 1968 г.

Печ. листов 13,5. Учетн.-издат. листов 8,5.

Тираж 700 экз. Бумага 30x45.1/4.

МВ 09624. Заказ № 800

Цена 85 коп.

6-2